

ЖРАТВА

ЗАКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

Лев Лосев родился в Ленинграде в 1937 году, там же в 1959-м окончил филологический факультет университета. Унаследовав от отца, детского писателя В. А. Лифшица, профессию, редактировал отдел спорта и юмора в журнале „Костер“, писал пьесы для кукольных театров, стихи для малышей. Писал и просто стихи, собирал литературные материалы; и то и другое начал публиковать, оказавшись за границей в 1976 году.

Теперь Лосев живет в Новой Англии, преподает русскую литературу в Дартмутском колледже. Занимается литературоведением и литературной критикой.

Собранные издательством „Эрмитаж“ в этой книге очерки автор написал в первый год жизни на Западе. Они были опубликованы на русском, английском, польском и других языках в журналах

Рис. М. Беломлинского

ЛЕВ ЛОСЕВ

„Континент“ и „Нью-Йоркское книжное обозрение“.

Очерк „Самиздат

и самогон“ был в 1979 году отмечен премией „Лучший очерк года“.

ЛЕВ ЛОСЕВ

ЗАКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ

ЭРМИТАЖ

Лев Лосев

**ЗАКРЫТЫЙ
РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ**

Эрмитаж

1984

Лев Лосев

ЗАКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ
(Цикл очерков)

Lev Loseff
Zakryty Raspredelitel'
(“A Store for the Priveleged.” A cycle of sketches)

Copyright © 1984 by Lev Loseff
All rights reserved

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Losev, Lev, 1937-
Zakrytyĭ raspredelitel'.

Contents: Nenapisannye reportazhi -- Zhratva --
Familiĭ -- [etc.]

1. Mass media--Soviet Union--Addresses, essays,
lectures. 2. Mass media--Censorship--Soviet Union--
Addresses, essays, lectures. I. Title.

P92.S65L67 1984 001.51'0947 84-6650

ISBN 0-938920-42-1

Оформление обложки Сергея Довлатова
(С рисунком М. Беломлинского)
Cover design by Sergei Dovlatov

Published by HERMITAGE
2269 Shadowood Drive,
Ann Arbor, MI 48104, USA

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ненаписанные репортажи	7
Жратва	52
Фамилии	65
Письма	74
С чего начинается цензура	98
Самиздат и самогон	139
Поэзия востока	180

НЕНАПИСАННЫЕ РЕПОРТАЖИ

Предуведомление

В юности мне, можно сказать случайно, удалось осуществить свое незрелое желание — поступить на отделение журналистики в университет.

Я получил диплом и стал журналистом — профессия, в основном, бессмысленная для порядочного человека в современной России.

Однако, благодаря этой своей профессии, я изъездил страну вдоль и поперек, повидал многое — от парадной поверхности официальных празднеств и цеховских коридоров до деревенских и таежных глубин.

Я возвращался из командировок с постными записями в деловых блокнотах и с почти невыносимым запасом впечатлений — трагических, абсурдных, страшных и смешных.

Я заставлял себя рассматривать всю свою обыденную жизнь как некую творческую командировку.

Вызов водопроводчика из домовой конторы, явка в военкомат по повестке, дежурное планирование очередного номера нашего журнала или слушание речи очередного вождя — от всего этого надо было отстраниться, чтобы не сойти с ума от ужаса и бессмыслицы или, еще хуже, не привыкнуть и не принять этот образ жизни как свой и естественный.

И вот эта командировка (которая и была всей моей жизнью) подошла к концу.

Надо, как говаривали мои бывшие коллеги, о т п и с а т ь с я.

Я не хочу и не могу рассматривать то, что составляет мою память, как литературный материал, подлежащий отбору, выстраиванию, шлифовке.

Сказано: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным».

Я только рупор (один из многих), через который осуществляется этот благодетельный для человечества завет.

Я только репортер, предоставляющий без разбора в Ваше распоряжение свой запас историй, фактов и анекдотов.

Я не ручаюсь за значительность каждой моей заметки.

Я ручаюсь только за правдивость.

Я не тешу себя надеждой написать портрет России.

Я только отдаю свои фотографии и наброски в надежде, что они пригодятся в работе над тем портретом моей родины, который Вы создаете для себя сами, г-н Читатель.

Автор

Вдоль стеклянной стены

Можно прожить всю жизнь внутри советского государства и ни разу не наткнуться на нее, но, все равно, ты всегда знаешь и помнишь о ней, потому что она внедрена с детства, с младенчества в твое сознание — Стеклянная Стена.

Собственно, это название, заимствованное из «Мы» Замятина, скорей всего и неизвестно рядовому советскому гражданину, скорей на ум ему придет что-то из долбежных штампов советской журналистики: «днем и ночью несут бессонную вахту на рубежах нашей Родины», «надежный кордон», «граница на замке!» — все эти стертые до прозрачности словечки, годами срастаясь между собой, и создают Стеклянную Стену в сознании, ощущение безнадежной отгороженности одной шестой части суши от всей земли и всего человечества.

Пограничник с собакой, стерегущие родимый рай от бушующего вокруг всемирного зла, которое только и делает, что ищет лазейки, стремится проникнуть к нам, чтобы вредить и пакостничать, — один из первых фантомов советского мифотворчества.

Вот уже несколько десятилетий подряд в первых своих хрестоматиях советские дети читают сагу о героическом пограничнике Карацупе и его верном псе Индусе (только вот с 50-х годов, когда началась государственная дружба с Индией, пес сменил имя на несколько загадочное — Ингус).

Пограничники-супермены из детских книжек и кинофильмов скачут и стреляют, как ковбои, сокрушают врага приемами дзю-до, как самураи, и не забывают проявлять при этом высокие морально-политические качества советского человека — пока еще ни одной подосланной мировым империализмом крашеной блондинке не удалось соблазнить русского молодца в зеленой фуражке.

Правда, чем ближе к практике, тем скуднее драматизм сюжетов.

Помню, как в ленинградской типографии имени Володарского, где печатаются многотиражные газеты-близнецы предприятий и учреждений, я просматривал номера газетки северо-западного пограничного округа. Бедные пограничные журналисты! В каждом номере требовался образцово-показательный подвиг стража границ, но, в то же время, для своего внутреннего потребления врать запрещалось.

В результате все их очерки строились по одной схеме.

«Владимир И. прибыл для прохождения службы в Н-ский погранотряд, днем и ночью несущий неустанную службу по охране государственной границы Советского Союза в ленинградском морском торговом порту. Вначале Владимир проявлял разболтанность, недисциплинированность. Опаздывал на политзанятия,

плохо заправлял койку. Комсомольцы части сурово, по-товарищески поговорили с молодым бойцом. Владимир глубоко задумался о том, куда может привести его кривая дорожка. Он стал внимательнее относиться к выполнению своих обязанностей. И вот настал день испытания. Владимир нес службу по охране государственной границы у трапа теплохода, прибывшего под флагом одной зарубежной державы. Один из пассажиров спустился по трапу и, развязно осклабясь, протянул Владимиру И. пестро раскрашенную пачку сигарет (варианты: жевательной резины, плитку шоколада, колоду карт с фривольными картинками). Но комсомолец воин-пограничник Владимир И. решительно пресек наглую вылазку зарвавшегося молодчика. Он отказался взять протянутое. «Молодец, Владимир!» — говорили вечером товарищи-комсомольцы».

Но эту смехотворную газетку, кроме меня, вряд ли читал даже собственный редактор, а в массовых изданиях подвиги пограничников имеют образцово-показательный характер — поимка шпионов, диверсантов, на худой конец, контрабандистов (но обязательно с эпитетом «матерый»).

Растет Стеклянная Стена.

Колеса по советской стране, я не раз натыкался на нее физически. Реально она имеет мало общего со Стеклянной Стеной Замятина, отгораживающей стерилизованный мир Единого Государства от неупорядоченного развратного мира живой природы.

Несколько часов подряд я ехал поездом вдоль границы по Закавказью: вышка-прожектор-часовой — колючая проволока на бетонных столбах — вышка-прожектор-часовой — колючая проволока на бетонных столбах — вышка... В других районах страны столбы попадались по-старинке деревянные, но вышка-прожектор-часовой — те же.

Все это напоминало точно так же устроенные ограждения в местах, весьма удаленных от наших

государственных границ: ограждения вокруг исправительно-трудовых лагерей. И когда представлял себе всю эту северо-восточную часть евразийского материка обнесенной колючей проволокой, метафора «страна-лагерь» обретала зловещую вещественность.

(Напротив, один мой друг, проведший немало лет за колючей проволокой внутри страны, доказывал, что лагеря, таким образом, являются энклавами свободы внутри державы-лагеря.)

Там же, где протянуть колючую проволоку от вышки до вышки нельзя, на прибалтийских пляжах например, всё же с армейским идиотизмом ежевечерне пахут пресловутую контрольно-следовую полосу. Даже когда море штормит и прибой зализывает пахоту сразу вслед за пограничным трактором. Я даже видел несколько раз, во время особенно сильного прибоя, как трактор пахал прямо по воде. Это уже относилось к области пограничной магии.

Впрочем, привыкнув относиться к пахарям-пограничникам иронически, однажды во время вечерней дачной прогулки мы с женой беззаботно пошли по КСП (контрольно-следовой полосе). Заговорились, забыли, что это не просто наш любимый пляж... Мы едва ли даже не любовались маханиями прожекторного света по вечернему небу и черной ночной воде.

И вдруг что-то болезненно спрессовывающее, подавляющее сразу зрение, слух, все чувства, навалилось на нас. Мы попали в перекрест прожекторов, вызвали взвой сирен!

Было инстинктивное желание крабом врыться в песок.

Как мы заставили себя перемахнуть через дюны и продрасться к дому через непролазную чащу мелких елочек!

А они ведь и не гнались за нами — просто пугнули дачников.

Надежна стена — даже без столбов с колючкой,

а из одного только света, да воя, да нашего страха!

Вскоре после того, вернувшись на работу, я получил журналистское задание написать о ЮДП.

ЮДП — это «юные друзья пограничников», одно из бравых начинаний комсомола. Школьники в приграничье организуются в отряды ЮДП для муштры, военных игр, а главное, слежки за всем, что им, школьникам, покажется подозрительным (в комсомольских отчетах это идет по разряду «военно-патриотическое воспитание», или, на комсомольском жаргоне, «патриотика»).

Нас с коллегой в этом задании — не гнуснее, чем любое другое журналистское задание на нашей службе, — привлекла возможность посетить экзотические места Средней Азии, куда иначе, без трудно добываемых пропусков, не попадешь.

Мы миновали европеизированную (вернее, сталинизированную — по архитектуре) после землетрясения республиканскую столицу.

Затем — вполне еще глинобитный, халатный и грязный областной центр.

Райцентр в приграничной зоне, военное поселение.

И, наконец, граница.

Застава.

Разумеется, столичных корреспондентов направили в образцово-показательное подразделение.

Эта казарменная образцовопоказательность особенно выделялась на фоне нестройной дикости природы: скалы, непролазные трехметровые камыши, в которых гремит галькой река-граница, голые горы, уже на т о й стороне.

А застава — квадрат ровной земли, расчерченной яркой, ежедневно подновляемой известкой.

Плац. Гимнастическая площадка. Барак. Еще барак. Сарай для собак.

Крепенький, сверкающий пуговицами и бритыми скулами капитан, начальник заставы, со вкусом при-

нимал гостей. Мы осмотрели каждый квадратный метр этого прямоугольника, который капитан эрудированно называл «своей фортецией».

И запасливый бак для воды. И выписанный из Москвы баян. И чистый люфт-клозет. И все грамоты: за учебно-воспитательную работу, за самодеятельность, за баскетбольную победу, за ЮДП...

По журналистской добросовестности, мы спрашивали имена, факты. Капитан тут же подзывал ответственного за учебу, за баскетбол или за самодеятельность солдата: «Астапенко, Андреюк! Завгородний! Ко мне!»

— Что это у вас все украинцы подобралось? Местных нет?

Капитан фыркнул. Разъяснил снисходительно, дивясь нашей необразованности:

— Местным здесь служить не положено. Местных на западную границу больше шлют, на северную.

Дошло дело и до интересующих нас ЮДП.

Громадный парубок в солдатской гимнастерке пугливо вытянулся перед нами и принялся докладывать:

— Ибрагимов себя хорошо проявил... Шарипов... Умаров...

— А познакомиться с ними нельзя, поговорить? Испуганный взгляд на капитана.

— Сейчас нельзя, — спокойно сказал капитан, знающий, что мы сегодня же должны уехать, — дня через три. Сейчас они все на хлопке.

Чувствуя, что наше задание здесь горит синим огнем, мы переглянулись и стали складывать блокноты. Но у капитана была крепкая хватка: когда еще гости заглянут — через месяц, через полгода... А до отпуска еще куда как далеко...

— Нет, так не положено... Так мы гостей не отпускаем... Еще каши нашей придется отведать, солдатской...

Каша, разумеется, оказалась обширными, в сковороде, бифштексами, обильным пловом, салатами и «чем положено».

За ужином капитан все хвалился своими огородными и строительными усовершенствованиями, а мы все пытались повернуть разговор в романтическую сторону его службы:

— Ну, а как, нарушения границы часто бывают?

— Невозможно, — поторопился вставить наш приставленный от замполита провожатый. — На КСП знаете какие приборы! Электроника! Паук не пройдет.

— Бывают, — невозмутимо, не обращая на него внимания, ответил капитан. — Чечмеков за этот год три раза задерживали. Из города два школьника, десятиклассники, пытались уйти...

— А с той стороны, а с той?

— А с той редко бывает. Ну, если какой ихний чечмек залезет под самое ограждение дров нарубить... Но мы так делаем. Сразу его не берем. Пускай нарубит, на ишака своего навьючит. Тогда мы его с ишаком и гоним, прямо к нам на кухню. Подержим сутки взаперти и выпускаем. У нас это называется «дровозаготовки»...

Стемнело. Сопровождавший нас штабной офицерик стал поглядывать на часы. Но капитан совсем еще не насытился обществом.

— Да погоди ты, лейтенант! Мы ж им еще задержание под ракету не показали. Не видели, небось, задержание под ракету?

Мы признались, что не видели.

— Паламарчук!

От скамеечки, где тлели последние перед сном сигарки, отделилась громоздкая фигура.

— Есть, товарищ капитан, — сказал Паламарчук с заметной грустью.

— Покажем гостям задержание под ракету, Паламарчук?

— А, може, товарищ капитан...

— Э-э, Паламарчук, дрейфишь! Как баба...

— Да не...

— Ну, живо. Кру-гом!

Еще пару минут что-то возилось и глухо рычало в окружавшей нас непроглядной азиатской ночи.

Затем капитан звонко над самым ухом пальнул раз и другой из ракетницы.

Все фосфорически осветилось, и мы увидели нелепо улепетывающего в драном ватном малахае Паламарчука и пару огромных, как баскервильские псы, волкодавов, нагнавших его в два прыжка. Из покотившегося по земле рычащего кома раздался явно человеческий взвизг.

— Хватит, товарищ капитан! — взмолились мы.

— Охрименко! Отзови собак... Ну, что там у тебя, Паламарчук, опять?

— Да палец прокусил... Мухтар этот...

— Ну-ну, Паламарчук, не будь бабой...

Наш провожатый решительно пошел к нашему газику.

— Ох, проторчали мы тут у тебя, петляй теперь в темноте...

— А вы вдоль границы, — радушным хозяйским тоном предложил капитан, — там не собьетесь.

— Вдоль границы? Так это ж море крови будет.

— А я сейчас своим позвоню и на шестнадцатый, предупрежу...

— Ну, давай...

Прислушиваясь к этому пограничному разговору, мы полагали, что нас провезут вдоль колючепроволочной изгороди, и никак не ожидали того, что последовало.

Простившись с хозяйственным капитаном, наш провожатый подвез нас к тому месту, где в пресло-

вutoй изгороди торчали из колючей же проволоки сплетенные высоченные ворота.

На воротах висел самый обыкновенный амбарный замок очень большого размера.

Трепаная-перетрепаная метафора «граница на замке» на наших глазах овеществлялась.

К газику шагнул часовой с автоматом.

— Все в порядке? — как-то глупо спросил у него наш лейтенант.

— Все нормально, — ответил часовой.

(Только после того, как этот обмен идиотскими репликами повторился два-три раза у попадавшихся в пути «секретов», я сообразил, что это пароль и отзыв.)

Часовой подошел к воротам, отпер замок и со скрипом растворил проволочные, колючие ворота.

И мы выехали.

За.

...дорога вилась в высоченных камышах, над нами в синей полосе текли толстовские звезды, мы были на свободе, нигде, в невероятном, в подлинном мире, и для полного сходства с замятинской сказкой то заяц, то косуля замирали в свете фар, а потом этот свет совсем уж фантастически стал роиться в каких-то белых клубах...

— Что это? — спросил я у водителя.

— Пыль, — ответил лейтенант и выглянул из окошка. — Мать моя женщина! Да мы уже километра полтора по КСП прем!

(Вот тебе и электронные датчики!)

Мы вывернули снова на ничейную полосу.

В стороне сопредельной державы была непроглядная тьма.

— У них пограничников нету, — объяснил лейтенант. — Не держат. Отсталость у них.

Еще через полчаса газик ткнулся в такие же точно

колючепроволочные ворота, как те, из которых мы выехали.

«Все в порядке? — Все нормально».

Газик вкатился.

Часовой со старательностью неуклюжего ночного сторожа затворил колючую проволоку, навесил громадный замок и трижды с пронзительным железным скрипом повернул ключ.

— Вот мы и дома, — сказал мой товарищ.

Розовые лица

Некрологи на киностудии «Ленфильм» обычно вывешиваются в главном вестибюле под барельефом Ильича, неискусно вырезанным из пенистого пластика. В начале прошлого года на траурном месте появилось следующее извещение: «31 января... скоропостижно... наш товарищ, актер Студии киноактера Александр Костин... организация похорон... Партком... Местком...»

31 января, за полночь, несколько ленфильмовцев, и среди них Саша Костин, тридцатилетний красавец, весельчак, гитарист, в одном такси возвращались после вечерней смены. Костин, в связи с тем, что ему через два месяца предстояло стать отцом, недавно получил квартиру в новом районе, на самой окраине, и потому он, в конце концов, остался в машине один.

«Куда тебе?» — спросил шофер. — «Вроде бы, дальше...» — ответил Костин; он еще не научился различать эти новые дома-коробки. «А точнее...» — занервничал усталый шофер. — «Там покажу».

Актер после напряженной трудовой смены и шофер в конце своей, оба были переутомлены и раздражительны. Таксист требовал точный адрес, пассажир — везти дальше. Наконец, шофер остановил машину

и крикнул: «Плати и вылезай, а не то отправлю в отделение милиции, вот оно, рядом!»

«В отделение?! — рассердился Костин. — Да я сам туда пойду. Пусть разберутся!»

И, хлопнув дверцей машины, он зашагал к милицмейским дверям. («Розовые лица. Револьвер желт. Моя милиция меня бережет» — это он, наверное, еще на школьных вечерах самодеятельности декламировал из Маяковского, ударяя на местоимения).

Шофер побрел за ним.

В отделении они кипятились, обвиняли друг друга перед дежурным лейтенантом, составлявшим акт. Потом лейтенант отпустил шофера, а Костина задержал. Почему? Скорей всего, темпераментный актер вызвал у лейтенанта естественное полицейское желание проявить свое всеислие: «Ах, ты — актер, интеллигент... так посидишь у меня в холодной...» А может быть, просто план загрузки кутузки в эту ночь был невыполнен, так не шофера же задерживать — у него такси.

Из отделения милиции труп Саши Костина под утро отвезли в морг. В милицмейском протоколе было написано, что был сильно пьян, буянил, бился о стены и умер от внезапного сердечного приступа до прихода «скорой помощи».

Все это было согласно со страшной народной молвой о милиции. Типично, как у нас говорится.

Дальше началось нетипичное. Рано утром, поднятые встревоженной женой Костина (уже вдовой, еще не знающей своего вдовства), друзья-актеры проявили нетипичную для советских граждан предприимчивость в розысках — отыскали того шофера, приехали в то отделение, и, главное, нимало не поверив липовому протоколу, рванулись в больницу, в морг, замахали перед врачом красными книжечками (а в России и для полуграмотного работяги и для образованного врача красная книжечка — власть, потому все,

кто может, стараются, чтобы их профессиональные удостоверения — актерские ли, писательские ли, сапожной ли артели — были в красных корочках, как у партийных, как у милицейских), и врач выдал им акт вскрытия: «Множественные кровоизлияния... вызванные ударами в область брюшины и паха... Смерть наступила вскоре после полуночи от разрыва брыжейки...»

Через полтора часа акт уже лежал на столе у директора киностудии Блинова. И опять случилось нетипичное. Замученный финансовыми провалами студии директор оплошал. Уж ему ли, стреляному номенклатурному воробью, не знать, как такие дела делаются. Надо снять трубку, позвонить «по вертушке» (специальному телефону, связывающему работников партийного и советского аппарата) в обком партии товарищу, ведающему работой милиции и органов... А Блинов (говорят, крепко досталось ему за это впоследствии) подмахнул заготовленное письмо в прокуратуру.

И прокуратура приняла дело к производству!

Слишком уж очевидно на этот раз вскрылось преступление. Слишком широко оно стало известно в среде интеллигенции. Приходилось принести в жертву несколько младших чинов.

Опростоволосившись поначалу (не успели предупредить, запугать врачей в морге), милицейские принялись спасать свои шкуры. Первым делом стали вымогать у таксиста показания, что Костин в тот вечер был пьян и буянил. Типично ли, нетипично — тут уж не берусь судить — но у таксиста была совесть, он и без того горько казнился, считая себя причиной гибели ни в чем не повинного человека, и он не только ничего не подписал из того, что подсовывали ему милиционеры, но и дал следователю прокуратуры правдивые показания.

Показала правду и старушка-выпивоха, ночевав-

шая в ту ночь в кутузке. Ее всегда арестовывали, когда надо было помыть полы в отделении, а в то утро еще и кровь пришлось замывать.

Без лжесвидетелей лейтенант и два арестованных младших чина, разумеется, принялись закладывать друг друга. Так постепенно нарисовалась вся страшная картина.

После ухода шофера Костин все негодовал, кричал, что арест незаконен, что дома беременная жена с ума сойдет от волнения. Лейтенант дал знак дежурному сержанту: «Успокоить».

Костина вытащили в заднюю комнату и принялись отводить душу.

В это время в отделение зашел сдать дежурство шофер патрульной машины, старательный милицкий новичок. «Это кто там дорывается?» — «Да, там ребята возятся с одним... Актер, вроде...»

А шоферу милицмейские игры в новинку, полюбил поглядеть. Разожгло. Двое бьют одного, беззащитного, как же третьему не присоединиться! «А вот как нас в десантных войсках учили бить! Дайте покажу!»

И показал, бывший десантник, «отличник боевой и политической подготовки»... Вроде бы, следствие установило, что смертельный удар нанес именно он. А тогда он только сделал, как в армии учили: «дать раза, но чтоб не встал» — и ушел, гордый.

Присудили лейтенанту и сержанту по восемь с половиной лет лагерей, а бывшему десантнику — девять. Говорят знающие люди, что попадут они под сокращение сроков и, уж конечно, коллеги в лагерях найдут применение их милицмейской сноровке.

На многолюдных похоронах Костина густо шныряли востроглазые молодые люди, которых никто из студийцев никогда прежде не видел. Поэтому в речах выступавшие не особенно возмущались преступлением, а между собой собравшиеся говорили о мело-

драматической проделке судьбы: одной из последних работ покойного было дублирование на русском языке роли жертвы полицейской расправы. Фильм был французский. Режиссера М. Карне. Назывался «Следствие закончено. Забудьте». Его очень хвалили советские критики за беспощадное разоблачение нравов буржуазной полиции.

«Розовые лица. Револьвер желт. Моя милиция меня бережет» («Стережет» — как любят у нас перифразировать).

Происшествие с Костиным приобрело огласку и стало предметом судебного разбирательства не только в силу стечения не типичных обстоятельств, но и потому, что пришлось на гребень бесчинств ленинградской милиции.

Когда заканчивался процесс над убийцами Костина, в том же городском суде на Фонтанке начинался процесс над милиционерами, надругавшимися над задержанной пятнадцатилетней девочкой. Еще одна грязная история, которую не удалось замять.

Незадолго до того еще о двух делах говорили в городе громко (а о скольких тихо, без точных данных, а сколько вообще шито-крыто!). О забитом насмерть, как Костин, рабочем пареньке с Кировского завода и о загубленном пожилым ветеране войны.

С ветераном как получилось. Его на улице хватил сердечный приступ. Но подобрала на беду не «скорая помощь», а грязный милицейский фургон, который свозит пьяных в вытрезвитель. Очнувшись в фургоне, больной стал объяснять, что с ним, просил вызвать врача. Поскольку по милицейской логике всякий упавший на улице человек — пьяный, а с пьяным можно делать все что угодно, старику двинули хорошенько. А он и умер.

И тоже неудачно так для милиции получилось — оказался покойник Героем Советского Союза. И родственники добились вскрытия, экспертизы...

Осенью 1974 года было в Ленинграде еще одно скандальное милицейское дело.

Произошла серия необыкновенно крупных и ловких ограблений магазинов в околolenинградском поселке Всеволожское. Хищение вышло таких размеров, что сыщиков прислали из Москвы. А те без особого труда обнаружили, что шайкой грабителей был, чуть ли не в полном составе, Всеволожский районный отдел милиции. Отключали вечером у себя в отделе магазинную сигнализацию, чтобы зря не гудела, открывали магазины и брали у кого на что глаз ляжет.

Все это, сложившись вместе, заставляло думать, что власти не отделаются несколькими засуженными сержантами с лейтенантом.

И действительно, центральная «Литературная газета» опубликовала на целую полосу беседу с министром внутренних дел Щелоковым о соблюдении правовых и этических норм работниками советской милиции. Бесконечное однообразие вопросов корреспондента «ЛГ» сводилось к одному, вроде: «Ведь правда, товарищ министр, что культурный и профессиональный уровень нашей милиции повысился в последнее время на еще более недостижимую высоту?» А министр отвечал, что правда, и приводил многозначные числа, доказывающие, что в милиции теперь работают специально образованные, а стало быть, культурные и гуманные люди. Наконец, где-то ко второй половине одуряюще монотонной публикации, то есть там, куда не всякий читатель прорвется, прорвалось у министра, что еще кое-где порой отмечают отдельные нарушения законности, но самые строгие меры и т. д. и т. п.

Знатоки и умельцы читать советскую газетную жвачку между строк закатывали глаза и говорили: «Ого! Кто-то еще полетит ...»

И правда — вскоре на казенной даче в Зелено-

горске повесился заместитель начальника ленинградского управления милиции по кадрам.

Видимо, бедняге за слишком заметные бесчинства вверенных ему кадров предстояло проститься с номенклатурными привилегиями. Он предпочел сук и веревку.

Рубль кучка!

Однажды я читал довольно занятную брошюру — «Перечень книг, запрещенных к приему в букинистические магазины» (в СССР, разумеется). Для удобства пользования в брошюре был строго соблюден алфавитный порядок, и потому корифеи марксизма — Сталин, Мао, Хрущев — были рассованы по своим буквам, а не вынесены, как полагается, во главу списка.

Буква Д в перечне начиналась двумя страницами безавторских брошюр, называющихся на «Да здравствует...»: «Да здравствует великая и всепобеждающая...», «Да здравствует единая и нерушимая...», «Да здравствует непреклонное...»

Какие-то имена и события, подлежащие вычеркиванию из правильной коммунистической истории, сделали миллионнотиражные брошюры опальными. Миллионнотиражные...

А ведь это же те самые хвостатые вереницами нулей тиражи, которые в других брошюрах и докладах горделиво свидетельствуют о необычайном расцвете книгоиздательства, а стало быть, и культуры в Советском Союзе! Это — тонны вечнодефицитной бумаги, гектары нерасчетливо сведенного леса, украденные у Пушкина, Гоголя, Ахматовой, Булгакова, Данте, Фолкнера.

Существует такой леденцовый миф, постоянно обсасываемый слюнявой советской публицистикой, что де постоянный книжный дефицит в СССР есть за-

мечательное доказательство необычайного духовного расцвета личности при советском строе. «В Москве у входа в книжный магазин, где очередь стояла за Спинозой...» — сладко щебетала Вера Инбер, а газетные людоеды умильно цитировали: вот ведь как, за Спинозой у нас очереди стоят, за Спинозой!

Ну, положим, в очередях советские граждане стояли и стоят не только за Спинозой.

За мясом, за картошкой, за кофточками, за зубной пастой, за апельсинами, за туалетной бумагой, за номерком на прием к врачу, за лодкой напрокат в выходной день и так далее, до бесконечности. И, конечно же, за книгами, когда есть надежда приобрести хоть что-то для ума и сердца, а не очередное «Да здравствует...»

При Сталине положение советского читателя и покупателя книг было проще, определеннее. Два-три раза в год объявлялась подписка на собрание сочинений какого-нибудь проверенного классика: то ли Ивана Гончарова, то ли Виктора Гюго. Опытный книголюб записывался в очередь за несколько дней, приходил на ночные проверки, последнюю ночь выстаивал у дверей книжного магазина, не сходя с места, и тогда мог рассчитывать на счастье подписки.

Нынче у книголюба, просматривающего советские издательские планы, сердце сжимается от безнадежности и вожделения. Чего только нет в этих планах! Классики, начиная с античности. Самые громкие имена современных литератур зарубежья. Даже многолетне запрещенные Мандельштам, Волошин, Клюев... Но учен книголюб и знает, что никогда, ни при каких обстоятельствах ни одна из этих книг не окажется на прилавке книжного магазина.

Если до магазина и доберется один-другой экземпляр, то и затаится в директорском сейфе с тем, чтобы пойти в круг натурального обмена — то ли с директо-

ром соседнего «Гастронома» на лососину, то ли с директором соседнего «Универмага» на итальянские сандалии.

А еще будут распределены экземпляры по обкомовским (и выше) недоступным, за охранниками и проверкой документов, спецларькам, чтобы украсить пестрыми корешками финскую и румынскую мебель в квартирах номенклатурных товарищей.

А еще уйдет русская и так необходимая в России книга за границу.

Не так давно на совещании в издательстве «Советский писатель» кто-то из темных задних рядов прислал оратору из Госкомитета по печати вопрос: почему такие ничтожные тиражи определяются для книг из популярной серии «Библиотека поэта», так что даже работникам издательства не достается по экземпляру стихотворных сборников Владимира Соловьева, Мандельштама?

«Товарищи! — изумился оратор из Госкомитета. — Мы же в своем кругу! Неужели непонятно, что все эти книги мы издаем и отправляем за рубеж, чтобы заткнуть глотки нашим идеологическим противникам!»

«Заткните и нам!» — крикнул из темноты какой-то отчаянный шутник.

Но все же в полное уныние настоящий книголюб не приходит, ибо знает, что существует вечно преследуемый, но неистребимый и неисчерпаемый Книжный Черный Рынок.

Однажды, по журналистской надобности, в большом областном центре я сидел в кабинете директора крупного книжного магазина. Раздался телефонный звонок «междугородней». Я поневоле услышал разговор и, как ни притерпелся ко всякому, на этот раз удивился. Провинциальному книготорговцу звонил ведущий публицист газеты «Известия» Феофанов, специалист по вопросам социалистической законности, а заодно нравственности и этики (с тем же сомнитель-

ным эпитетом). Звонил, чтобы поклянчить книжку. Ему понадобились «Характеры» Лабрюйера, видимо, чтобы украшать цитатами свои гневные очерки. «Судите сами, — несколько раз звонко пробасила мембрана, — ведь неудобно будет, если я — (с ударением на я) — отправлюсь за книгой на черный рынок!»

Меня, поневоле постоянного клиента черного рынка, поразила не столько возможность встретиться там со столь именитым коллегой, как вообще то, что даже непреклонный борец за чистоту совнаров открыто признает существование этого сектора частной инициативы и теоретически не отвергает возможности прибегнуть к его услугам.

Не обладая известным удостоверением, я не мог выцганить книжки у завмагов и покорно нес деньги (и не малые!) воротилам черного рынка.

Зато я и получал невероятную возможность выбрать нужную книгу. Потому что на черном рынке есть все, что вышло в советских издательствах за последние 10-15 лет. Да и старую книгу там можно заказать и получить через некоторое время за солидное, разумеется, вознаграждение.

Было бы несправедливостью по отношению ко многим моим «чернорыночным» знакомцам изображать каждого, кто приносит книгу на черный рынок, спекулянтом. В значительной степени это собрание интеллигентных людей — читателей, литераторов, ученых, коллекционеров, — рассчитывающих не столько на приобретение нужной книги по бешеной цене, сколько на обмен, как это заведено у филателистов и других коллекционеров.

Но если эти люди, с их интересами и вкусами, определяют конъюнктуру на черном рынке, хозяевами на нем остаются те, кто обеспечивает приток новых книг на рынок, — «книжные акулы». (Не путать с «книжными жуками», более низкий разряд, — перекупщики, перехватывающие книги у людей, несущих

их к букинисту, скупающие за бесценок осиротевшие библиотеки, да и просто приворовывающие в государственных и частных собраниях.)

Географически книжные рынки больших городов кочуют.

Сегодня он располагается на виду у всех, в самом людном центральном сквере. Завтра, после очередного милицейского налета, передислоцируется на окраину, займет плацдарм не без военного искусства — на пересеченной местности, чтобы милиция не могла подогнать свой фургончик.

Вот Семен Семеныч. Акула из акул. Зимой в ладном (и дефицитном!) дубленом полушубке, летом в элегантном английском блейзере с эмблемой экзотического яхтклуба, он пританцовывает над своим чемоданом-прилавком.

Он отлично знает свое дело и артистически чувствует покупателя. Поговорит с пожилой университетской дамой о сравнительных достоинствах переводов Пруста: довоенного — Франковского — и нового — Любимова. Погладит по вихрам мальчишку: «Тебе что, дружок, Рэя Брэдбери? Нет, денег твоих мне не нужно. А вот посмотри, нет ли у тебя дома каких-нибудь не нужных старых книжонок? Знаешь, совсем-совсем стареньких...» Угостит ядреными матюжками отставного полковника, чем окончательно склонит его к приобретению вожаделенных мемуаров маршала Жукова за 20 рублей.

А тем временем в толпе шныряют его агенты, чья задача скупить за бесценок, ловко выменять все сколько-нибудь ценное, с точки зрения сегодняшнего рынка, у неопытных новичков.

Но эта добыча, конечно, не единственный и не главный источник книжных поступлений Семен Семенича.

30 тысяч экземпляров сборника Мандельштама в

Большой серии «Библиотеки поэта» были расписаны властями: сколько куда, все до единого.

У Семен Семеныча — Мандельштам в неограниченном количестве. И при том до того, как официально закончилось печатание тиража!

Если исключить возможность чуда, остается — надежная и взаимовыгодная связь с типографией.

У Семен Семеныча — всегда полный набор зарубежного «дефицита», будь то «пейпербэкс» — детективы Агаты Кристи, будь то роскошные монографии издательств Скира и Риццоли.

А тем временем десятки людей ждут и не дожидаются посланных им по почте из-за границы книг.

А как же! Зарплата-то у таможенных и почтовых чиновников невслика. (Если, конечно, опять же исключить возможность чуда.)

Ну и официальные книготорговцы не всегда пускают свой «дефицит» в натуральный обмен, иногда и наличные нужны, и тогда удобно прибегнуть к посредничеству Семен Семеныча.

Ценами Семен Семеныч напрямую не ошарашивает покупателя. На вопрос о стоимости отвечает слегка иносказательно — 10 номиналов, 20 номиналов, что означает: не 1 рубль 30 копеек, как указано на обложке (номинал), а 13 рублей, 26 рублей. Или, будучи в более игривом настроении, прибегает к другой шкале.

— Сколько стоит второй том Плутарха, Семен Семеныч?

— Семь рублей.

Это, понимай, семьдесят.

Поскольку покупатель — интеллигент, то и преискуртант Семен Семеныча в какой-то степени отражает подлинную иерархию духовных ценностей. У него дорого стоят академические издания из серии «Литературные памятники», издания античных авторов, стихи

русских поэтов, издаваемые в хорошо прокомментированной «Библиотеке поэта».

Каждый отдельный том Монтеня (из трех) — 80 рублей.

Том Пастернака или Цветаевой — 50 рублей.

Комедии Плавта — 25 рублей.

Поскольку Семен Семеныч руководствуется не указаниями Государственного комитета по ценам, а, являясь анархическим предпринимателем в социалистическом окружении, чутко держит нос по ветру, цены на книги он взвинчивает быстрее, чем саудовские арабы цены на нефть.

Одна-две книги — месячная зарплата инженера, врача, учителя.

Но несут Семен Семенычу рубли, заработанные сверхурочными, левыми, калымными, бессонными часами, инженер, врач, учитель.

И уносят от этого элегантногo офени «не Блюхера и не милорда глупого» (и, в основном, даже не завлекательную Агату Кристи), а Пушкина и Гоголя, Гёте и Томаса Манна, и баснословно дорогого Монтеня, и Плутарха, и Рембрандта, и Шагала.

Потому что в советском книжном магазине нет пицци духовной, а только и есть, что «Да здравствует...»

Вспомнилось одно воскресенье.

Объявили подписку. На Лермонтова, кажется. Возле нашего книжного магазина — толпа, крик, свистки милицейские...

Подхожу — рассказывают: «Тут один чудак... приковал себя с ночи цепочкой к дверям книжного магазина... чтобы, значит, быть первым... А из райкома приказали все экземпляры отдать активистам соседнего завода... так активисты пришли и кусачками...

но и его народ стал защищать — ведь, все ж, такое желание у человека!..»

Махнул я рукой и пошел на черный рынок.

А там — солнышко глянцевое обложки пригревает, Семен Семеныч, как кот, жмурится. Настроение у него хорошее, шутовское.

— Семен Семеныч, почему Ларошфуко?

— Рубль кучка!

«Зизи! Кристалл души моей...»

Не тем бы Пушкина поминать, а все нейдет из головы и нельзя удержать под спудом, потому что — правда.

Редко, что сохранилось в России в такой чистоте и неприкосновенности, как псковские Пушкинские места — Святые (ныне Пушкинские) Горы, Михайловское, Тригорское.

Ландшафт не опоганен бетонными коробками. Озера не заросли травой. Парки не повырублены.

Необыкновенно чисто, словно не Россия это, а какая-нибудь Эстония. Ходят по лесным тропинкам бабушки, одетые в черное, как монашки, в руках у них кривоватые посошки с гвоздем на конце — всякую бумажку, окурок на гвоздь натывают.

Этот по-настоящему заповедный остров сбережен, нет, заново восстановлен одноруким Семеном Степановичем Гейченко, страстным энтузиастом, директором заповедника.

Удивительно живой души человек! Восстановил на Савкиной Горке древнюю часовню. Но все ему казалось: не то, не доделано, что ли... Не успокоился, пока не привез батушку и не освятил бревенчатый сруб. Знал, что донесут, что рискует местом, а освятил!

Пожурили в райкоме-обкоме, но сошло с рук. Гейченко приносит краю известность и немалый доход.

Михайловский дом Пушкина, Тригорский — Осиповых-Вульф, а сейчас и старый дом Ганнибала в Петровском, тщательно воссозданы, обставлены старинными вещами, напоминающими подлинные.

А подлинные?

В путеводителях об этом либо вовсе умалчивается, либо невнятно говорится, что Михайловское и соседние усадьбы пожгли в восемнадцатом году банды «зеленых». Тут явное противоречие со всеми историями гражданской войны: никаких «зеленых» в этих северо-западных краях отродясь не водилось. Красные были, и белые были. Белые, как известно, дворянских усадеб не жгли.

Впервые я разговорился об этом с одним стариком в деревне Гайки, что прямо против входа в Михайловское.

— Свои и пожгли, красные, отряды бедноты, — объяснил старичок. — Тогда мода такая была — бар жець.

— Да в Михайловском какие же бары? Там ведь до восемнадцатого года приют был, богадельня для престарелых литераторов. Там ведь пушкинские были вещи, книги...

— Тогда не разбирали... Всё пожгли. Из Тригорского старуху-барыню, параличную, еле успели вытащить. Уже из огня. Они потом у попа в избе, на Воронице, жили...

(Позднее я познакомился с рукописью интереснейших воспоминаний одной из последних обитательниц михайловского литераторского приюта. Они во всех деталях совпадают с рассказом старика.)

— А тот пушкинский дом, что в тридцать седьмом году построили, немцы сожгли?

— Не. Тоже наши раздолбали. Думали, там немецкий штаб.

Как ни странно, гитлеровцы, порядочно набезобразившие в местах русских святынь, поначалу не

только не разорили пушкинский музей в Михайловском, но даже назначили туда своего директора, даму по фамилии — ни больше ни меньше! — Шиллер. Остался и довоенный заместитель директора, чтобы спасти, что удастся. И, правда, почти все спас, в частности, единственную уцелевшую подлинно пушкинскую реликвию — бильярдные шары из старого Михайловского дома. Сдал все, что сохранил, своим, когда пришли, и отправился на многие годы в лагерь — за сотрудничество с оккупантами.

Спрашиваю у деда:

— А вот у меня в книжке сказано, что в Голубове склеп должен быть, Вревских*. Его что — тоже в восемнадцатом году разорили?

— Не. Это уже когда колхозы образовывали. В тридцатом или в двадцать девятом. Приехали из Питера эти, тысячники, с Путиловского завода они были, а один матрос... В первый же вечер разжились самогоном. А как напузырялись, матрос и возьми себе в башку, что в склепе золото спрятано. И всех взбаламутил: пошли возьмем! Ну, пошли они склеп ковырять...

— А ты, дедушка, это со слов или сам видел?

— Какой со слов! Я ведь бывший голубовский. Там вся деревня собрамши была, когда они склеп ломали.

— И никто не вмешался, не сказал, что нельзя, мол?

— Им скажешь! Они чуть что имели право тебя стрелить. Опять же пьяные... Ты слушай. Открыли склеп и вытащили сперва барона старого и бароншу. На нем мундир был, на ней платье такое, богатое. А тела совсем не попорчены, такие белые-белые. А как вытащили, враз стали чернеть... Ну, золота не

---

* Барон Борис Александрович Вревский и его жена Евпраксия Николаевна, урожд. Вульф (пушкинская Зизи).

нашли там никакого, никто для их его туда не ложил... Но разожглись, одежду с покойников стащили. Один на себя мундир баронский напялил, другой — сапоги. Матрос — платье бароншино... Тела эти, по-чернелые, на елки повесили...

— Зачем?

— А для смеху. Стрелили в них из ружей.

В день рождения Александра Сергеевича на большой поляне в Михайловском устраивается аляповатое, помпезное празднество. Его бессменный председатель — московский литератор, славящийся застольным красноречием грузинского тамады, представляет слово приезжим членам Союза писателей, среди которых, для умиленности, непременно есть «ныне дикий тунгус» или «друг степей — калмык».

Поэты читают о родине и партии, ухитряясь как-то привязывать это к данному торжеству.

Толпа скучает и поглядывает на киоски. Каждый раз в толпе возникают невероятные слухи — то, что полушубки будут «давать», то, что сельдь в баночках завезли.

Слухи, как правило, не оправдываются.

Вечером в обычно пустоватом ресторане «Лукоморье» дым коромыслом.

Я вижу, как сильно пьяный верзила что-то доказывает своему визави, уже дремлющему над телятиной «по-пушкиногорски».

— А, дак ты шпион! — неожиданно кричит он, и с удивлением к окружающим: — Шпиона поймал... Ну, пошли!

И он тычками выводит из ресторана своего равнодушного к происходящему собутыльника.

— Мальчонков, КГБ наш, гуляет, — комментирует официантка. — Делать ему нечего.

Я выхожу.

Жутко смотреть на качающиеся во тьме черные ели.
«Зизи! Кристалл души моей...»

После молчания

— Теперь, когда визы у вас в руках, и вам нечего опасаться, скажите мне откровенно... — (ага, значит, пока еще они не выдали нам выездных, из СССР, виз, мы должны были опасаться откровенных высказываний; затаскали, залоснили овировские чиновники рекомендованный текст, заблестел он и стал отражать, ох, как многое! — маленькая дверная ручка на массивной — еще неизвестно, отворится ли? — двери в свободу; отразилось тут все молчание нашей жизни, осторожное, благоразумное, трусливое, отчаянное молчание наших предыдущих без малого сорока лет, когда не было у нас на руках этих клочков казенной бумаги и — было нам бояться — откровенных слов, а мы привычно делали вид, что скрывать нам нечего, вот они мы, все на виду, даже улыбаемся, а начальство хлопало белесыми ресницами и, вроде бы, делало вид, что верит нам, или, что ему так — все равно; ан, не верило и теперь с улыбкой своей, не плакатной, а подлинной — оскал, ощер, приглашает: «Кончай канитель, валяй откровенно...» — но тут-то оно, конечно, и дает слабину, мы тоже не лыком шиты, сами же нас учили всей своей государственностью: никогда откровенно! всегда «иди в глухую несознанку» — это единственный способ уцелеть; но не только наивность в этом призыве к нашей откровенности, еще и коварство; мы-то знаем, каково с ними пускаться в откровенности — дернешь за ручку эту дверную, а она в руках и останется; уже ползут, клубятся зловещие слухи об отнятых в последний момент — когда уже и выписан с места жительства, и квартира сдана,

и предателем родины ты на собраниях клеймен, — визах; нет, шалишь, белоглазая, мы, пока границу пакта не перелетим, свою легенду из головы не вытряхнем)...

— Родственники, Софья Власьевна... Хотим жить со своей семьей, со своим народом...

Она протестующим жестом — бросьте, мол! — отодвигает, стряхивает со своего пустого полированного стола в пластмассовую корзинку наших израильских родственников:

— Какие там! Я же знаю, седьмая вода на киселе. Вы их никогда и не видели. А здесь у вас все близкие... Вы совершаете трагическую, непоправимую ошибку. Это ваше дело, не хотите — можете не говорить, но лично мне... (ах, лично вам? так все очень просто: в испокон хлебородной России разучились выращивать хлеб, и нашего брата пускают в обмен на хлебопоставки, ну, там, еще кое на какую дипломатическую мелочишку в духе «разрядки» — но это мы так молчим)... какие мотивы побудили?

Продолжаем бубнить:

— Голос крови... Страна предков... («И у птички есть гнездо!»)

— Но вы же не хотите сказать, что сталкивались с плохим отношением к лицам еврейской национальности? Что страдали от... антисемитизма?

— Ну, что вы, Софья Власьевна, вы же знаете, что в СССР этого нет и в помине!

Она обводит затуманенным взором приемную — безликие финские письменные столы, кресла, шкаф с папками — и, честное слово, у нее слезы на глазах!

— Мне довелось три года работать вдали от Родины, — (это она так говорит, с большой буквы Р) — я была прекрасно материально обеспечена, но... Как вспомню все это... — (рукой на столы, на голые канцелярские стены, на пол, блестящий дефицитным шведским лаком) — ...как вспомню наши ленинград-

ские архитектурные ансамбли, даже дождичек наш, серенький, так и реву, реву...

Мы боимся — а вдруг и вправду заревет! Но инструкция «по проведению откровенной беседы», видимо, исчерпана, и она поднимается со стула.

Что? Зачем это?

Да так, ни зачем.

Новые веяния: социология, анкетирование... Кто-то указал: провести выборочный опрос, изучить настроения...

А, может, и более деловитое ведомство таким образом прощается с нами. Жалко, что ли, еще несколько метров магнитной пленки намотать, а, глядишь, что-то для них ценное мы, размякши, и проболтнем...

Однако «почему?» Сосипатры Владимировны не соскользнуло, вместе с испорченными бланками четырехстраничных анкет, в пластмассовую корзинку.

«Почему?» застряло, ворочается, растет и, как ни крути, ответить на него придется и впрямь со всей откровенностью.

Ведь, как ни диковинно это может кому-то показаться, когда подходил к краю овировской вышки, и приседал, и набирал воздуха, и летел, сначала коряво, как придется, а потом, обнаружив, что лететь-то долго, и извернувшись поудобнее, поскладнее, понадежнее, тогда все объяснения, все мотивы были...

...ну, не то чтобы неточные, но как-то так получилось, что разные.

Словно бы отвечая пониманию и взгляду на жизнь собеседника, говорил — и каждый раз казалось, что именно так оно и есть, — то, чего собеседник, видимо, ждал в ответ.

Да, вздохнуть не дают. Работаешь, работаешь двадцать лет, а едва сводишь концы с концами. А

кругом полно тупиц, прирожденных бездельников, вдохновенных тунеядцев, да с красными книжечками, да с благополучным «пятым пунктом»... Им — всё...

Да, надоело сидеть в клетке, под колпаком. Страшно подумать, что так и помрешь, не узнавши, есть ли на самом деле иная на земле жизнь, кроме этой, режимной. Или так, все это плод загнанного воображения...

Да, надоело, ...ать пере...ать, рабство, приспособленчество (потому что, хоть и придумана российская форма пассивного сопротивления — неучастие во лжи, а все равно, хоть ты синхрофазотрон проектируешь, хоть окурки из красного уголка выметаешь, но если ты сознательная тварь и молчишь, значит молчанием своим участвуешь во лжи, и рабское клеймо — на тебе).

Все это так. Но, в то же время, все это слишком на поверхности, чтобы было основной, глубинной причиной.

Антисемитизм?

Для меня — русского по рождению, по языку, по воспитанию, по всей моей русской любви-ненависти к родине? Да что бы они ни писали мне в паспорте, я-то знаю, кто я!..

Рабство?

Но кто в силах переступить границы моей внутренней свободы?

И все же... Набегавшись за день за овировскими справками, лежишь, не в силах заснуть...

Толпы маленьких уютных грызунов — леммингов — без всяких видимых причин вдруг устремляются из своих обжитых теплых нор на норвежских нагорьях

вниз, к чужому и холодному океану. И ведь каждому зверку, небось, кажется, что очень важные причины сорвали его с места, что всенепременно ему надо броситься в воду и, никогда и не нюхавшему воды, переплыть океан. И многомиллионное зверковое месиво бросается в прибой, гребет своими неприспособленными лапками, чтобы минутой позже пойти ко дну, но скорей, скорей — сзади другие напирают рядами.

Для решения своих, недоступных отдельной особи биологических стратагем природа, как всегда безотказно, использует стадный инстинкт.

(Вчера я видел: открылись двери «Банко национале дель лаворо», где выдают ежемесячное пособие, и толпа иждивенцев международной еврейской благотворительности пробежала по сбитой сразу же с ног восьмилетней девочке.

Кто из них, будь он один, наступив на живое, не остановился бы, ужаснувшись.

Но они были толпа, стадо.)

Нет, ограничиться ответами, удобными для собеседника, мы не вправе.

Я был достаточно смышлен, чтобы понять смолу, что рожден в стране тотальной несвободы и что на моем веку еще не рухнет бюрократическая тирания.

Книги, которые я с трудом вытаскивал из-под спуда «спецхранов», выпрашивал у владельцев потаенных домашних библиотек, так же, как опыт предыдущих поколений, учили, что все революции тщетны, что насилие рождает насилие, а зло — зло. Я всем сердцем понял, что печься о счастье дальнего от тебя, полагать себя знающим, что для другого благо, а что зло, — от лукавого; что задача человека — сохра-

нить непоганенной свою живую душу, стараясь делать добро ближним своим.

А мечтательность рисовала отрадные картины, как а как прожить свою жизнь с достоинством.

Бессмысленно разбегаться и таранить каменную стену лбом с разбега. Надо прожить жизнь, не замечая стены, построить в стороне от нее свое надежное, крепкое убежище. Насадить и вырастить густые деревья, чтобы не видеть ее, проклятую.

Переходя из метафорического плана в реальный, это означало: надо найти такой род деятельности, где ты не будешь участвовать в распространении лжи, в укреплении зла, где сможешь, сколько хватит сил, делать добро. Конечно, это не так просто, но ведь столько сил в тебе и гибкости ума, и готовности работать!

Учить детей быть добрыми, честными, смелыми. Неважно, пусть к этим добродетелям надо порой пристегивать словечко «пионер». Эта мертвая шелуха отпадает сама собой, а вечные добродетели останутся...

А своя семья, дом? Ведь режим скуп. Щедро он платит только за стопроцентную, безглядную службу.

Значит, надо работать втрое, вчетверо больше. Жалобы интеллигентов на невозможность заработать на скромное существование смешны. Вспоминается мудрый урок известного спиритуалиста Гурджиева. Когда шокированный неопит спросил этого российского гуру, как он может брать плату, порядочную — 1000 рублей — за уроки самосовершенствования и миропостижения, учитель ответил: «Может ли изменить собственную душу и постичь мир человек, который даже не в состоянии заработать тысячу рублей?»

И я работал, работал, смею думать, по крайней мере с тройной нагрузкой против среднего совслужащего, инженера, университетского ученого, потому что продавать по кусочкам душу за «даровые» совет-

ские привилегии не хотел, а построить свой дом и обеспечить семье материальную независимость считал своим долгом мужчины.

Да только вот что вышло — метафора подвела. Не оказалось неподвижной каменной стены. Стена оказалась гибкая и подвижная, с охотничьими повадками, расставляющая ловушки, чтобы в конце концов поймать тебя в последнее глухое кольцо, которое и выдавит из тебя остатки души.

За право заработать хотя бы рубль нестыдным, приносящим кому-то пользу трудом, надо было расплачиваться тройной ценой уступок, иносказаний, а то и прямой лжи, безвредной только в силу своей окаменелости. То есть расплата шла кусочками души, какие смехотворные формы она порой ни принимала.

Когда я написал свою первую пьесу для детей, притчу о самовоспитании «Неизвестные подвиги Геракла», главный редактор Министерства культуры РСФСР Антокольский* собственноручно вычеркнул из текста почти все употребления слова «бог», видимо, подключив к идеологическим противникам по части антирелигиозной борьбы и древнегреческий пантеон.

Я смеялся и уступал.

Но очень скоро оказалось, что ни одна такая уступ-

---

* Однофамилец поэта, о котором уместно вспомнить. Павел Григорьевич Антокольский рассказывал, как в сталинские времена был с писательской делегацией принят азербайджанским сатрапом Багировым. Да отстал от своих и на цыпочках вошел в кабинет, когда уже с а м говорил. Багиров прервался: «Кто?» — «Поэт Антокольский». — «Садитесь». Поэт сел. «Встать!» Антокольский встал. «Сесть!» Сел. И по-концлагерному: «Сесть! Встать! Сесть! Встать...» А потом продолжал беседу.

Так вот, добро бы, объясняя свою покорность, поэт признал бы, что подчинился тогда от страха, кто бы его осудил! Нет. Антокольский сказал: «Как я мог не подчиниться, я рядовой коммунист, а он секретарь ЦК».

Это ведь какой кус души надо бросить кровавым псам, чтобы так сказать!

ка не проходит даром. За первой режим потребует второй, большей. Ты щедрей и щедрей начинаешь бросать ему в пасть куски души. И вот уже приходит ощущение, что так оно и спокойнее жить стало, и уж меньше свербит тебя, мучит и обжигает щеки...

Была протянута рука во спасение, и какое счастье, что я не преминул за нее ухватиться.

Я вдруг увидел перед собой то, что живой человек видеть не должен, — недлинную перспективу жизненного коридора с канцелярскими дверями по бокам.

Вот выходит чиновник из первой двери, я сую ему какие-то бумажки и продолжаю шествие уже с книжечкой Союза писателей в кармане.

Вон следующие двери — издательские, театральные — уже легче открываются для меня. Я снова сую бумажки, которые одинаковы, независимо от названия — ПЬЕСА, ХАРАКТЕРИСТИКА НА..., ПОВЕСТЬ, ЗАЯВЛЕНИЕ ОТ...

А вот и последняя дверка в конце, из которой выдают 120 рублей на литфондовское захоронение того, что, перестав быть мной, прошло по коридору.

Теперь, когда в столовой Дома творчества или в гостиной Союза писателей оглядывался вокруг себя, я начал явственно обонять запашок мертвечины от этих, и не думающих помирать, оживленных, румяных, болтливых папильонов, комфортабельно пропархивающих по ужаснувшему меня коридору.

«Господи! — думал я, — а ведь у каждого в начале была живая душа, может, еще больнее моей, и таланту отмерено было, может, иным из них поболее, чем мне. До какой же сокрушительной душевной растраты довела их эта расплата компромиссами день изо дня...»

И от всей этой зловещей игры в писательство, от фальшивых успехов, от нищенского благополучия, как только все это я ощутил реально, в своих руках, стало мне скучно мертвецкой русской скукой.

Да как это объяснишь Содомии Влаповне. Она еще, того гляди, накатает наперек заявления резолюцию: «Отказать ввиду недостаточности основания».

Она же истории отечественной не знает. Не слыхала, что в России от скуки дома поджигали, вешались, революции устраивали.

Ну и «отношение к лицам еврейской национальности», С. В., конечно, было. Как же у вас да без этого!

Только в моем случае как-то неглавно это было, задевало как-то боком и только к концу жизни в России накопилось столько, что уж стало тяжело нести и этот груз.

До школы я не знал про национальности, как все маленькие дети не знают.

Воспитывали меня русским языком, среди русских.

Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым. Русскими сказками в добротных довоенных пересказах.

Жил я не со своей родной бабушкой, а больше с другой, которую очень любил.

У этой моей бабушки был образок над кроватью, и молитвы за меня, когда я болел, и сказки, песни, поговорки — не знаю уж, достаточно ли народные — петербургские, мещанские.

Я почти не знал советской литературной дряни, разве что песни против фашистов из радиорепродуктора слушал и подпевал.

Школа, в которую я пошел, называлась по-старинному «Петер-шудле», и в ее просторных проветренных рекреациях, актовых залах в том предпобедном году как-то вдруг ожил добрый дух добротной гимназии.

А может, только так казалось, а только и было

всего, что портрет Вагнера в косом берете над фортепиано и бодрые утренние звуки веберовского марша на гимнастике.

Мне, первокласснику, там очень нравилось.

Однажды на широкой школьной лестнице пронесся по перилам, обогнав меня, старший мальчик, спрыгнул и загородил мне путь.

Я с почтением первоклашки посмотрел на лихого школяра.

Парень в байковых лыжных шароварах посмотрел на меня и спросил:

— Ты жид?

— Кажется, да... — ответил я, искренне не зная.

— Это и видно по твоей нахальной морде, — захлопнул парень свою нехитрую ловушку и покатился дальше, оставив меня в этой ловушке на долгие годы.

Я, и правда, не знал.

То казалось, что да, жид.

То, что нет.

Пока не пришла пора понять, что нет ответа на этот вопрос, потому что и вопроса-то нет. Вопрос не требует ответа, он даже не может быть задан. Потому что я — это только я, и ничего больше.

А парень пусть катит себе дальше, пока не протрет свою байку до задницы.

На одиннадцатом году, зимой сорок восьмого года, когда в газетах рисовали отвратительных карикатурных евреев и подписывали «безродный космополит», когда уже и моего отца бегущие всегда впереди мелкие шавки облаяли «безродным», я понимал много больше.

Я помню наш, еще бульжный, Малодетскосельский проспект, февральскую слякоть, поблескиваю-

щую от фонарей, и то, что я издали принял за странную пляску.

Двое краснорожих, в веселом подпитии парней топтали ногами, втоптывали в слякоть старика. Он извивался и кричал.

Он кричал дружелюбно:

— Ребята! Что вы делаете! Ребята! Вы ошиблись, я не еврей!

А они всё месили и месили ногами.

Ребята...

На все детство-отрочество-юность это было как прививка. И для меня уже не было трагически-глупых «почему?» в том, что для меня закрыты иные вузы, а в прочие, несмотря на мою серебряную медаль, почти нет прямых путей (то есть без хождения родителей по знакомым с просьбами, уговорами), что не для меня, по окончании университета, завидная работа в больших городах, что не мне ездить — даже за собственные деньги — в заграничные поездки (один мой приятель, продвигавшийся по комсомольской линии, мне объяснил, а вернее, передал: «Все-таки наша страна — Россия, и за рубежом ее должны представлять люди с русскими фамилиями», — сам он частенько представлял, хотя фамилия его была типа Сидоренко).

Но смолоду я все это тоже относил к стене, которую можно не замечать.

Я даже полагал, что мне замечательно повезло, что я нашел местечко вне тотального чиновничьего антисемитизма, когда устроился на работу в редакции детского журнала, где в основном служили обо-его пола старые девы, нимало не похожие на тех ребят, что топтали старика.

Во всяком случае несколько лет подряд там не слышалось разговоров о том, что того или иного ав-

тора не следует печатать «из-за фамилии», разговоров, столь обычных в других редакциях.

Но пришел мой последний бравый шеф и все поставил на свои места.

Для начала он уволил самого трудолюбивого и одаренного из редакторов, у которого не то что никаких замечаний, а стол, как говорится, ломился от похвальных листов.

Никаких двусмысленностей тут быть не могло, единственная причина: человек с неподходящей фамилией не может занимать ответственный идеологический пост (тот заведывал отделом очерков), а раз занимает — недосмотр, исправить.

Наши девственные коллеги, до тех пор не уставшие славословить постоянно их выручавшего товарища, и не пикнули в протест, а, подумав, еще и поддержали по-партийному.

Потом началось вычеркивание фамилий, подсчитывание, сколько процентов авторов с русскими фамилиями и т. п.

Я сдал в печать стихи известного и, к тому времени уже покойного, поэта Овсея Дриза.

Начальник вычеркнул из подписи слова «с еврейского».

Получилось просто: «перевод такого-то».

— Помилуйте, но ведь это же просто чушь, так быть не может, перевод должен быть с какого-то языка, — ломился я в открытые ворота.

Он решил объяснить со мной откровенно. (Он вообще очень дорожил репутацией откровенного и интеллигентного человека, вроде бы и случайно оказавшегося на номенклатурном посту.)

Поснимав зачем-то трубки с телефонов и прикрыв дверь кабинета, он подсел ко мне и спросил:

— Как вы относитесь к Солженицыну?

Это было так неожиданно, некстати и отдавало провокацией, что я опешил. Но, поскольку вопрос был

поставлен в лоб, а врать не хотелось, я сказал:

— Хорошо отношусь.

— А я считаю, что он гений! — прошептал с пафосом мой откровенный начальник. — Но я же не кричу об этом на всех углах.

(Этот человек нарушил столько заповедей морали, что я, к тому же и не связанный никакими обещаниями, не считаю нужным утаивать этот эпизод; ведь этот, на первый взгляд пустяковый случай, показывает, какие уродливые формы может принимать позиция молчаливого неучастия, «отказа от лжи», предлагаемая интеллигентам.)

Господи, как мне стало скучно!

В день нападения немцев на СССР мой отец, освобожденный от военной службы по инвалидности, записался добровольцем в народное ополчение, воевал уже в первые летние дни, вывел болотами из окружения остатки своего батальона, был ранен, получил награды за храбрость (и в те дни не слишком щедро выдаваемые людям с еврейскими фамилиями), в блокадном Ленинграде писал стихи, которые и теперь старые блокадники вспоминают со слезами.

После войны был ошельмован «космополитом», спасся от окончательной расправы только бегством в другой город, где начал все сначала, неутомимо работал в литературе, написал множество популярных стихов, песен, книг и пьес для детей.

Два года назад на набережной возле Дома творчества писателей в Коктебеле он увидел, как молодой литератор убивает палкой собаку. Не бьет, а убивает (дворняга гавкнула на его пятилетнего сына). Отец подошел к литератору, вооруженному дубиной.

— Что вы на меня уставились? — огрызнулся этот неандерталец (Валентин Солоухин, прозаик, за

какие-то особые заслуги перетащенный из провинции в Москву на должность старшего редактора в одно из центральных издательств).

— Просто со времен войны не видел живого фашиста, — сказал отец. — Интересно посмотреть.

В ответ понеслась брань:

— В Ташкенте в войну отсиживались... Гуманисты собачьи...

Писательская общественность, повиснув у отца на плечах, не дала ему расправиться с мерзавцем. Писательская общественность, вообще положительно относящаяся к животным, написала возмущенное заявление в правление Союза и организовала фельетон в газете «Неделя».

Из фельетона непосвященный читатель мог понять, что на одном из южных курортов один молодой человек, по роду занятий имеющий отношение к воспитанию нравственности, побил собаку, а на замечание одного пожилого человека ответил одной грубостью.

А заявлением занялся сам писательский генерал Ильин.

— Крепко накажем, — сказал генерал.

И сдержал слово. Прозаику «поставили на вид». В следующий раз Валентин будет мозжить головы собакам где-нибудь не на виду и евреев ругать вполголоса.

А отцу всю ту осень, пока он не попал в больницу, не давали спать ночные телефонные звонки.

— Говорит «черный сентябрь», — раздавалось в трубке как бы с иностранным акцентом, — мы тебя... — и дальше уж чисто по-русски.

Отец не разделяет во многом моих взглядов.

А я не мог не задуматься о судьбе его внуков в этой стране.

Читаю «Из-под глыб».

Славная, сильная книга. Книга сильных духом и разумом, сокрушающая ложных кумиров и побуждающая душу искать прямых путей.

Но есть нечто, на чем запинаются все авторы, — трудность определения, к кому обращена их проповедь.

Отсюда яростное оживление столетней полемики об определении понятий ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ и НАРОД.

А уж будто это так важно?

Ведь есть неоспоримое. Есть отдельные, неповторимые, созданные по Его образу и подобию людские души. К ним проповедь, и о них.

Самые отважные и об этом заговорили, но даже и они сбиваются на рецепты, как всем скопом в Царство Божие войти.

Но ведь сказано, что Оно внутри нас.

И еще. Разве и к детям нашим не будет относиться, как и вообще к человеческим детям на все времена: «...проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей» (Бытие, 3, 16).

Не делают ли наши пророки недопустимую в эсхатологии подтасовку, пророчествуя Царство Божие в формах времени и пространства?

Царство Божие в России? На острове Мадагаскаре? В Израиле? В Калифорнии? В 1984 году? В 3976-м? Завтра? Вчера?

Разве нельзя ответить на эти вопросы: везде и нигде, вчера и сегодня, здесь и там, всегда и никогда.

С почтением обходят стороной Чаадаева, Печерина. Не робко ли для мужчин?

А мне кажется, что взывающая к нашему мужеству добродетель такова: все время знать, что мы не заслуживаем Царства Божия и загробного блаженства, и не падать духом; все время знать, что страдание наше не случайный горький жребий и чья-то вина, а наша вина и, одновременно, обязательное условие нашего бытия.

Поэтому нет Царства Божия, кроме того, которое мы будем строить внутри себя сизифовой неустанной работой, нет нам храма, где нас утешат, кроме того, который постараемся воздвигнуть внутри себя мы сами.

И нет данной родины — разве только, как в анкетах пишут, М. Р. (место рождения) — если мы сквозь душу свою к ней не пробьемся.

В свете этого мужественного и честного самосознания вопрос, покидать Россию или не покидать, решается почти на бытовом уровне — в зависимости от личного долга перед близкими тебе.

Если есть хотя бы собака, которой ты нужен и увезти которую с собой ты не можешь, оставайся.

Если нет живой души, которой необходимо исключительно твое присутствие в России, беги из мертвецкой скуки.

А если ты еще можешь спасти из лжи и несвободы кого-то из ближних, тем вернее — беги!

Прямая возможность бегства за рубеж — счастливая возможность для немногих удачливых. Но есть иные, трудные, возможности бегства внутри России, внутреннего отшельничества. Только ни в коем случае, как показывает наш горький опыт, не путем компромиссов и молчаливой покорности.

В дни тотального террора, когда всякая попытка борьбы есть принесение себя в жертву, кто возьмет на себя ответственность призывать к самопожертвованию?

Герои и мученики были, есть и будут. Но они

были, есть и будут явлениями исключительными, потому что призыв к самопожертвованию должен исходить не из человеческих уст.

Так же, как и призыв к творчеству.

Допустим, любой из живущих ныне наших национальных гениев — Солженицын ли, Бродский ли — вооружившись канистрой бензина и спичками, превратили бы себя в факел на Красной площади или на стрелке Васильевского острова. Не было ли бы это страшным нарушением заповеди, которая дана в притче о рабе нерадивом, зарывшем в землю свой (свой!) талант?

Ведь не робость же двигала этими художниками, как и многими другими русскими людьми, доказавшими в иных обстоятельствах свое бесстрашие, когда они покидали родину.

Все ссылки на обстоятельства, сопровождавшие их отъезды, в конечном счете не убедительны и даже могли бы бросить тень на славные имена. Потому что в жертвенной жизни великого художника вообще не может быть решающих обстоятельств. Обстоятельства влияют на проявление инстинкта самосохранения. Здесь же ответственность более высокого порядка — потому и непереводаемая на язык доводов и обстоятельств, что отвечают не перед ограниченным людским разумением, а перед Богом.

Бегство, праведное отшельничество, спасение — давняя русская традиция. Стыда в этом нет. Ведь не в оперный эрмитаж, под сень струй бежим. Бежим в нищету, в одиночество, в вечные сомнения ради возможности сохранить живую душу.

Исчерпав запланированные пятнадцать минут, Софья Владимировна поднялась со словами:

— Вы совершаете страшную ошибку, исправить

которую будет невозможно. Тем не менее, желаю вам счастливого пути.

Во как у нас теперь — культура!

Вечером того же дня, 3 февраля, я уезжал из Ленинграда в Москву оформлять визы.

Вышел из дому и сразу же посчастливилось остановать свободное такси.

Не успел шофер тронуть, кто-то распахнул дверцу машины.

— Вылезай, дядя! — крикнули мне из темноты.

— Почему?

Искры из глаз. Звякнули где-то сзади отлетевшие очки.

Закрывать бы дверцу и сказать шоферу: «Гони!» — но я что-то крича и, почти ослепший, размахивая кулаками, вылез из машины и получил еще и еще по челюсти.

Только и разглядел, что было парней трое. Вином несло, но не шибко.

И отвалили.

Шофер поджидал меня метрах в десяти. Спасибо, совсем не уехал — с очками-то!

Завтра в консульство идти: я тер скулы снегом, потом в коридоре ночного поезда прижимался к холодному стеклу.

В заоконной мгле смутно проносились мимо свет, темень. Сколько раз я ездил по этой дороге? Не считать. Эти намеки на очертания, пятна — чужому они неразличимы, а я и ночью вижу за ними дома, каналы, пакгауз, песчаный карьер, лесок. Вот этот продленный участок тьмы — кладбище.

Все здесь я узнаю с полунамека. Так больше не будет нигде никогда.

Родина, про —

ЖРАТВА

— Ты сегодня будешь в Смольном?

— Да.

— Купи мне блок болгарских сигарет.

... свежих огурчиков, если будут.

... полкило сосисок.

... конфет хороших — на елку вешать.

... пачку «Марии».

... колбасы.

... боржома пару бутылок.

— Боржом нельзя на вынос. Можно только там пить.

— Ну, ты попроси как-нибудь. Моей доктор велел теплым боржомом горло полоскать, а у нас как всегда — как тебе чего надо, так его нигде нет. Закон.

— Я попробую.

* * *

Архитектор Щусев построил в 20-е годы, скромненько, но со вкусом, пропилеи — подъезд к Смольному обрел бюрократическую торжественность.

Поставили в меру размахивающего ручкой Ильича на аккуратном подстаканнике, сверху над фронтоном воткнули флаг. Получилось — как будто красным военным карандашом прочертили по линейке ось симметрии и теперь, чтобы увидеть Кваренгиев Смольный, нужно советское умение цензуровать то, что видишь, глядя, усилием воли стирать с ретины пропилейчики, памятник, флажок.

Не всегда получается.

Стайка экскурсантов поднимается по ступенькам. Сейчас им покажут койку В. И. и табуретку Н. К.; иностранцы выходят несколько ошарашенные увиденным, наши — привычны.

Слева от входа пустынный стерильный холл — бюро пропусков. Подбородок дежурного старшины торчит в арочном окошке. Другой старшина для порядка прогуливается по холлу. Почти всегда какой-нибудь безумный правдоискатель: старуха, или студент, или еврей, или работяга дожидается на скамейке — пропустят или не пропустят. Почему-то даже приодевшиеся по отчаянному случаю прорыва в Смольный люди выглядят на фоне чистых мраморов кучей тряпья. Многие нервничая рассказывают свою судьбу наружному старшине, но тщета этих попыток завязать личные отношения с властью и таким образом продвинуть свою пешку на одно поле вперед очевидна. Хотя бы потому уже, что они говорят неприлично громко, вызывая совершенно уж неуместное эхо под высоким потолком, и нужно иметь большое терпение и выдержку, чтобы не прервать, не заткнуть рот, не выставить вон без всяких разговоров. Старшина проявляет эти качества и еще и еще раз объясняет, в какую организацию следует обратиться по данному вопросу, хотя, конечно, можете и подождать, и товарищ примет вас сегодня, если освободится. Объясняет толково. И без эха.

Но из посетителей Смольного мало кто идет через бюро пропусков. Вызванные к товарищу такому-то на такое-то время товарищи деловито шагают с папочками к первому посту прямо против входа, правая рука ныряет в левый карман пиджака, сержант смотрит в партбилет, в лицо товарища — пожалуйста.

Видно по лицам, что поход в Смольный для большинства — что-то праздничное (кроме тех, конечно, кого на ковер тащат). Может быть, просто от того,

что вокруг так чисто, торжественно, приглушенно, мрамор, красные ковровые дорожки, четкость и вежливость стражей — вот не мурыжит, как какой-нибудь дядя Вася на заводской проходной, а: раз, два — взглянул — проходите, пожалуйста! — и очень ответственный товарищ встает тебе навстречу из-за светлого финского стола на паркете, сверкающем шведским лаком, и ты обсудишь с ним важные вопросы, от решения которых, возможно, зависит что-то очень приятное для тебя или большая гадость для твоих недругов. И еще по совсем простой причине люди чувствуют себя празднично: начищенные ботинки (новые лодочки), чисто выбрит (сделала укладку в парикмахерской), белая рубашка, скромный галстук, приличный импортный костюм, лучше всего — темно-серый (кримпленовая юбка, чехословацкая кофточка).

Иногда проходят военные, милицейские, прокурорские мундиры. Они хорошо смотрятся здесь, но ловишь себя на мысли, что одеть всех в мундиры или вроде того было бы уже слишком.

Во-первых, перестали бы выделяться охранники.

Во-вторых, ушло время френчей и сапог. Сглаживаются грани между работником партийного аппарата и ученым, писателем, деятелем культуры. Товарищи бывают за границей. Мы не против того, чтобы брать то лучшее, что может дать прогрессивная культура Запада. В человеке всё должно быть прекрасно.

* * *

Наша — всегда хочется сказать «богоспасаемая» — редакция помещается в двух кварталах от Смольного, через дорогу от Таврического дворца (где ВПШ). Учреждение в полтора десятка сотрудников не может иметь собственной столовки, что не избавляет нас от потребности что-то где-то время от времени есть. Поблизости — ничего. Единственная забегаловка — пирожковая, на которой долго не продержишься. Столь

неудачное местоположение дает в руки нашему начальству козырь для ежегодных переговоров в верхах, в результате которых мы получаем доступ в одну из двух столовок — либо (удачный год) в смольнинскую, либо (чуть похуже) в таврическую, ВПШ.

Это сказочная привилегия, на которую мы, по малости статуса нашего, в общем-то не имеем права, она нам далась не по заслугам, как-то ненароком, в силу случайных обстоятельств и с оговорками.

Приходить не раньше половины второго (доедать, так сказать, что останется от основных едоков) — это раз; не пользоваться магазином — строго-настро-го — это два.

Магазин, где, по слухам, можно купить всё, при-мыкает непосредственно к столовой в Таврическом, а в Смольном укрыт где-то поглубже. Доступ в мага-зин — трудно оценимая привилегия: он полностью освобождает от безнадежной беготни по магазинам, от очередей, которые один мой друг так удачно назвал школой ненависти.

Но, повторяю, с нас взято джентльменское обя-зательство в магазин не соваться (на всех не хватит). Отчасти мы можем вознаградить себя в буфете, где кое-что из дефицитных продуктов добрая (и спешащая выполнить план) буфетчица может продать в коли-чествах, превышающих нормальную порцию закуски или десерта (список см. в начале).

Как-то нас на время лишили нашей кормушки, наказали, потому что две преподавательницы марк-сизма-ленинизма пожаловались в администрацию: «Чужие длинноволосые, с бородами — забрали в бу-фете последние сосиски...»

Вальяжный мужик Пашаев (некогда порученец при Толстикове, а ныне завхоз ВПШ) напомнил нашим хо-датаям, что всегда рад пойти навстречу творческой капелле, но товарищи должны понимать...

Мы должны понимать. У нас отношения дели-

катные, не Китай, чай. Вот в Китае, как пишет Симон Лейс, строго регламентировано, кто по какому разряду кушает; чиновника приличного разряда, руководящего революционного кадра, так и называют «тот, кто ест мясо»; а у нас всё на нюансах, полутонах, недомолвках — все всё должны понимать.

Но не всегда понимают. Не всегда. Иногда проявляют непонимание.

И порой даже ответственные товарищи.

Удивительные порой вспоминаются сценки.

Однажды перед Новым годом, когда, как сказал поэт, «в продовольственных слякоть и давка» (всем хочется праздника, пира), я шел по киновоспетому смольнинскому коридору, и у поста, где, бывало, статисты Ромма и Юткевича катали пулемет «максим», а народный артист Щукин бегал бочком, на ходу играя в карманный биллиард, там я увидел следующую жанровую картину в духе малых голландцев — «Рыжая дама с гусями и солдат».

Рыжая Н. С. (образование — физкультурный техникум, должность — идеологический секретарь Дзержинского райкома, по роду занятий — подтягивает ленинградский Союз писателей на должный уровень идейной зрелости и художественного мастерства, подсказывает Эрмитажу, чего вывешивать, а чему в запаснике пылиться, и дает указания Малому Оперному — уж не знаю какие — в какую сторону фуэте крутить, что ли?..) препиралась с часовым.

Одной рукой держит два гусиных трупа за морщинистые шеи, другой книжечку свою часовому кажет. А он:

— Не положено, вынос продуктов из Смольного в открытом виде запрещен.

И потом доверительно:

— Народ ходит, видит, кто что выносит. Нехорошо. Надо портфель для этого дела иметь или ридикуль. Вы вернитесь в магазин, там у Вали большие пакеты имеются.

У нас не Китай. Иерархические ступеньки не вырублены топором бюрократа, а обозначены даже как бы художественно, невзначай — тут деталькой, там намеком.

Все знают, что даже в самом замызганном райцентре в ресторане (б. чайная) есть заветная комната почище, куда приходит гудеть то комсомол, то райисполком, а то и сам райком.

Но и посетители заветной комнаты не могут рассчитывать на одинаковый сервис, а только в соответствии с иерархией, определяемой местными обычаями.

Помню, несколько лет тому назад мы с фотографом Львом Поляковым побывали в Гурьеве, самом грязном городе этой планеты (который, между прочим, кормит черной икрой богатых гурманов всего мира). Местный комсомольский лидер решил угостить нас в райкомовском зале местного ресторана знаменитым бишбармаком. Мясо было на редкость горячее и вкусное, а водка холодная и тоже ничего себе. Однако мы заметили, что по мере приближения обеда к концу гостеприимный комсомолец проявляет все большую нервозность. И наконец последовал взрыв: потемнев с лица, как от большой обиды, наш хозяин стал по-казахски кричать на официантку, та огрызалась.

Вышел повар, сверкая жиром того высокого качества, которого добиться можно только многолетним употреблением отборной баранины и зеленого чая. Повар вроде бы утешил нашего комсомольца, ссора утихла, официантка вышла и вернулась с пиалами на подносе. В пиалах был бульон, ароматный, вкусный и живительный, как в сказке Гауфа «Карлик-Нос»:

Испив бульону, комсомолец объяснил нам ситуацию:

— В бишбармаке самый главный — бульон. Буль-

он в бишбармаке — самый «цимус». А он (жест в сторону кухни) думает, что комсомол дураки. Когда райком партии приходит, он дает бульон. Когда комсомол приходит, он бульон сам пьет.

Видимо, в Гурьеве руководящий кадр — это тот, «кто пьет бульон при бишбармаке».

*
*
*

Очень хороши пироги с курагой, пекомые в Смольном.

К тому же, курага полезна от давления.

Каждый день пекут свеженькие, а те, что остались со вчера, перебрасывают (за два квартала) в Таврический дворец, где воспитываются и питаются будущие кадры. У молодежи зубы покрепче. И жевать мягкий пирог тоже, выходит, привилегия.

По разряду в системе образования Высшая Партшкола приравнена к университетам. Да только студенты особенные. Все они хоть маленько, да глотнули уже сладкого воздуха власти и потому не могут не относиться к своему временному студенческому статусу вроде как с юморком.

По костюмам, на вид, они аппаратчики как аппаратчики, но то, что им не приходится подготавливать вопросы, подрабатывать постановления, вентилировать отношения и т. д., заставляет их вести себя с той веселой насмешливостью, под которой важные номенклатурные люди скрывают неловкость выходного дня, смущение несерьезностью рыбалки или охоты.

Звонок с лекции, и в гулкую уборную бывшей государственной думы, где некогда облегчались, не глядя друг на друга, депутаты Пуришкевич и Малиновский, вваливаются студенты ВПШ. Перебирая плечами над писсуарами, они делятся новостями из области политэкономии, хоккея, происков сионизма и пр.

Посещаемость парламентского (ныне ВПШ) сортира выше, чем в Смольном, т. к. в Таврическом буфете продается пиво, тогда как в Смольном абсолютный сухой закон. Пиво в Таврическом — игривый намек на несерьезное студенческое положение впшовцев — балуйся, молодежь.

В мраморных сенях сортира рядом с умывальниками стоит большой стол.

Несколько раз я заставал коллегу по конторе, прозаика Валеру, работающим за этим столом.

Валера — гад, нарушитель конвенции, индивидуалист, плюющийся на коллектив. Но, с другой стороны, рачительный семьянин.

Он ведь что делает. Мало, что с бородой ходит жрать в ВПШ (у меня борода не в пример меньше, и то неприятности); мало, что одет вызывающе (Валера — большой франт, из писательской турпоездки во Францию привез себя ярко-розовый галстук и того же цвета ботинки, при том он носит зафарцованный синий блейзер с золотыми пуговицами и пошитые в ателье Литфонда брюки цвета бордо — и это на фоне то серых в гедезеровскую искру пиджаков ВПШ!); но мало всего этого — он еще нахально ходит в магазин!

Просто так, берет и идет. И покупает, чего хочет. Знает, что не станут орать и выводить (а что могут отменить пропуска всему коллективу, не думает, паразит).

Он закупает там горы кульков, баночек и свертков. У него много денег. Он написал художественную биографию Емельяна Ярославского. Он доказал, что это Емельян придумал название для газеты — «Правда» («Правда, гениально?»). Он жалуется на редакторов: вычеркнули такую человеческую деталь — цитату из тюремных дневников: Емельян переживал в дневнике, что мастурбирует.

На столе в сенях уборной Валера укладывает свои

баночки и сверточки в полиэтиленовые пакетики, а пакетики складывает в сумку, которую называет спортивной (в ней впору штанги носить). Он кладет в пластиковый мешочек говяжьё парную печенку в окровавленной расползающейся бумаге, держа пакет на отлете, чтобы не закапать блейзер. У него пальцы в крови.

*
*
*

Однажды я встретил другого франта, доктора, которого знал еще студентом мединститута.

Слово за слово, и он рассказал мне о своей удивительной карьере.

Поначалу после института пришлось трудно: поселковая амбулатория, ставишь старухам клизмы, выписываешь справки покойникам, пьяные на тебя блюют, плюс — аборт, аборт, аборт.

Но прорвался в аспирантуру. Нажал на общественную работу. Вступил в партию. И по анкете — представляешь! — прошел в спецполиклинику.

— В Свердловку?

— Ну, в общем да, только мой кабинет на Каменном острове, в резиденции. Там старинные особнячки отделали, заборами огородили, сделали вроде городскими дачами, чтобы начальство могло культурно отдохнуть, когда сильно переработается. Короче — банкеты у них там. При банкетном зале построили туалет — это дворец! Всё оборудование финское. Биде! При этом предусмотрено всё до мелочей — если кто крепко перебрал, вышел облегчиться, запачкался, из туалета есть другой выход — прямым ходом к комнатам отдыха, к спальням. И при туалете построена комната — медпункт, на случай оказания помощи товарищам, которым стало нехорошо. Но, сам понимаешь, любого эскулапа в такое место не посадят. Им надо не ниже кандидата медицинских наук — раз, член — это,

конечно, два, анкета как стеклышко — это три... То есть это такая синекюра, что мне никогда и не снилось.

— Ну а пациентов много?

— Да нет... Работа — груши околачивать. Ну, бывает, что сунешь одному валидольчику, другому нашатыря понюхать и проводишь бай-бай, в кроватку. Но это же не пьянь с Московского вокзала в вытрезвителе... Отдыхают вполне культурно. Рассказывают анекдоты, поют.

— Что поют?

— Разное. Народное... Советское... Между прочим, лучший певец — Романов. У него такой бархатный тенор и поет всё задушевное, морской репертуар: «Раскинулось море широко...», «Прощай, любимый город...» Через это и пошел в гору. Был в каком-то райкоме на подхвате, но как компанейский мужик, к тому же с таким репертуаром, завел корешей на верхах и пошел в гору... Сижу я там, пишу докторскую, музыку слушаю. Коньячок у меня там французский всегда. Жратвы — это, конечно, навалом...

*
*
*

Старая большевичка Лазуркина, та, что потрясла 22-й съезд сообщением о своих потусторонних консультациях с Ильичом, как-то выступила на ленинградской партконференции. Продолжая свой натиск от имени старой гвардии, она сурово критиковала обкомовских товарищей за то, что завели специальные поликлиники, детские сады и т. п.

Тов. Толстиков осадил зарвавшуюся старушку:

— В нашей стране почти все учреждения и предприятия имеют свои столовые, поликлиники, детские сады. Почему же дети работников аппарата не могут посещать свой детсадик?

Ничего не сказала старуха. (А может быть, повторного слова не дали согласно регламенту.) А могла,

конечно, развести демагогию сравнений: мол, смольнинский детсад так же похож на детсад какой-нибудь там фабрички «Красная пробка», как похожа смольнинская поликлиника и больница Свердловка («полы паркетные, врачи анкетные») на обычную, с безнадежными очередями за номерком на рассвете, как похожи вышеописанные столовые на заводскую (винегрет — «двадцать копеек туда и обратно»).

Да и кандидатов медицинских наук на должности туалетных мужиков тоже не на каждом шагу встретишь.

*
*
*

Другой раз, тоже под праздник, ехал я на такси с развеселым шофером.

В городе повсеместно что-то давали, и шофер, сам возбуждаясь, всё обращал мое внимание:

— Во очередь — одни бабки. Лук репчатый выбросили... У Елисеевского наборы хорошие дают: две банки сайры, бутылка экспортной, а нагрузка — полкило песку, всё равно в хозяйстве сгодится... А на Васильевском, слышал, что было? Знаешь магазин на ...-й линии, три ступеньки вниз? Завезли красную икру. Два килограмма на магазин. Это-то у них один раз в год бывает, не чаще. О продавцах, конечно, и речи нет. Директорша с заместительшей стали между собой делить. Разругались, и директорша эту ударила хлебным ножом. Вот настолько от сердца прошло...

По тротуару не спеша идет серьезная женщина. Обе руки у нее оттянуты огромными авоськами, а на шее висит гирлянда рулонов туалетной бумаги. Мой шофер чуть не по пояс высунулся из машины:

— Тетка! Где туалетную бумагу брала? Или из химчистки несешь?

Едем дальше.

— А лично для меня икра не проблема. У меня жены сеструха работает буфетчицей в Смольном. Там у них бутерброды нераскупленные полагается через три дня списывать. Так она, икра, еще хорошая, только сверху вроде как бы обветрилась... Жены сеструха икру счищает в банку, а батон выкидывает. У меня в холодильнике банка икры это всегда как штык.

* *
*

Слава Богу, не голод.

Но чтобы прокормиться, надо проявлять изворотливость. В Москве, в Ленинграде еще ничего, а вот в провинции. (Почему-то особенно вспоминается все время мраморный прилавок под вывеской «МЯСО» в Костроме, заставленный запылившимися бутылками плодоягодного вина. Может быть, потому что Кострома по старинке — мясная, молочная.)

У меня был друг, который, пока еще работал с нами, отказывался пользоваться сказочной нашей привилегией. В обеденное время, нахлобучив шляпчонку и спрятав бороду в шарф, ехал он на автобусе довольно далеко, до заведения под вывеской «Пельмени» (о них же поэтом сказано: «А в животе стучат пельмени, как шары бильярдные»).

Он говорил:

— Здесь они меня не унижат. Это мой *поступок*.
Последнее слово он всегда произносил курсивом.

* *
*

Шофер с баночкой позавчерашних смольнинских оскребков.

Идеологический секретарь с гусями.

Прозаик Валера в уборной, с печенкой в расплывающейся окровавленной бумаге.

Пожилой писатель, которого я очень люблю, сказал мне как-то:

— Я бы хотел написать еще только одну небольшую книгу в заключение всего — о человеческом достоинстве.

О, и я бы хотел написать такую книгу! И я.

ФАМИЛИИ

Фамилии-отмычки

В каждом городе, районе, промышленной отрасли, всюду в нашей жизни есть такие фамилии, большей или меньшей, но всегда безотказной силы действия.

Это не обязательно фамилия первого (секретаря — обкома, горкома, райкома, парткома).

Например, в маленьком городе нефтяников, куда я приехал работать после окончания университета, такой фамилией-отмычкой была фамилия Забродоцкий, принадлежавшая энергичному местному царьку, главному инженеру нефтяного управления.

— Забродоцкий приказал!

— Забродоцкий указал!

— Забродоцкий распорядился!

— По просьбе Забродоцкого!

— Я к вам от Забродоцкого!

— Забродоцкий дал «цэ у»! (Это почтительный юмор; «цэ у» — «ценное указание».)

Если вы имели право произнести одну из этих фраз, вы могли добиться в городке самого вожделенного: получить назначение в перевыполняющую план (а, стало быть, очень высоко оплачиваемую) буровую партию, вселиться в квартиру в новом доме — с ванной и уборной, приобрести в «гастрономе» с черного хода три килограмма апельсинов, даже уехать на материк до истечения срока контракта.

Помню, я, один-единственный раз имея в своем распоряжении эту фамилию-отмычку, воспользовался ею крайне нерасчетливо: получил на вещевом складе

два засаленных тюфяка, чтобы смягчить наши семейные ночлеги на жестких редакционных диванах.

Однажды мы с коллегой прилетели поздно вечером в город Луганск, которому незадолго до того было возвращено природное имя, после многолетнего Ворошиловграда.

В вестибюле центральной гостиницы обычная картина: толпа, отчаянно штурмующая стойку администратора, увенчанную вечной вывеской «МЕСТ НЕТ».

Люди протягивают администратору командировочные и служебные удостоверения, плачущих младенцев, справки из больниц.

Роскошный грузин чуть поодаль гипнотизирует неприступную даму-администратора влажными взглядами, поглаживая выступ бумажника на шевиотовой груди.

Все тщетно.

Я тоже принялся безнадежно размахивать нашими незначительными командировочными удостоверениями, в то время как мой попутчик преспокойно купил в киоске местную газету и, отойдя в сторонку, погрузился в чтение. «Ну-ну, вот и будем ночевать в сквере на твоей газете!»

Внезапно, отложив газету, мой приятель протаранил толпу и вырос перед администраторшей:

— Вам от Кузнецова звонили по поводу номера на двоих, из Москвы?

— Одну минуточку!

Администраторша принялась быстро перебирать свои бумажки.

— Простите, не записано... Может быть, сменщица унесла заявку... Тетя Гапа! Проводите товарищей в полу-люкс!

Толпа почтительно молчала.

На стол красного дерева в обкомовском «полу-люксе» мой товарищ бережно (еще пригодится!) положил газетку, откуда выудил фамилию-отмычку для не

совсем законного использования. На первой странице в одной заметке говорилось: «К собравшимся с большой речью обратился первый секретарь Луганского областного комитета партии товарищ Кузнецов...»

А что? Мы же не говорили, что Кузнецов заказывал номер для нас, просто спросили: не было ли звонка от Кузнецова по поводу номера.

А из Москвы, так мы, действительно, из Москвы.

А номер так и простоял бы пустым, до завтра по крайней мере.

Еврейские фамилии

Книжек он вообще-то не читал, но всегда интересовался фамилиями авторов.

Вот взял со стола, прочел на обложке:

— Шкловский. Еврей.

— Почему вы так думаете?

— А вы что думаете, что еврейские фамилии — это только Коган, Шапиро и Шустерман-Фраерман? Нет, голубчик! Все эти Минские, Пинские, Белинские, Кричевские, Бердичевские, Шкловские, Островские...

— Помилуйте, и Белинские и Островские — обязательно евреи?

Он, запальчиво:

— А как же!

Фамилии на дверях

Гладкие деревянные двери вдоль длинных коридоров. Аккуратные типографские таблички с инициалами и фамилиями на дверях. Указаний отделов, секторов, званий и должностей нет. В этом — скромный бюрократический шик: подлинная власть не нуждается в лишнем украшении. Просто и веско — И. И. Иванов!

Но добро, коли И. И. Иванов. Судьба почему-то очень любит подстраивать разные каверзы с подбором фамилий на дверях.

Двери смольнинских коридоров: товарищ Ядов, товарищ Клопова. Чуть ли не единственная дверь с обозначением отдела — «Бюро жалоб и предложений» — так уж тут, конечно же, товарищ Заворотный!

На комнате, где сидят «идеологические» инструкторы ленинградского обкома комсомола, долгое время соседствовали таблички — А. Тупикин, В. Чурбанов.

А в Москве, в ЦК ВЛКСМ, рядом, по соседству кабинетов, гнездились — Сыч (В. Л.) и Упырь (Л. Ф.)!

Номера

Уже с утра жарко. Мы садимся в замызганный газик, чтобы ехать куда-то в окрестности очень тихого и очень древнего южнорусского города Львова.

Городок такой заштатный, что даже такому неважному гостю, как я, дали двух провожатых — щуплого старичка-краеведа из Дома пионеров и в три погибели горбатого начальника городской телефонной станции.

Собственно, горбун и предоставил для поездки свой служебный газик, а заодно и себя. Он очень общителен.

Краевед показывает главную местную достопримечательность — похожую на старую водокачку якобы готическую башню в заглохшем саду при доме Барятинских, в которой романтически настроенный маршал князь Барятинский содержал своего именитого пленника — Шамиля.

Потом он начинает бубнить что-то про внука не то маршала, не то управляющего именем, который вот недавно приезжал на старости лет поглядеть род-

ные края. Приезд единственного за многие годы иностранца, видно, поразил воображение льговского краеведа.

—...и вот, понимаете ли, поселили его в гостинице в райкомовском номере... И вот, понимаете ли, каждое утро он требовал себе стакан чистого виноградного вина — портвейн «три семерки»!

Мы уже едем среди звенящих кузнечиками полей.

Асфальт латаный-перелатаный, в рытвинах и ухабах. Но вот его пересекает широкая лента роскошной автострады.

— Всего тридцать два километра, — говорит горбун. — До Калиновки. Родина Никиты. Перед его приездом за одну неделю сделали.

И, уже не давая краеведу снова завладеть разговором, начинает свое:

— Тут у нас телефонную сеть зимой на автоматику переводили, так из-за номеров вся наша знать переругалась!

— Как это?

— А так, что я еле всех ублажил. Выдал соответственно чину-званию. Ну, первому секретарю, ясно, 4-12...

— Почему?

Горбун звонко хохочет, щелкает себя худыми пальцами по огромному кадыку, и я соображаю: «Господи, да четыре рубля двенадцать копеек — стоимость бутылки дешевого коньяку!» (в ценах тех времен).

— Второму секретарю — 3-12...

(Бутылка «Столичной».)

— Предрайисполкома — 2-87...

(Бутылка «Московской».)

— Начальник милиции говорит: «Мне-то хоть рупь сорок девять оставь!..»

(«Четвертинка» водки.)

- А себе-то какой номер взяли?
- Мы люди маленькие. 0-22. На кружку пива!

Банкет

Огненный исполнитель национальных танцев, объездивший с концертами всю планету, наконец-то посетил город, где он вырос, одну из советских среднеазиатских столиц.

Родным для танцора город этот не был.

Его родиной были горы Северного Кавказа, но маленький народ, к которому он принадлежал, не приглянулся Сталину и был — весь народ — без суда и следствия сослан в далекие чужие края.

Теперь город изгнания встречал артиста как самого дорогого гостя.

Чтобы освободить лучшую сцену для единственного выступления, в Театре оперы и балета отменили спектакль.

Нечего и говорить, что в зале яблоку негде было упасть. Первые ряды занимало жирное бритоголовое начальство.

На следующий день бенефициант пригласил всех перворядников на банкет. В тот же день вечером он покидал город своего детства и юности.

Случайно среди приглашенных оказался и мой знакомый ленинградский хореограф, работавший там в ту пору по временному контракту.

Во главе стола километровой длины сидел мрачный и торжественный хозяин пиршества.

Стол ломился от дорогих восточных блюд и интернациональной икры.

Хозяин был крайне немногословен и не улыбочив. Лишь время от времени он с сильным, но не местным акцентом спрашивал:

— Может быть, мало? Ешьте. Пейте. Официант! Еще ящик шампанского!

Гости, наоборот, улыбались шире своих широких физиономий.

Они произносили цветистые тосты, в которых сладко расхваливали талант танцора, возвращенного их заботливыми руками в их родном городе.

— Дорогой Мухамед, — начинал один, — помнишь, как ты пришел ко мне совсем юным...

— Дорогой Мухамед, — пел другой, — когда ты под моим руководством...

— Дорогой Миша, — фамильярничал третий, — помнишь, как мы с тобой начинали...

Наконец, даже восточное красноречие гостей стало иссякать, хотя пиршественное изобилие, казалось, ничуть не убывало.

Тогда поднялся хозяин пира и, обратясь к моему знакомому, сказал:

— Уважаемого ленинградского гостя прошу оставаться на своем месте.

Хореографу показалось, что такое начало не предвещает ничего хорошего. И он не ошибся.

Переводя тяжелый взгляд с одной бледнеющей жирной физиономии на другую, танцор заговорил.

— Гуссейнов, ты сказал, что когда я пришел к тебе в училище совсем юным, ты согрел и поддержал меня. А помнишь, как ты говорил: «Это наше народное училище, для нашего народа, иди в училище для своего народа...» Как будто ты не знал, что у моего народа нет не только училищ, но просто своей крыши над головой! Ты поел? Попил? Ты сыт? Теперь иди отсюда...

И артист назвал отдаленный, но точный адрес, один из тех, которыми так богат русский язык.

— Усеталиев, ты сказал, что под твоим руководством я делал свои первые шаги. А помнишь, как я попросил у тебя разрешения после репетиций готовить

свой первый сольный номер. Что ты ответил? Ты ответил: «Скажи спасибо, что мы тебя выпускаем в массовке». Ты поел? Попил? Иди... Новиков. Мы с тобой «вместе начинали»? Когда у меня родился ребенок, а ты был председателем месткома, я пришел к тебе, к близкому другу, и попросил помочь получить хоть какое-нибудь жилье... Ты сказал: «Лучше тебе вообще уехать отсюда». Поел? Попил?...

Зал быстро пустел, поскольку многие из гостей решили не дожидаться обращений лично к ним.

И когда они остались за столом вдвоем с хореографом, танцор обратился к своему гостю с изысканно красивым кавказским тостом.

*Невидимки за работой**

О торговле дипломными сочинениями, кандидатскими и докторскими диссертациями иногда пишут даже в советской прессе.

Спрос рождает предложение.

Власть имущие расплачиваются за диссертации, так сказать, натурой: квартирами, продвижением по службе.

Но чаще пишут просто за деньги.

Покупателей много в богатых среднеазиатских и закавказских республиках. У господ, имеющих вдоволь жратвы и тряпок, домов и машин, появляется желание получить еще и престижный пост, красивую приставку к имени — кандидат исторических наук, доктор философии.

Когда моему приятелю Х. понадобились деньги, чтобы купить кооперативную квартиру, он взял сразу

---

* Не удержался от соблазна использовать один из излюбленных советской журналистикой заголовков. Уж больно подходит к случаю!

две «негрские» работы — писать мемуары для старичка-генерала и диссертацию на звание кандидата филологических наук для одной дамы из города Мары.

Тема диссертации, заказанной из Мары, была: «Проблемы развития советского исторического романа в Туркмении».

Как-то в небольшом кругу друзей-писателей Х. читал очередное письмо от заказчицы:

«Дорогой Х.! Первая глава нашей работы (обратите внимание на деликатное «нашей») была обсуждена на кафедре и получила высокую оценку. В связи с этим решено поставить мой доклад на диссертационную тему на заседании местного правления Союза писателей. При этом нам (!) советуют обратить внимание на...» Дальше шло перечисление исторических романов туркменских писателей.

Среди слушавших письмо был писатель Б. Он сказал:

— А все-таки, самое интересное было бы, если бы ты встретился с теми, кто в самом деле пишет эти туркменские романы.

ПИСЬМА

1. Отклики трудящихся...

Сразу же после окончания университета я работал в маленькой газетенке в маленьком городишке на севере Сахалина. Штатное расписание было устроено таким льстящим самолюбию образом, что почти все в редакции занимали руководящие должности. Штат был такой: главный редактор, зам. главного, он же — заведующий партийным отделом, заведующий отделом промышленности и транспорта (я), заведующая отделом культуры и писем (добродушная тетка, подбирающаяся к пенсии), старший бухгалтер (и единственный).

Редакционная машинистка Александра Михайловна не называлась ни «старшей», ни «заведующей», она просто была женой начальника стройтреста: социальная роль, значимость которой перевешивала все наши, вместе взятые.

Единственным подлинно нетитулованным сотрудником был Иван Михалыч З., вроде как мой подчиненный, провинциальный украинский газетчик, добрый седой дядька, которого судьба мотала, мотала да и вышвырнула на Сахалин.

По старшинству (да и как партийный) он бы должен был заведывать мною, а не я им, но Иван Михалыч наотрез отказался даже от такого условного начальствования. Объяснял он при этом свои мотивы

больше вздохами, разведениями рук, похлопыванием себя по сутулой спине: дескать, на мне — валяйте, пожалуйста, ездите, а я никак не могу.

Работа наша с ним в те бурные времена хрущевских набегавших одна на другую кампаний состояла преимущественно в «организации» откликов трудящихся.

Иван Михалыч входил в наш закуток, шаркая подшитыми валенками, кряхтя устраивался за своим столом, лицом ко мне, несколько времени смотрел на меня совершенно бессмысленным взглядом светло-серых непроснувшихся глаз, выпускал глубочайший вздох, заканчивавшийся тем вибрирующим губным звуком, что одинаково свойствен извозчикам и лошадям, кабинетик наполнялся воспоминанием о вчерашнем спиртышке с лучком, Иван Михалыч говорил свое обычное приветствие «Охо-хо-хо, Алексей Владимирович...», и мы брались за телефонные трубки.

На что мы сегодня откликаемся, Иван Михалыч никогда не спрашивал, но я считал своим долгом поставить его в известность: на мартовский пленум... на выступление Никиты Сергеевича в ООН... на 7 ноября... на встречу с Эйзенхауэром...

Иван же Михалыч деликатно давал мне практические указания.

— Я, Алексей Владимирович, возьму рабочий класс — табуреточную мастерскую, могу также научно-техническую интеллигенцию — «Дальтехснаб». А вы, мабудь, в совхоз пробьетесь, чтобы у нас национальности были представлены. И, как вы человек молодой, можете женщину организовать.

— А где ее взять, Иван Михалыч?

— Да хоть в горбольницу позвоните или в библиотеку. Или можете на почту, Людмиле Васильевне. Она у нас всегда хорошо откликается.

И мы принимались за дело.

— Алё, «Дальтехснаб»? Дайте парторга, пожа-

луйста... Сергей Сергеевич? Здравия желаем. З. звонит, из редакции. Есть идея поставить в номер ваш отклик. На что?

Уже успевший забыть Иван Михалыч выразительно смотрел на меня. Я быстро подсказывал.

— Та на пленум, на пленум же. Есть. Лады. Позвонить зачитать, когда будет готово, или так доверяете? Ну, есть. Спасибочки за доверие.

Набрав рабочего класса, старых большевиков, женщин, научно-технической интеллигенции, национальностей, а иногда и пионеров и школьников для теплинки, мы принимались строчить.

«Я как мать, воспитавшая четырех детей... невольно вспоминаются незабываемые дни Октября... и только при советской власти наш маленький народ... обязуюсь еще лучше...»

По вечерам, дома, Иван Михалыч за небольшую плату, за угощение, а чаще всего просто по душевной склонности, чинил радиоприемники, электроутюги, двустволки, подшивал валенки.

Так что из нас двоих по крайней мере его существование было морально оправдано.

Позже, когда я недолго и нештатно сотрудничал в ленинградских газетах, мне тоже порой приходилось заниматься откликами. Там диапазон был пошире: попадались академики, артисты, художники. Только писатели гордо писали отклики сами. Поэты — в стихах. За отклики в стихах полагался гонорар, а за прозаические — где как: в одних редакциях — автору, как бы за подпись, в других (справедливо) — сотруднику за работу, в третьих — пополам, а во многих еще — никому ничего. В Ленинграде телефонным разговором ограничиваться не разрешалось, отпечатанный на машинке отклик надо было обязательно отвезти автору на подпись.

Поскольку отклики, наряду с выступлениями на собраниях, являются, собственно говоря, единственным материальным выражением несокрушимого един-

ства партии и народа, монолитного единства советского общества (в период между выборами, конечно), то я, можно считать, к этому монолиту руку приложил.

Правду сказать, особенных угрызений совести я по этому поводу не чувствую: я это дело делал механически, по примеру Ивана Михалыча; читать эту галиматью никто не читал, да и вообще я служил при газетах недолго, года два, а потом сделал попытку найти работу почище.

Другая память не дает мне покоя — письма.

Ведь были же, были темы, события, явления, на которые трудящиеся откликались охотно, без наших звонков.

Ну, конечно, в первую очередь откликались на нехватку продуктов и вообще товаров в магазинах, на скверные жилищные условия, на скуку, дурь, пьянство вокруг.

Некоторые из писем, так называемый «самотек», примерно раз в неделю попадали на страницы газеты, но, Боже, в каком причесанном, припомаженном, приглаженном до неузнаваемости виде!

Живое письмо, как оно есть, пробиться на газетную страницу никак не могло.

Эти письма, может быть, самые важные языковые и социальные документы эпохи. Когда-то это понял гениальный Зошенко и выпустил замечательную книгу «Письма к писателю». Он же указывал там на то, *как* следует читать такие письма. То есть нужно употребить несложную систему поправок, чтобы увидеть народную жизнь за страницей неграмотного письма. Сюда входит: специальная психология автора (не всякий, далеко не всякий вообще станет писать в редакцию), его неумение выразить свои мысли (которое само по себе может быть очень выразительно и характерно), влияние штампов официальной пропаганды, непереваренных или переосмысленных,

принятых всерьез или привешенных, потому что письменная речь без них не мыслится (и это тоже явление большого общественного значения)*.

И меня мучит мысль, что несметные сокровища письменного фольклора, выразительнейшие документы эпохи гибнут по редакционным архивам, а то и корзинам. (Надеюсь, кто-то прочтет эти слова как призыв.) Но еще существеннее для меня другое.

Право человека на опубликование его письма в прессе представляется мне неотъемлемым — как один из элементов свободы слова. Не печатая письмо или печатая его в искаженном виде, газеты это право у людей отъемлют.

Редакционный работник, я получал свою ежедневную порцию писем, на которые должен был дать стандартный ответ, а затем отправить их в краткосрочный, периодически уничтожаемый архив. Ответить по-человечески, нестандартно, я старался; напечатать письмо — было не в моей власти. Выбросить в архив на чердаке — рука не поднималась.

Так с годами у меня выработалась привычка сохранять обреченные на безгласие письма. Не самые серьезные, не самые забавные (чужие письма не могут быть предметом коллекционирования), а те, что мне казались самыми характерными, как бы представляющими за весь письмапишущий люд. Я всегда верил, что они должны быть напечатаны: люди их для того и писали — это раз, а во-вторых — они на свой лад очень живо и точно рассказывают о современной народной жизни. Только не впрямую, а как в настоящем живом разговоре, где интонация, недоговоренность, неправильность, жест, улыбка говорят больше, чем слова.

---

* На эту тему у Шукшина есть прекрасный рассказ «Раскас».

2. «Что нужно, чтобы петь голосом...?»

Больше всего в редакции поступает писем с вопросами. Даже больше, чем с жалобами.

При почти полном отсутствии информационных служб, разумной рекламы в стране, люди рассматривают редакции газет и журналов как своего рода справочное бюро. Диапазон вопросов необычайно широк.

«Что нужно, чтобы петь голосом например: тоненьким или как поют певицы, а то у нас в классе у Гранальской мужской голос».

«Дорогая редакция. Меня интересует растешь лучше или нет, когда делаешь каждое утро зарядку и днёси короче говоря лигулярно делать акробатические упражнения.»

Это пишет пятиклассница (12-13 лет). А вот просьба учеников 7-го класса.

«Просим ответить на наши вопросы!»

1. Правда-ли, что под стенами Кремля нашли кувшин в который нальешь воды, а выльешь вино?

2. Правда-ли, что где-то нашли трехглавого змея?..»

7-й класс, 14-15 лет, но не шестнадцатый ли век?

Не только вопросы, но и ответы на всевозможные воскресные задачи и викторины бывают довольно замечательными.

Например, в викторине были вопросы: что такое «квадратура круга», «агар-агар» (водоросли, ценное сырье), кто такие Феофилакт Косичкин и Иегудиил Хламида (фельетонные псевдонимы Пушкина и Горького), кто из европейцев первым посетил Сахалин (голландец Де Фриз в 1643 году) и т. п. Вот ответы.

«Квадратура круга, это земной шар» (видимо, как-то ассоциировалось со словечком «квадратура» в применении к жилплощади). «Агар-агар, это уголь дважды перегоревший...» «Феофилакт Косичкин и Иегудиил Хламида, это люди которые имеют косички не ухаживают за собой, а которые не ухаживают за собой те называются Хламидами» (эти два ответа --

очаровательные примеры народной этимологии). «Первый из европейцев посетил Сахалин, кто был на ссылке в 1924 г.».

Видимо, это как-то связано с семейными преданиями, разговорами: для этой девушки история родного края начинается с советской каторги.

3. *«Письмо ваше получила но не очень обрадовалась»*

«Здравствуйте.

Письмо ваше получила но не очень обрадовалась. Костюма у меня нет и вы не хотите выслать я спортом не буду заниматься. Как вы пишете Костюма мы не можем выслать а спортом занимайся. значить как по вашему я должна заниматься в плате что ли я спортом не буду заниматься вышлю вам спортивные карточки если вы так написали очень я вами не довольна. Другим ребятам высылают а мне нет я у вас не прошу самый дорогой хоть трико дешевое мне надо 38 размер трико если вы хорошие ребята то вы вышлите я на вас надеилась в 1 раз вы нехочите высылать я очен вас прошу. надеюсь что вы вышлите.

Поздравляю вас с Октябрем...»

На загнутых по-школьному полях листочка, на оставшемся месте под поздравлением, горизонтально, вертикально, наискосок — выведены заклинания: «Ну вышлите», «Хорошие друзья», «а у меня костюма нет», «и на коньках не будишь кататься в польто надо КОСТЮМ».

Дело в том, что нашей редакции для подарков читателям, отличившимся в спорте, удалось выщарапать штук тридцать спортивных костюмов из дешевого трикотажа пыльно-синего цвета. О награжденных счастливицах было объявлено в журнале, и поток писем от мечтающих тоже сподобиться этого трикотажа захлестнул нас. Дети в нашей стране, как известно, привилегированный класс. Я, несмотря на все старания, так и не сумел раздобыть для этой девочки трико 38 размера. «Поздравляю вас с Октябрем.»

То было о нашей бедности, в следующем письме речь пойдет о богатстве и о морали. (Здесь, как и всюду, я оставляю орфографию неприкосновенной, но рассчитываю не на удивление или увеселение читателя; надеюсь, что письмо будет прочитано как точная транскрипция живой речи, каковой оно и является.)

«Дорогие редакторы.

Я обращаюсь к вам и прошу вас всей душой дать отпечаток моей прозбы... Хотя говорят и нет ненависти среди молодежи старого поколения но оно ище есть утаких людей которые имеют коров бычков курей и хорошия квартиры и кто имеет 3-4 огорода.

Как у нас имеются на Сахалине ище такие люди как например Чидяньчиха 3 чиловека семьи муж работает рабочим в 1 мага. сичас поехал на курорт дочь Лида работает поликмахером всего 3 чиловека семи имеют 3 огорода корову 20 курей свиню 8 поросят быка и что ищэ таким людям нада.

Почему они имеют зло на людей или уж их богатства мучит или ненависть к молодому поколению.

Дочего же люди обнаглели не имея нестыда не совести Здесь же живет и Комариха Елена Федырьвна работает в дом нинар-мальных у етай Комарихи сын Гарик сошолся содной девушкой и зашли они в комнату отошли от матери теперь эта Гари мать Чиданчиха сошлис 2 судакушки две соседушки опозорили ету жену Гарика кого ты береш у ней мать дура отец ханыга у нее ничего нет берешь голая жопа унее ее одеть нада тысячу толька израсходывать взял бы лучше вон дочь Лиду Чиданчихи по край мери все есть и одета как кукла и богатые они. А эта что голым голешенька и мать Гари пришла как самошетишва домой сбежала как начала ету сноху конфузить навсяки позоры дочего же эти люди жадные на богатства что етай беднай девушки нет покоя. А Гари этот лапух идет по материнский линии гонится за богатствам а не за чиловекам видат не женится ему нада аон ище боится от маминай юпки отстать смотрит кабы ему рас мамину титю не пришлось сосать какой позор эта же что Чиданчиха ищит дочери Лиди мужа столстым карманам кто приедит свататся то и Гари мать ищит жену таким же духам так вы и клюйте старинья об/ь/етки куркульские. Ну учтите, что сичас таких жон для своих сановей не найдете дорогие мамышы и папашы, чтобы передвами трясли застолом ночные рубахи и для своих богатых дочерей мужей ищите где не быть в таких местах чем и кем воспитаны вы жадностью ненавистью к молодым людям. Недаром что ваши сыновя и стреляются что выбираите выбираите жон сыновям, что эта плохая вторая бедная и они имеют по 2 детей а ихняя матеря и сходятся и все судачут не как не подберут своим

соновьям жон. Смотриши как Борис Лукьянов. Мать сосвоем мужем с Петром сусатым пока своему Бори выбирали невест. То Манька плохая то Люська нехорошая да бедная а уетай Люси вторая беременность от Бори

Дотех пор сватали своему сыночку что паринь эту Люсю любил до безумия осталась дочь и растет как цветок а отец и мать нинавидят эту девочку и Люсю. Борис не долга думал и приговорил сам себя до смерти.

Вот дочего эти матушки доводят своих сыновей и дочерей нажевут богатства и не знают, что с нем делать что разлучают своих сановой те бросают жон и детей все выбар доходит невест пока матеря и отцы сватают — да выбирают богатых мужей да снох асмотрят уже ихняя сыновья улетели на свояси.

Так и вы товарищ Комарова Елена Федырывна ище своего сына Гари держите крепче возли своего подола привяжите иводите как Кирил слепова.

Может найдети для его невесту с коровой и с большим имением. Когда от этого уже соседушки своих сановой сводите сума и дочь Лида пошла по этому тоже. Так дорогие товарищи мы смотрим на вас и даже стыдна нам завас что вы бросите старинку из головы вы же сами по несколько рас выходили замуж и своих соновей ведети вразратную жизнь стыт позор доводите вы их до могилы разви вам жить и любить ихних жон если они нашли себе счастья и любов так же не мешайте им в ихний жизни вы ише до старости и тов се думайте вытти замужь хотите быть вдвоем а зачем же мешать в жизни своем сыновьям и дочерям всяк себе ишет пару

Женьшины.

Просим вас товарищи редакторы отпечатают все наша написаное может есть ошыпки поправте мы люди та очинь молодграмотные.

Портнова Зелина Оскина.»

Пишут в редакцию люди как люди, не ангелы. Они и сплетничают, и хитрят, и назойливо попрошайничают и просто жаждут славы — пропечататься! Но у большинства из этих авторов есть замечательное невольное литературное свойство: они не умеют лгать литературно. То есть среди них могут быть и завзятые вруны, но лгать в литературной форме — искажать, лакировать, затушевывать действительность — для этого ведь сколько надо пройти литкружков, семинаров, творческих общений со старшими товарищами

по перу. Наши же простодушные авторы вольно или невольно дают картину настоящей жизни, хотя бы и автопортрет. Даже просто неумелое пользование советскими литературными шаблонами приводит и к разоблачению этих шаблонов, механизмов пропаганды, и к вскрытию тех пропастей безнравственности, которые за ними скрываются. Особенно это очевидно, когда наивный автор, усекши, что основная пружинка нашей пропаганды — гипербола, раскручивает свои гиперболы за дозволенный предел, в область пародийного.

Вот, например, стихотворение № 17 «Тому кто велик» из сборника, присланного одной графоманкой (написано еще то ли в сталинские, то ли в хрущевские времена, но стихи такого рода по сути своей мало изменяются со временем):

Вот настанет вечер
Встанет наш деспечер
Матушка луна
Уж услужлива заботлева она
Все уж в освещенности
Мовзолей и Кремль и Столица
    Красная Москва
    Но ее берет тоска
То она нахмурится
То улыбнется
Но в Кремль хоть глазом тайком проберется
И вся побледнеет и станет
Бледный ее лик
Но знает, что служит
    Тому кто велик.

Вот передо мной рассказ, сочиненный техником Виктором Б. Сюжет древний-предревный — история блудного сына. Парню была не по душе домашняя опека, сбежал, пошел по плохой дорожке, погиб. Как часто бывает в сюжетах этого рода, Володе, герою рассказа, где-то в середине сюжета приоткрывается возможность праведной жизни, которой он пренебрежет: он устраивается на строительство учеником

слесаря-сантехника, где, как добросовестно перечисляет автор, ему приходится «устанавливать ванны, регулировать и привинчивать поплавки в бачках Эврика». Пытается наставить Володю на путь истины старший товарищ, комсомолец, демобилизованный солдат Анатолий. Делает он это так:

«...сварил картошку, поджарил колбасу, вскипятил чай... (на следующее утро) Анатолий поднялся на полтора часа раньше обычного и разбудил Володю, приказав ему готовить завтрак, а сам сел писать докладную в комитет ВЛКСМ о разговоре с Володей».

Автор, хорошо почуявший суть советского морального кодекса, напрямую выкладывает то, для чего профессиональная пропагандистская литература находит более увертливые словечки. Непрофессионал кроет напрямую: накормил голодного колбасой, теперь садись катать на него докладную.

У некоторых авторов вера в силу печатного, особенно ритмизованного слова напоминает веру в ворожбу и заклинания. Покинутые женщины обращаются к газете с той же суеверной надеждой, с какой их бабки обращались к ворожеям.

Вот № 26 из уже цитированного автора.

Коварный изменщик ты меня бросил
Ты мне изменил
Ты сердце поранил
И жизнь мне разбил
Ты бедную голову всю мне вскружил
Ты думаешь лучше нашел
Нет просто по скверной пути ты пошел
Себе ты горькую участь нашел
Нелучшель тебе с верной женой
На мягкой постеле поспать
Иль нет видно в холодной клуне
Лучше с паскудой лежать.

Опомнись мой верный супруга
Ведь я для тебя не плохая подруга
Хоть ты меня бил избивал
Но мне тебя всетаки жаль
Ведь дома большая семья
А ты ведь в семье голова
Ты вспомни тебе постераю
Приготовлю подам.
Всю жизнь для тебя я отдам.
Опомнись брось сам себе готовить варить
Да с подачками к этой паскуде ходить
Ведь 22 года с тобой мы прожили
И двое детей мы нажили
Дочь красавца и сын умен
И если дочь в защиту идет за мать
Ты ее наченаешь ругать
И беременную выгоняешь в полночь
И зять тебе не по нраву
В доме ведешь безпокойную драму.

Автор следующего подобного заклинания несколько более изощрен литературно. Употреблена безотказная мелодраматическая маска: письмо, под диктовку матери, написано рукой первоклассника на листке в косую линейку. Пятистопный ямб выдержан почти аккуратно, кроме конца, где до сведения вышестоящих надо довести точные данные об отце-подлеце.

«Мне восемь лет рожден я не законно. Меня воспитывает родная мать моя. Да партия конечно помогает, она пособия мне дола. А где отец подлец его я знаю. Он в стороне зоконом отделен. Живет в дому, он пет гуляет. Забыл и совесть и честь отцовскую свою. А я учусь я с каждым днем взрослою, обиду я в груди своей тою, а подрасту я и встречу с ним на узенной дорожке, где не сойти и не свирнут ему. И где не смыть ему с себя позора, которым я и люди оклеймят. Отец подлец, живет на Сахалине, поселок порт Мокальво, работает контора Дальтехснаба Илюшин фамилия его...»

Обращение к редакции с просьбой напечатать письмо в назидание другим отцам-подлецам. Подпись. Дата. Адрес.

4. Др. виды почтовых получений

Наивная вера во всемогущество **редакции** порой очень велика.

«Здравствуйте т. Лосев.

Прочел в газете вашу заметку* и вот теперь пишу вам. В этом письме прошу вас помочь мне. Немного о себе.

С 10 лет я послушав совета своего «товарища» начал заниматься ОНАНИЗМОМ. И так вот привык и очень тяжело отвыкаю. И как я заметил, сейчас мне 18 лет, но выгляжу я гораздо меньше лет так 15-16. И рост тоже не увеличивается никак: всего метр 10 сантиметров. А лицо стало желтым и НЕКРАСИВЫМ. Я прошу вас дайте мне совет упражнения с эспандером...

Я очень хочу быть здоровым, сильным и красивым.

А. Г.»

Велико и доверие.

Последним обстоятельством нередко пользуются проходимцы, коих немало трется при всякой редакции. Красное редакционное удостоверение имеет даже некоторые преимущества перед милицейским или кагебистским: оно тоже открывает все двери, но при этом его не так боятся, часто относятся с услужливым дружелюбием.

Один мой знакомый мошенник (не фигуральный, а профессиональный, так сказать, мошенник, сидевший за мошенничество, двоеженство, вымогательство и даже за литературный плагиат) в пьяной тоске вздыхал о золотом времечке, когда ему удалось разжиться удостоверением газеты «Советская торговля» и совершать набеги на продмаги и рестораны. Мы с ним работали вместе в сахалинской газете, пока его прошлое не было разоблачено.

Другой бойкий господин, который, кажется, и ныне служит в «Костре», пользуясь тем же безграничным доверием к прессе, проделал то, что в «Оливере Твисте» у Диккенса называлось «облапошивание мла-

---

* Что-то о спортсменах.

денцев». На страницах журнала он объявил об открытии нового пионерского клуба — что-то такое вроде клуба юных любителей старины и вообще нумизматов. Говорилось о патриотическом значении. Объявлялся конкурс юных кладоискателей. Победителям сулились красиво разрисованные грамоты, гипсовая модель медного всадника и лука на броневике и т. п.

С такой приманкой сеть, закинутая шестисоттысячным тиражом на всю страну, скоро стала улавливать добычу. Пошли в редакцию посылочки с позеленелыми николаевскими пятаками, стреляными гильзами Бог весть какой войны, но порой среди ерунды попадались и старинные часы-луковица. И вполне антикварная статуэтка. И действительно старинная и ценная монета. Серебришко. Золотишко мелькнуло.

Поскольку никакой системы регистрации поступающих материальных ценностей в редакции не существует, все это записывалось просто как «др. почтовые получения» пионерского отдела. Гильзы и пятаки 1913 года рождения выкладывались на специальную витринку в редакции, прочее уплывало.

Видимо, где-то какой-то юный алкатель грамоты и приза произвел чересчур усердные раскопки в семейной сокровищнице, и это было замечено, и следствие было учинено; в общем, в один прекрасный день в редакции появились два мрачноватых следователя ОБХСС.

Наш любитель старины выкрутился, но клуб пионеров-антикваров прекратил свое существование.

В газеты тоже по почте нередко приходят не письма, а всякие вещички, которые могут рассматриваться семиотиками как специальная знаковая система, вроде пресловутого «индейского письма».

Там, где наш корреспондент полагает возможности русского алфавита исчерпанными, неадекватными обуревающим его чувствам, он прибегает к знакам-предметам, и вправду очень выразительным (семантически насыщенным): гвозди, куски стекла, запе-

ченные в хлеб местного производства, коллекции насекомых, населяющих молодежное общежитие, разные отчаянно недоброкачественные товары, которые магазины отказываются принять обратно или обменять.

Однажды нашу сахалинскую редакцию потряс душераздирающий вопль. Вопил отдел культуры и быта (Александра Михайловна). И было отчего.

Как выяснилось, очередной посетитель-жалобщик вначале нес околесную, что-то маловразумительное — насчет своего огорода, и горкомхоза, который ни за чем не следит, как полагается, и могильщиков с заречного кладбища, которые халтурщики, с утра так налопаются, что лопату держать не могут... Постепенно стало Александре Михайловне понятно, что речь идет, в основном, об огороде. Участок жалобщика граничит с заречным кладбищем. Могилы там копаются халтурно, неглубоко. И вот во время половодья... И он торжествующе положил на стол Александре Михайловне то, что вынесло половодьем на его огород: человеческую голову плохой сохранности, завернутую во вчерашний номер нашей газеты.

5. «...к оуплению, затем к идиотизму»

Самое печальное свидетельство, которое дает редакционная почта советских изданий — это разрушение, обесмысливание русского языка, по крайней мере письменного языка, превращение подчас письменной речи даже грамотного человека в бессвязное бормотание. Сами тексты указывают на причину своей болезни — пропаганда: они представляют собой мешанину обломков пропагандистских клише, стереотипов, блоков. Радио, которое зундит день-деньской, бессмысленные протокольные речи на собраниях делают

свое дело. Душа отравляется через ухо, как сказано в одной хорошей книге.

Вот подросток, девочка лет 13-14, хочет, чтобы статья с ее подписью появилась в журнале. Пишет довольно грамотно, почерк аккуратный, почти взрослый, видать, старательная, отличница. Не дура, на-верное.

«Призвание человека это постоянное, требовательное сознание помогать массе, бездействие приводит человека к оуплению, затем к идиотизму. Но человек обязан работать в контакте с массой и графически согласно часовому графику и плану работы!»

В массе всегда есть спутник ибиологического брожения и нервничать, обижаться на массу не рекомендованно, т. к. в следствии труда — есть износ организма и, человек владеет в стадию недоразвитости, особенно тяжело работать среди детей т. к. у них много «Почему?». Это «Почему?» монтирует личный характер в последствии согласно индивидуального «почему?» можно определить полезный ли обществу этот человек, и даже состояние его здоровья, долголетие плодотворного труда.

Все нормальные ребята после уроков занимаются общественной работой, а недоразвитые не в состоянии этим вопросом заниматься — поэтому есть вожаки: вожак обязан составить план работы, чтобы мозг человека начал срабатывать согласно индивидуальных способностей, НО главное: «Режим суток!», «План работы!», «Почему?»

Лиза Ш. »

(Судя по адресу на конверте, Лиза хотела принять участие в журнальной дискуссии о роли пионервожатых в школе; видимо, серьезно подготовилась, почитала литературу.)

Интеллигенты знают различие между законами устной и письменной речи (по крайней мере, предполагается, что должны знать). Письмо неинтеллигента всегда прежде всего отражает его устную речь. Если преодолеть орфографические и синтаксические трудности, то мы увидим (услышим!), что речь страстной (видимо, заинтересованной лично) обвинительницы Чиданьчихи и Комарихи — образная, неплохо продуманная, безусловно целенаправленная, живая.

Как это ни прискорбно, устная русская речь далеко не всегда такова в наше время. Часто это жвачка, бессмысленная, расхристанная, ничего и никак не выражающая. Люди на разных общественных уровнях отвыкли думать, а следовательно, и говорить дельно, но потребность общаться — в застолье, на собрании ли — сохранилась. Речь заменяется непитательной эрзац-речью.

«И вот, бя, мы, бя, с Сашком взяли красного, бя, пошли к Малыге, не, вру! — мы сперва пошли, бя, к Малыге, а потом, бя, взяли красного...»

Или вот отрывок выступления на редакционном совещании, который я несколько лет назад записал стенографически. Ниже приводимый отрывок ничем не отличается от предшествовавшей ему речи, от последующей. Такие разговоры у нас шли и идут повсеместно часами.

«...но вот это мне кажется, о чем можно говорить отдельно, потому что сегодня оно особо остро проглядывает, это «но» о той большой свободе художника, которая у него на сегодня имеется. (пауза) Ну, что ж, в университете (с улыбкой, означающей кавычки) «долбали» там в прошлом году (чешет затылок), но есть какие-то вещи, которые... как Пушкин, как великая живопись... (интимным тоном) Меня сейчас увлекло соотношение объективного и субъективного. Это нам обеспечивает очень четкий подход к произведениям натуралистическим, фотографическим, попросту говоря, серым. Когда это не учитывается, мы сталкиваемся с псевдореалистическим пониманием. Вот что интересно!..»

Кто именно 23 января 1973 года чесал в затылке и произносил столь содержательную речь, я не помню, не записал. Да это и не важно. Я полагаю, что три четверти сотрудников редакции могли говорить таким манером, — вот что страшно.

(О чем шла речь, я установил по соседним записям: редакция должна была зарубить рукопись более или менее талантливой, реалистически написанной

школьной повести — с несправедливым учителем, с семейной драмой и т. д.)

По графомании наша страна прочно занимает первое место в мире. Это чудовище родилось от кошмарного брака суеверия (веры в исключительное значение прессы) и безъязычия. Очень простые приманки влекут молодых и старых честолюбцев на этот пагубный путь: быть писателем славно, выгодно и приятно, и притом кажется, что добиться этого проще, чем сделать, скажем, партийную карьеру. Шариковая ручка, даже пишмашинка, бумага, набор словесных шаблонов не хуже, чем печатаются, — доступны всем.

Среди графоманов есть довольно безобидные жалкие существа. Это по большей части ребусники-синицки, старички, сочиняющие загадки, шарады и т. п.

...Если я не успевал спастись, он проскальзывал в кабинет, прижимая к груди дырчатую нейлоновую шляпу, душевно желал мне здоровья и со скромной гордостью произносил что-нибудь новенькое:

Я — как трактор!
Но... — мчусь побыстрее
И... пугающий хобот имею.

И, радуясь моему смятению, давал разгадку:
— Танк.

Был еще его коллега очень преклонных лет. Характерной особенностью его шарадного творчества было однообразие зачинов:

Слог первый — сосны составляют,
Чудесно он шумит.
Второй слог — лучших прославляет,
Творил его пиит.
А целое носил боярин
И не имел почти татарин.

Слог первый мой в питание входит,
Он у детей обычно в моде.
Второй мой слог глубины мерит...

Мой первый слог в Италии струится...

Мой первый слог с зверями дружен...

Мой первый слог имеет вес довольно небольшой...

(Борода — кашалот — По — рог — грамм...)

Как всегда, особенно печально, когда болезнь поражает детей. Юные графоманы — имя им легион! Иные по простодушию своему показывают, что именно сбило их с панталыку, растлило их творческие способности, фантазию, навсегда лишило радости живого слова. Это то убийство русской литературы, которое осуществляется в большинстве школ, в полном согласии с программами и учебниками Министерства просвещения.

«С приветом к Вам ваш читатель Л. Сергей.

Дорогая редакция! Я написал пейзаж «Весеннее утро» и Басня-быль «Две скалы». Это вернее сказать не басня а в виде рассказа, в этом рассказе, я показываю старую российскую царскую республику — это старая скала, а молодая скала — это молодая Советская республика. В виде ужей, я показываю ненасытных панов. Удав — это цар.

Здесь я показываю борьбу за хлеб и волю народов-революционеров-соколов.

Вот эти литературные образы: «Ужи начали уползать в чужие норы». Это значит паны, мецџани начали убежать в другие капиталистические страны.

«Дети этих ужов начали уползать в леса и собирать разных насекомых». Это: банды Петлюровских войск, денкинских, врангельских, которые собирали силы, для уничтожения нашей молодой Советской Родины. И много других.

Дорогая редакция! Меня так тянет писать! Мне так хочется написать что-то лучшее. И я буду учиться и продолжать писать!.. Прошу Вас зачислить мою работу на страницы журнала...»

Прилагаемая Сергеем «Басня-быль» довольно длинна и написана под благотворным влиянием «Пес-

ни о Соколе» А. М. Горького и по рецептам учительницы литературы. Заканчивается она стихами:

И если кто с врагов захочет —
Скалу нашу разрушить!
То он здесь кровь свою промочет —
И с быстрым свистом улетит!

Бедняга Сергей! Ему хочется написать что-то лучшее, он полон готовности учиться, трудиться... Да какая учеба-то, если с этими стишками его посылают на городской слет, на областной конкурс, дают грамоту, значок, вымпел... С годами он, возможно, поступит в литобъединение, где член местного отделения СП научит его не нарушать метра, не рифмовать глаголов и тем самым доканает окончательно тягу паренька к поэзии.

Вот еще выдержки из поощряемого учителями, комсомолом пионерского стихотворчества.

Руководил страной Ленин
Глава моей страны — народ
Для Мира много в ней диковин
И держим в мире мы рекорд.

Рекорд мы держим не по бомбам,
Не по военным самолетам
По молоку, по мясу, маслу,
По нефти, золоту, алмазу.

.....
Поют пионерские горны
Зовут они нас в дальний путь:
Туда где шумит тайга,
Где лежат бесконечные степи,
Чтобы там возводить города
И пускать полноводные реки.

.....
Скрывался Ленин в шалашах
И наводил большой он страх
На полицейских и министров
На царей, капиталистов...

(От этого постоянно вдалбливаемого Ленина ребята совсем обалдевают. Однажды мы напечатали для малышей картинку — хорошенький теленок — и предложили им писать в редакцию, как бы они назвали теленка. Первое же письмо пришло такое:

«Уважаемая редакция!
Я думаю что бычка надо назвать
Заря
Уголек
Ленин

П-нко Володя».)

* * *

Чем бы завершить эту не столь уж веселую коллекцию?

Пожалуй, вот этим письмом, чтобы вам что-нибудь запомнилось на прощанье.

Предыстория такова. Как-то «среди потока самотека» попало ко мне письмо из Ташкента. Автор рекомендовался сочинителем (да, не собирателем, а сочинителем) пословиц и поговорок и предлагал кое-какие фрукты своего творчества, выписанные тщательными печатными буквами. Я ответил что-то вроде того, что сочинять пословицы нельзя, пусть-де он переключится на другое хобби — собирание народной мудрости и т. п.

Через некоторое время пришло второе письмо из Ташкента, и, хотя в нем много для меня нелестного, предлагаю его вашему вниманию.

«Уважаемый товарищ Лосев!

Честный добросовестный человек выражает свои мысли конкретно, опирается на реальные факты. Рыбьей обтекаемостью пользуется только очковтиратель.

Талантливость это: во-первых, наличие душевности, человечность; во-вторых, обладание глубоким миропониманием; в-третьих, наличие богатого осознанного жизненного опыта; в-четвертых,

умение воплощать мысли в сжатые и прозрачные словесные оболочки. Например, вот:

«Книга не любит мига. Непрерывному чтению она отдает предпочтение».

Взятая мысль в этой поговорке, как видите, воплощена в сжатую и прозрачную словесную оболочку. И на самом деле: книги только тогда приносят великую пользу, когда они непрерывно читаются. Чтение с большими перерывами, время от времени, приносит малую пользу.

А это:

«Сей горох и бобы и не будет у коров худобы.»

Животноводство, как Вам известно, зависит от достаточности кормов. Культура бобовых резко увеличивает число кормовых единиц. Ведь не даром же гороху и бобам уделен достаточное внимание мартовский Пленум ЦК КПСС. И повышению урожайности на Пленуме было уделено достаточное внимание. Удобрения, в том числе и органические, в этом отношении играют ведущую роль. Не соответствует ли этому и поговорка:

«Вывезенный в поле навоз — это и пиенцы обоз?»

Пословицы и поговорки создавались народом на протяжении всех веков с той поры, когда человек вырвался из царства животного мира. Пословицы и поговорки это своеобразный литературный вид. Он обладает целым рядом достоинств. Во-первых, он доступен широкому кругу — взрослым и подросткам; во-вторых, он высокохудожественен. Создание пословиц и поговорок подильно только тому, кто обладает глубоким миропониманием и пристально следит за событиями своего времени. К творцам поговорок и пословиц надо относиться с глубоким уважением, так же как к поэтам и прозаикам. Создание пословиц и поговорок следует всячески поощрять: с их помощью можно выразить любые мысли. Например, вот:

«Скажите, как он относится к критике, и я скажу вам, кто он.»

«Нетерпимость к критическим замечаниям — первый признак тупости.»

«Злопамятна только глупость.»

К пословицам и поговоркам следует приобщать и подростков 9-14-летнего возраста. Можно ли утверждать, что пословицы им неподильны и неинтересны, и бесполезны такие, как:

«Сей горох и бобы и не будет у коров худобы.»

Безусловно, эту поговорку можно и следует положить в основу обстоятельного доклада на тему: «Бобовые и их значение в кормовом балансе». Именно в том-то и сила и значимость пословиц, что они, обладая краткой словесной формой, несут в себе обширное и глубокое содержание.

Извините: я обязан показать на несостоятельность и обтекаемость Вашего довода:

«...они содержат много литературных погрешностей».

Этот Ваш довод, согласитесь, отличается рыбьей обтекаемостью, в нем нет конкретности, он не опирается на реальные факты. Очень прошу Вас: попытайтесь конкретно указать на «литературные погрешности» таких моих поговорок и пословиц, как:

«Скажите, как он относится к критике, и я скажу Вам, кто он.»

«Нетерпимость к критическим замечаниям — первый признак тупости.»

«Злопамятна только глупость.»

«Книга не любит мига. Непрерывному чтению она отдает предпочтение.»

«Сей горох и бобы и не будет у коров худобы. Польются молочные реки, каких не было вовеки.»

«Выезженный в поле навоз — это и пшеницы обоз.»

Логически докажите их смысловую примитивность и убогую словесную отделку и то, что приведенные выше поговорки и пословицы «вряд ли представляют интерес для читателей...»

С глубоким уважением

Владимир Волгин

А вот новое:

«Плывешь против течения не поднимай весла. Жизнь это тоже непрерывное течение. Весла в ней — книги. Лодка — практика. Неустанно трудись и читай, если не хочешь двигаться вспять.»

«Народ за мир. За войну вампир.»

«КПСС — наш рулевой: мы с ним идем за коммунизм в бой. Партия, как и народ, за мир и изобилие, против колониального насилия.»

«Обводнение засушливых земель не даст постоянным урожаем сесть на мель.»

«Трудовой пот — коммунизма оплот. Праздность и лень заволакивают сажой светлый день.»

«Помогая уяснить урок товарищу, углубляешь свои познания.»

«Без внимания и прилежания не придут в голову знания.»

«Пятерками украшен дневник — ты настоящий большевик.»

«Походам и преодолению в пути преград организм рад: развивается сердце, крепнут мышцы.»

«От физзарядки не избегай, с нее каждый день начинай: она бодрость придает и к долготелю ведет.»

«К старшим питай уважение: они создают материально-техническое окружение.»

«Не будь злопамятным и несправедливым, если желаешь быть счастливым...» *

---

* Этот и все предыдущие очерки напечатаны с разрешения журнала "Континент". © Kontinent Verlag GmbH.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЦЕНЗУРА*

1

Когда я закончу эту статью, я поеду на Ист Либерти и сделаю несколько копий. На Ист Либерти берут по 2,5 цента за копию, тогда как в других местах — от 3 до 5 центов. Впрочем, если я раньше окажусь по делам в каком-нибудь из университетских зданий, то скопирую свою статью и вовсе бесплатно — ведь там всюду расставлены копировальные автоматы для общего пользования студентов и преподавателей.

В СССР тоже есть копировальные автоматы (марка "Эра"). Установленные в некоторых учреждениях, они совершенно недоступны для публики. По правилам, за соблюдением которых строго следит госбезопасность, эти автоматы должны быть помещены в отдельную комнату с зарешеченным окном (а лучше — совсем без окна), с железной дверью о многих замках. Служащий, если в ходе работы ему понадобится сделать копию чертежа или документа, должен подать о том соответствующее заявление своему начальнику и получить письменное разрешение.

Операторам копировальных машин представи-

---

* Reprinted in Russian with permission from *The New York Review of Books*. Copyright © Nyrev, Inc.

тели КГБ на предприятии (как правило, это сотрудники отдела кадров) постоянно напоминают о тяжелой ответственности за любое "левое" копирование, пусть даже самое безобидное. Но, как водится в России, всегда можно найти лазейку в обход строгого установления за небольшую мзду, а то и просто по дружбе. Если вам позарез срочно надо скопировать ноты, чертеж, рисунок, вы всегда найдете девочку-оператора, готовую помочь. Плата — плитка шоколада или флакончик дешевых духов за небольшое количество копий. По 20-30 копеек за лист, если листов много.

Желание заработать на пару новых колготок (которые стоят в СССР в среднем 6-7 рублей) сильнее страха. Впрочем, и у девочек есть чутье на серьезную опасность: ноты, рисунки они возьмутся копировать с охотой, а вот любой текст внимательно рассмотрят. Они знают, что даже безобидные на вид стишки могут быть иногда интерпретированы как антисоветчина, и тогда заплатишься не работой (работу на 80 рублей в месяц всегда можно найти!), а свободой.

Когда я был студентом отделения журналистики ленинградского университета, у нас частенько бывали практические занятия в университетской типографии. Однажды парень из нашей группы, вопреки строгим предупреждениям, набрал на лино-типе строчку: "ДИМА + ИРА = ЛЮБОВЬ" — и от-тиснул ее на клочке бумаги. Кто-то из бдительных товарищей тут же донес о преступлении профессору. Профессор был малограмотный пожилой господин по фамилии Вяземский. В отличие от серьезных филологов, преподававших нам основные

гуманитарные дисциплины, курсы "теории и практики советской партийной печати" вели совершенные монстры. Так в качестве непревзойденного образца газетной верстки Петр Аркадьевич Вяземский поместил в написанном им учебнике первую полосу газеты, что прежде редактировал. Полоса выглядела так: сверху — лозунг "СЛАВА ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ!", по бокам фотографии двух узкогорлых фарфоровых ваз с профилями генерального отца народов, симметрично одинаковыми и в упор сверлящими друг друга тяжелым взглядом, в пространстве между фарфором — стихотворение, славящее Сталина. Всякое отступление от таких принципов верстки он называл мелкобуржуазным формализмом и ругал самым страшным своим ругательством — "нюёркстаймсовщина"! Так вот этот самый Вяземский, получив донос, тут же организовал заправское следствие: незадачливого влюбленного разбирали на комсомольском собрании, на заседании кафедры, на партбюро и, если бы бедняга от волнения не загремел в сумасшедший дом, дело могло обернуться совсем плохо.

Может быть, потому, что их собственный революционный эпос изобилует рассказами о подпольных типографиях, героически украденных шрифтах, гектографированных листовках, нынешние советские власти так страшатся неконтролируемого доступа своих граждан к множительным аппаратам, к средствам массовой информации.

Далеко не в каждой редакции Советского Союза есть свой копировальный автомат, но почти в каждой редакции — газетной, книжной, радио, ТВ,

и т.д. — есть, тем не менее, обособленная комната за железной дверью и зарешеченным окном. В этой одиночке, сам себе заключенный и тюремщик, сидит гражданин, официально именуемый уполномоченным Глав- (обл-, гор- и т.д.) -лита, но больше называемый по старинке — цензором.

Без внимательного рассмотрения и санкции цензуры в СССР не может выйти из печати ни утренняя газета, ни детективный роман, ни журнал мод, ни учебник высшей математики, ни книга лирики, ни инструкция по пользованию пылесосом, ни конфетная обертка. Ничего не может быть напечатано или выпущено на экран или в эфир без ведома цензуры.

Несколько лет тому назад молодой профессор ленинградской академии художеств пригласил гостей к себе на свадьбу. Один из его друзей в литографской мастерской академии оттиснул десятка два приглашений — картонные квадратики с изображением забавного купидона и текстом вроде: "НН и ХХ приглашают вас на обед в честь их бракосочетания. Просим придти в ресторан "Метрополь" в таком-то часу такого-то числа". Ах, только в предсвадебных волнениях жених-профессор мог совершить такой непростительный промах! Разумеется, кто-то из не получивших приглашения (а, может, и из получивших) стукнул начальству. Вместо банкетного зала ресторана "Метрополь" профессор был вызван "на ковер". Его обвинили "в преступной идеологической халатности, выразившейся в выпуске печатной продукции без согласования с соответствующими инстанциями", а также в "вопиющем нарушении

норм социалистической морали” (последнее из-за того, что купидончик на пригласительном билете был нарисован без трусов). Профессор был признан ”недостойным воспитывать нашу советскую молодежь”, лишен звания и уволен. Его карьера была прервана на несколько лет.

2

Цензура на Руси так же стара, как и русское книгопечатание. Она оставалась одной из привилегий церкви, пока большинство печатных книг было книгами религиозного содержания, но превратилась в разветвленное правительственное ведомство одновременно с начавшимся во второй половине 18 века расцветом русской литературы. В условиях деспотической монархии, при полном почти бездействии законов, произвол цензоров всегда был безграничен и только в отдельных случаях литераторам удавалось апеллировать к высшим правительственным инстанциям, причем единственно надежной для этих случаев считалась апелляция непосредственно к монарху.

Крайности цензуры у нас всегда были источником печальных, но достоверных анекдотов. В конце 18 века, по свежим следам французской революции, русские цензоры вычеркивали из кулинарных книг даже ”пироги в вольном духе”, чтобы и таким образом не наводить читателей на мысли о ненавистной правительству вольности. В 19 столетии русский романтизм сильно пострадал по сравнению с родственными западно-европей-

скими течениями, так как цензоры порядком выхолостили традиционный романтический словарь русских романтиков, запрещая такие устойчивые романтические эпитеты, как "божественный", "небесный", "райский" в применении к женской красоте и различным эротическим ситуациям. Не ускорили ли они тем самым торжество реализма в родной словесности?

Уже тогдашний деспотический режим в России признавал и подчеркивал значение идеологической цензуры такими, например, акциями, как личное цензурование рукописей царем. Не брезговавший и перлюстрацией частной переписки император Николай I сказал Пушкину: "Я буду твоим цензором", — и действительно стал жестоким, мелочным, придирчивым цензором величайшего поэта. И лишь тем отличался коронованный цензор от своих цензоров-церберов, что уже не оставалось надежды на обжалование его суждений. Пушкин был доведен этой отеческой цензурой почти до безумия, что во многом определило его роковую дуэль.

Сам же Пушкин прекрасно сформулировал отношение мыслящей России к этой проблеме в двух своих остроумных "Посланиях цензору". Вот каким рисовался идеальный цензор (заметим, даже Пушкин не отвергал полностью института цензуры; как русский, он слишком хорошо знал опасность анархии любого рода и страшился ее) :

Но цензор гражданин, и сан его священный;
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;

Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов...
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии развитию не мешает... и т.д.

Справедливости ради надо отметить, что среди цензоров пушкинских времен некоторые были близки к изображенному поэтом идеалу: писатель С. Т. Аксаков, автор известных в истории русской литературы "Дневников" А. В. Никитенко и некоторые другие.

Несмотря на проведенные правительством Александра II существенные либеральные реформы 60-х годов, власть цензуры почти до последних лет существования русской монархии оставалась не ограниченной. Самое характерное для бюрократического государства обстоятельство то, что от цензуры страдала всякая нерегламентированная мысль, независимо от идеологического направления: и радикальные писатели круга Некрасова и Салтыкова-Щедрина, и умеренный либерал Тургенев, и сугубый моралист Лев Толстой, и придерживавшиеся консервативных взглядов на политику и историю Достоевский и Леонтьев — все страдали от притеснений правительственной цензуры. Полуторовековая борьба русской интеллигенции за отмену идеологической цензуры, за новые либеральные и демократические институты, подобные установившимся в большинстве западно-европейских стран с середины 19 столетия, увенчалась успехом буквально "под занавес". После революции 1905 года правительственная цензура была

значительно смягчена и полностью отменена после падения монархии в феврале 1917 года.

Как известно, через восемь с половиной месяцев пришли большевики со своим молодым красным вином для старых византийских мехов русской деспотии. Уже акциями первых недель своей власти: строжайшими цензурными установлениями, конфискациями и разгромами частных книгоиздательств и газет — они полностью отменили свободу политической дискуссии, критики правительственных мероприятий, распространив вскоре тотальный запрет на всякого рода литературу, идеологически противопоставленную или даже просто идеологически не совпадающую с коммунизмом в ленинской трактовке.

Если в сознании части современных русских интеллигентов еще жив миф об относительной цензурной свободе 20-х годов, то это только потому, что все последующие советские годы сопровождалось постоянным усилением цензурного гнета, и, если иногда и мелькало что-то вроде послабления, то только с тем, чтобы смениться волной новых цензурных свирепостей. В 20-е же годы, когда по своей экономической слабости советы еще оставляли узкую сферу для деятельности частного капитала (НЭП), еще могли существовать под неустанным финансовым и идеологическим контролем правительства некоторые частные и кооперативные издательства. Выпускали они в основном безобидную классику, массу переводных авантюрных романов, поэзию. "Свобода" печати в 20-е годы объясняется и тем, что еще не были как следует выдрессированы и натасканы профес-

сиональные кадры цензоров. Цензорские посты в качестве синекуры за революционные заслуги нередко получали вчерашние солдаты, агенты ЧК, люди малообразованные, с неразвитым еще чутьем на литературные аллюзии.

Вот забавный пример, о котором рассказывает составитель американского издания избранной лирики Софии Парнок, русской поэтессы той поры. "Но не к кому полететь тебе, сердце, / под октябрьской дикой луной" — лирически сетовала Парнок в одном стихотворении. Московский цензор проявил бдительность, и по его требованию "октябрьская луна" была заменена "декабрьской луной". Ведь октябрьской была большевистская революция, и по этой причине употреблять название месяца октября в минорном, "декадентском" контексте, да еще рядом с отрицательным эпитетом "дикий", цензор находил невозможным. Рядом, в том же сборнике поэтессы поместила стихотворение "Беллерофонт", в котором двусмысленно пересказывает античный миф и проклинает кошмарную гидру, что душит свободный голос и творческую свободу поэта. Расшифровать эту нехитрую аналогию московскому цензору 20-х годов оказалось не по зубам.

3

Прежде чем перейти к рассказу о том, что представляет собой современная советская цензура, следует отдать должное исключительной скромности этого ведомства. В смысле секретности цензу-

ра имеет в СССР совершенно особенный статус. Понятно, что в обстановке строгой секретности осуществляют свою деятельность КГБ и военная разведка. Но, в то же время, из самого факта существования этих учреждений никто не делает тайны. Напротив, их полезная для социалистического государства деятельность постоянно рекламируется в печати, в официальных речах и постановлениях. Подвигам советских разведчиков и агентов секретной полиции посвящено множество произведений авантюрного жанра. С другой стороны, существует множество учреждений, так или иначе связанных с оборонной промышленностью, самое существование которых держится в абсолютном секрете. Научно-исследовательские центры, заводы, целые города иногда не имеют даже названий — только кодовый номер. Такого рода регламентированная секретность соблюдается неукоснительно. До начала 60-х годов, например, десятки тысяч людей проезжали мимо городка Орджоникидзе в многолюдном курортном Крыму, но официально города как бы не существовало, ни на каких туристских картах он не был обозначен.

Положение цензурного ведомства — какое-то промежуточное. С одной стороны, оно официально не засекречено, по крайней мере скромные вывески на дверях этого учреждения мне попадались на глаза неоднократно в разных городах страны, даже в таком посещаемом иностранными туристами месте, как вечевая площадь в древнем Новгороде. В то же время, я не припомню, чтобы когда-нибудь в печати или в официальных выступлениях говорилось о нашей цензуре. Такое же впечат-

ление сложилось и у пристального наблюдателя советской внутривластной жизни Валерия Чалидзе, о чем он пишет в своей книге "Права человека и Советский Союз" (Изд-во "Хроника", Нью-Йорк, 1974). То, что контроль над всеми средствами массовой информации сосредоточен в их руках, помогает членам цензорского братства блюсти обет скромности. Словом, телевизионных сериалов о героических буднях советской цензуры пока нет, нет плакатов, изображающих пылкого цензора со щитом и мечом, нет пионерских отрядов "Юный цензор".

Деятельность Управления по охране государственных тайн в печати материализуется в так называемом "Перечне" (полное название: "Перечень материалов и сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати"). Эта скромного вида, довольно объемистая книжка, переиздается с дополнениями и видоизменениями каждый год, подобно телефонному справочнику. Каждое учреждение, связанное с массовой информацией, имеет в своем распоряжении нумерованный экземпляр "Перечня" для справок. За утерю этой книги глава учреждения ответит если не буквально головой, то во всяком случае своим постом и карьерой. Поэтому "Перечни" берегут пуще глаза, в самых надежных сейфах, в самых надежных кабинетах. В небольшой редакции детского журнала, где я служил многие годы, так боялись потерять "Перечень", что вообще сдали его на хранение в более надежный сейф обкома комсомола и, когда нужна была справка, главный редактор или ответственный секретарь ездили на автобусе в обком.

У цензоров, как и у всяких профессионалов, есть свой вид профессионального щегольства, состоящий в знании наизусть "Перечня", в смаковании нюансов видоизмененных формулировок.

Как практически осуществляется цензурный контроль?

После того, как газета, журнал, книга сверстаны, делается предварительный контрольный оттиск. Главный редактор внимательно прочитывает его (это важнейший момент в рабочем процессе каждого главного редактора) и, если не находит никаких ошибок, ставит на каждом листе (печатном) верстки свою подпись и печать.

Подписанную таким образом верстку относят к прикрепленному к этому изданию на постоянно цензору. Тот в свою очередь внимательно прочитывает материал и, не найдя нарушений со своей стороны, также подписывает каждый лист и ставит печать со своим личным номером и датой. Эта печать с номером цензора носит название "лит", "лит номер такой-то", а весь процесс цензурования в просторечии часто называют "получить лит".

В практике вмешательства цензоров встречаются относительно редко, во всяком случае серьезные вмешательства. Это объясняется тем, что в редакциях, на радио-, телевизионных, киностудиях, в театрах работают понаторевшие в своем деле редакторы, которые знают, что серьезная ошибка, замеченная цензором, может еще серьезнее отразиться на их карьере. Подобно полицейскому на перекрестке, цензура существует не для того, чтобы ежеминутно прекращать преступления, а для того, чтобы своим наводящим трепет присутствием их предотвращать.

С цензорским "литом" газета, журнал, книга идет в печать, радиопередача в эфир, телепрограмма, кинофильм — на экран.

Автор этих строк впервые столкнулся с проблемой "литования" в период юношеской литературной поденщицы. В предновогодние сезоны я за небольшую плату сочинял маленькие пьески для исполнения в детских клубах — с Дедом Морозом, Снегурочкой, Зайчиком и Мишкой среди персонажей и зажиганием огоньков на елке в конце. Каждый раз получение "лита", без которого труппа случайных актеров не имела права даже начать репетиции, было сопряжено с большими волнениями: цензор брезгливо откладывал мое сочинение, может быть, и справедливо считая его важность не первостепенной, но не учитывая, что я литератор-сезонник — новый год ждать не будет.

"Залитованная" вещь неприкосновенна. Конечно, актер на сцене может перевернуть словцо, другое, но в залитованном тексте изменить хотя бы один печатный знак, даже запятую, — преступление. В том случае, если после литования все же замечена ошибка, допустим, простая опечатка, печатный лист с исправлением вновь отправляется к цензору, который вновь его перечитывает, подписывает и ставит печать.

Разумеется, осуществляемая людьми, а не роботами, и эта система многоступенчатого контроля иногда сбивает, и в массовую печать проникают гротескные ляпсусы. Не так давно центральная "Правда" в заключение большой статьи на международные темы призвала к всемирному "торжеству империализма" вместо стереотипного "тор-

жества интернационализма”. Калининградская областная газета, в период осенней путины, желая дать лозунг, призывающий всех членов партии в порядке патриотического долга присоединиться к рыбакам, вышла под шапкой: ВСЕХ КОММУНИСТОВ В МОРЕ! Ни редактор, ни цензор не заметили двусмысленности и пропустили в печать воинственно антикоммунистический лозунг, невиданный в России со времен гражданской войны.

Незадолго до конца вьетнамской войны ленинградская молодежная газета ”Смена” поместила фотографию выходящего из джунглей монголоида с двумя отрезанными человеческими головами в руках. Подпись под снимком гласила: ”ТАК РАБОТАЮТ ПАРНИ С ”ЭЛЕКТРОСИЛЫ” (крупный завод в Ленинграде, ”образцовое” предприятие)”. Ошибка редактора и цензора в этом случае объясняется просто: оба поторопились подписать полосу с готовым текстом, но с еще не вставленными фотографиями — клише запаздывали.

Именно многоступенчатая цензура — главная причина неоперативности советских органов информации. Даже о событиях в своей собственной стране советские граждане как правило узнают на день позже, чем весь остальной мир. Или узнают своевременно из передач западного радио. Услышав с Запада о землетрясении в советской Средней Азии или о смерти правительственного деятеля в Москве, привычно ждут сообщения об этом в советской прессе через день, другой. Интересно отметить, что день окончания второй мировой войны, до сих пор являющийся в СССР календар-

ным праздником, по тем же цензурным соображениям отмечается в Советском Союзе на день позже, чем во всем мире. Я помню, как восьмилетним мальчиком, сидя у запрещенного радиоприемника 8 мая 1945 года услышал ликующие марши и победные репортажи Би Би Си, побежал сообщить об этом матери, и она, всплакнув от радости, тут же запретила мне делиться новостью с друзьями и соседями, чтобы не узнали, что мы слушаем не сданный радиоприемник. В СССР марши и ликование начались только 9 мая.

Нельзя сказать, чтобы неоперативность информации сильно беспокоила советское руководство, однако некоторые попытки ее уменьшить предпринимаются. В вечерних программах новостей радио и телевидения можно порой услышать информацию о событиях дня. Специальные кабинеты для цензоров, оборудованные непосредственно в редакциях газет и других органов массовой информации, тоже служат цели сокращения сроков цензурования. В книжные и журнальные издательства цензоры либо приходят в определенные дни и часы, либо как было в редакции, где я работал, верстку возят на литование в Управление...

Возникает вопрос: а как же получают оперативную и достоверную информацию высшие правительственные и партийные чиновники? Для них существуют специальные выпуски ТАССа, так называемый "белый ТАСС" и "Планета". Получить доступ к этим источникам информации (кстати, сказать, абсолютно доступной всему человечеству за пределами коммунистического мира) в СССР знак принадлежности к элите. Я много слы-

шал в журналистской среде и о специальных сводках ежедневных мировых событий, подготавливаемых ТАССом только для членов политбюро ЦК КПСС. Говорят, что они печатаются крупным шрифтом (партийные лидеры далеко не молоды) и, если и не подвергаются цензуре, то своеобразная селекция имеет место: так в разряд важнейшей информации обязательно включаются сведения об успехах советских хоккейных команд и других спортивных коллективов, патронами которых являются партийные лидеры.

Из кого рекрутируются нынешние цензоры? В отличие от своих малограмотных предшественников 20-х годов, большинство из них имеют теперь дипломы университетов, институтов или высших партийных школ. Наличие диплома не обязательно говорит о высокой образованности; партийность, чистая анкета облегчают и поступление в университет, и сдачу экзаменов, и получение теплого местечка по окончании. Однако о каком-то элементарном уровне образованности такой диплом, все же, свидетельствует.

Разумеется, работа в партийных органах, в органах советского руководства или в КГБ значительно престижнее и выгоднее, чем работа в цензуре, поэтому в цензуру попадают по преимуществу те, кто обладая партийностью, безупречной советской репутацией и некоторыми личными связями, уступают своим товарищам и соперникам в волевых, интеллектуальных качествах, в приспособляемости. Не берусь утверждать это в качестве общего правила, но по моим личным впечатлениям цензоры (подчеркиваю, цензоры, которых

встречал я лично) почти все были людьми физически или умственно неполноценными: инвалиды, лишенные каких-либо конечностей, страдающие от последствий полиомиелита, горбатые или с другими заметными физическими уродствами, или с очевидно лимитированными интеллектуальными способностями: с затрудненной речью, с затрудненной способностью понимать собеседника. (Могут возразить, что все эти качества встречаются и у чиновников других партийных и правительственных служб — согласен, но не так распространены, как среди цензоров).

Сказанное выше относится в первую очередь к рядовому уровню. Руководители цензурных учреждений рекрутируются из того же слоя партийной "номенклатуры", которая поставляет вообще всяких руководителей в нашей стране: городов, колхозов, театров, футбольных команд, академических институтов и книжных издательств. Причем все они постоянно передвигаются: начальник пожарной команды в силу своей номенклатурности становится директором Кировского балета (пример взят из жизни; такова именно карьера ленинградского функционера, П. И. Рачинского: начальник пожарной команды — профсоюзный босс — начальник управления книжной торговли — директор студии телевидения — директор театра оперы и балета им. Кирова — несколько преждевременный выход на пенсию в связи с тем, что П. И. Рачинский оказался замешан в валютных махинациях).

Первый цензор, с которым мне довелось познакомиться, был крошечного роста, тихий, "че-

ловека в футляре” по фамилии Чупиков. Он командовал цензурой в маленьком сахалинском городке и имел в своем подчинении одну пожилую женщину-цензора. Когда я поинтересовался его прошлым, оказалось, что он был офицером охранных войск. Во второй половине пятидесятых годов проблема трудоустройства встала перед многими охранниками в Сибири и на Дальнем Востоке, когда большинство сталинских концентрационных лагерей были ликвидированы.

В Ленинграде я несколько раз видел цензурного деятеля более крупного масштаба — Маркова. Впервые я увидел его, когда еще он был редактором газеты “Вечерний Ленинград”. По своим делам я зашел в издательство “Лениздат” и в нужном мне отделе внезапно застал компанию журналистов и редакторов, весело внимавших возбужденным рассказам только что вернувшегося с запада коллеги. Рассказчиком и был Марков. В составе ленинградской делегации он ездил в Гамбург. Впечатления от веселых кварталов Гамбурга были так сильны, что он, забыв присущую советским людям в таких ситуациях осторожность, восторженно рассказывал о всевозможных эротических пикантностях, в том числе и сильно перверсированных, с которыми он познакомился в ночных клубах и порно-кинотеатрах. Слово Риппербан (улица в Гамбурге, пользующаяся дурной репутацией) не сходило у него с языка. С тех пор в журналистской среде за Марковым закрепилось прозвище “Риппербан”.

Видимо, все еще под напором гамбургских впечатлений Риппербан-Марков буквально не да-

вал проходу своим многочисленным подчиненным секретаршам, машинисткам и журналисткам. В результате разразился крупный скандал, и начальство почло за лучшее перевести Риппербана в телевидение. Впрочем, с поста директора ленинградской студии телевидения его вскоре сняли по тем же обстоятельствам и назначили начальником ленинградского управления цензуры (может быть, потому что среди подчиненных ему калек труднее было находить объекты для сексуальных вождедений).

В 1975 году я услышал имя Маркова на судебном процессе. Судили писателя Марамзина, изъятые при обыске на квартире Марамзина книги были отправлены на экспертизу в Управление по охране... и т. д. Такого рода экспертиза тоже одна из функций цензуры. Не помню уж, что там говорилось в экспертном заключении Риппербана о трудах Шестова, Бердяева и других философов-идеалистов, но помню, что изъятая "Лолита" Набокова квалифицировалась как произведение сугубо порнографическое, могущее нанести огромный вред нравственности советских людей. Разумеется, услышав это, я сразу же вспомнил гамбургские рассказы Риппербана, по сравнению с которыми роковая страсть Гумберта Гумберта невинна и чиста.

Преимущественно статьи Перечня предусматривают охрану военных тайн: дислокация воин-

ских частей, заводов, работающих на армию, сведения о новых видах вооружения и т. д. На некоторых специфических запретах мы еще остановимся ниже, но принципы, на которых основан Перечень, именно таковы: охрана военной и государственной тайны.

Часто спрашивают, может ли цензура запретить какую-либо публикацию по идеологическим мотивам.

Запретов такого рода нет среди предусмотренных Перечнем, однако, помимо Перечня, существуют еще и инструкции, обязывающие цензоров осуществлять идеологический контроль. Запрещающая публикацию как идеологически не соответствующую советской норме, цензор не рискует вступить в дискуссию с редактором, то есть ни один здравомыслящий советский редактор не скажет цензору: "Вы не имеете права запрещать это, такого рода запрет не предусмотрен Перечнем". Во-первых, редактор знает, что право вето в данном случае ничем не ограничено: Перечень дает конкретные случаи и оставляет открытым вопрос о других возможных запретах. Так же хорошо известно редактору, что, запрещая нечто по идеологическим мотивам, цензура обязательно поставит об этом в известность партийные инстанции, чьи санкции вообще не оспариваются.

Цензор может запретить публикацию как "искажающую советскую действительность" (читай: остро критическую), как упадочно-декадентскую, как двусмысленную, аллюзивную, "рождающую неконтролируемые ассоциации".

С особой тщательностью цензура преследует

все, что может быть истолковано как положительное, или хотя бы нейтральное, отношение к религии, в первую очередь, конечно, христианской. Вот частный пример. Изучение отечественной истории поощряется пропагандой как важный элемент патриотического воспитания. Редакциям газет и журналов вменено в обязанность широко освещать деятельность детских, молодежных и других патриотических клубов и т. д. Эта деятельность выражается, прежде всего, в туристических походах по местам, связанным со славными историческими событиями, и, разумеется, в осмотре, фотографировании и изучении памятников древнерусской архитектуры. Но дело в том, что в подавляющем большинстве сохранившиеся памятники древнерусской архитектуры — это церкви и монастыри! Благочестивый русский народ спокон веку жил в деревянных жилищах, даже крепостные стены чаще всего представляли собой земляные валы и деревянные частоколы. На века, из камня, строились в основном храмы, многие из которых являются шедеврами мирового зодчества. В первые два десятилетия советской власти большевики с необыкновенной свирепостью, свойственной адептам всякой новой веры по отношению к атрибутам старой, уничтожали церкви и монастыри, не считаясь с их исторической и художественной ценностью. Весь мир печалился по поводу бессмысленного варварства нацистов, уничтоживших такие шедевры, как Новгородский и Киевский храмы Св. Софии. Эти потери невозполнимы для русской культуры, но мир как-то слабо прореагировал на тот в десятки раз больший урон, который нанесли

собственной национальной культуре и истории русские большевики. Теперь, даже в интеллигентной среде, стало модным относить это варварство за счет значительной еврейской и другой инородной прослойки в большевистском руководстве первых лет. Возможно, это и сыграло какую-то роль, но, конечно же, уже в силу сравнительной малочисленности, почти ничтожности этой прослойки в русских масштабах, небольшую. Уже в пятидесятые годы, после многих лет государственного антисемитизма, когда евреи и на пушечный выстрел не подпускались ни к какому руководству в стране, уничтожение исторических храмов продолжалось. Достаточно вспомнить хотя бы взорванный в самом центре Ленинграда, на Сенной площади, собор Спаса, построенный по плану Растрелли, тот самый, возле которого Раскольников каялся и целовал землю. В наши дни уничтожение храмов, кажется, прекратилось. Во всяком случае взрывы замолкли. Продолжается медленное разрушение — использованием древних стен для овощехранилищ, складов горюче-смазочных материалов, производственных цехов или скульптурных мастерских (как уникальная церковь, построенная в 18 веке архитектором Львовым в Мурино под Ленинградом, которую я осмотрел не так давно; занимающий ее скульптор пробил стену в алтарной части, чтобы построить уборную). В местах, посещаемых иностранными туристами, старинные церкви теперь реставрируются.

Для описания в прессе патриотических путешествий авторы выработали некий стереотип, признаваемый цензурой: храмы принято называть

”памятниками народного гения”, а наиболее ретивые авторы усматривают в их формах даже некоторые богоборческие идеи. Трудности для цензуры возникают с иллюстрированием такого рода материалов, особенно в тех случаях, когда на куполах церквей сохранились кресты. Реакция на крест у советской цензуры точно такая же, как у классической нечистой силы: крест для цензуры нечто совершенно непереносимое, допустимое разве что в немногочисленных изданиях, рассчитанных на продажу иностранцам. В результате художниками и фотографами был изобретен компромиссный прием: церкви рисуются и фотографируются либо так, чтобы крест находился вне верхней границы кадра, рисунка, либо так, чтобы крест получился ”в профиль”, тогда церковный купол увенчивается подобием коротенького шпиля. Я уже приводил однажды еще один анекдотический пример, иллюстрирующий страх цензуры перед религией: из моей детской пьесы, действие которой происходит в древней Греции, повычеркивали слово ”бог”, хотя боги упоминались древнегреческие: Зевс, Афродита и т. д.

Чтобы пояснить, что имеется в виду под ”неконтролируемыми ассоциациями”, я приведу два примера.

Как-то на одной из киностудий мне как потенциальному автору показали свежий циркуляр государственного комитета по кинематографии. В циркуляре перечислялись темы из русской истории, нежелательные для советского экрана. Рекомендовалось отвергать заявки сценаристов, желающих написать сценарий на одну из этих тем. Как

мне рассказывал Владимир Марамзин, поясняя новый циркуляр, работник Госкомитета как раз и сослался на "неконтролируемые ассоциации", вызываемые этими темами. Каковы же были запретные темы?

По мнению государственного комитета, нежелательные для советской власти неконтролируемые ассоциации в сознании советских граждан могли вызвать исторические кинофильмы, посвященные крестьянским восстаниям Степана Разина и Емельяна Пугачева, трагической судьбе писателя Радищева, осужденного в конце 18 века за свои антиправительственные писания, правительственным преследованиям (в том числе цензурным) либерально-демократических писателей 60-х годов и террористической антиправительственной деятельности современных им революционеров-нигилистов. То есть, почти вся история русского освободительного движения, которую советская официальная пропаганда считает генеалогией русского коммунизма, объявлялась нежелательной для советского экрана!

И в этом был резон. В условиях, когда прямая критика правительственной деятельности абсолютно запрещена, читатель и зритель воспринимает любое произведение, изображающее губительность деспотического режима и протест против него, как иероглиф, шифрующий современную ситуацию. Полное запрещение исторических тем власти сочли невозможным, ибо тогда надо было начинать с запрещения многих произведений классической русской литературы, скажем, всего сатирического творчества Салтыкова-Щедрина, памфлеты кото-

рого, направленные против самодержавия, и сейчас звучат в России с неожиданной остротой. Но в самом массовом из искусств, в кино, опасную тематику следовало ограничить.

Одной из трагических жертв этого циркуляра стал замечательный писатель, актер и кинорежиссер Василий Шукшин. Фильм о Степане Разине был его многолетней сокровенной мечтой, но добиться разрешения на постановку этого фильма Шукшин не смог, даже несмотря на свою исключительную популярность и многочисленные компромиссы, на которые он шел ради главной цели, такие, как участие в пропагандистском фильме Бондарчука "Они сражались за родину" (по роману Шолохова), во время съемок которого сорокапятилетний Шукшин скоропостижно умер от сердечного приступа.

В тех редких случаях, когда значительная историческая дата все же обязывает выпустить исторический боевик, фильм подвергается особо строгому цензурованию. Анекдотический пример — недавний фильм режиссера Мотыля "Звезда пленительного счастья", посвященный 150-летию восстания декабристов. Уже в процессе съемок по требованию цензурующих властей актер Казаков (брюнет), игравший роль мятежного князя Волконского, был заменен актером Стриженовым (блондин). Причина: темные волосы и нос с горбинкой Казакова могут натолкнуть зрителя на мысль о роли евреев в русском освободительном движении.

Вспоминается и другой кинематографический циркуляр, в котором, напротив, аннотировались рекомендуемые сценаристам темы. Помню следующее, например, произведение чиновничьей фантазии: "Маленький остров в Северном Ледовитом океане. Коллектив советской полярной экспедиции. Пять человек, пять разных характеров. Возникновение чувства любви комсомольца-радиста к девушке-метеорологу, которая любит старшего по возрасту руководителя экспедиции. Чуткость партийного организатора предотвращает драму и т. д." Таких волнующих драматических сюжетов, рожденных в тиши цензорских и редакторских кабинетов, предлагалось несколько десятков.

Работая в детской литературе, я не раз сталкивался с бдительностью цензоров по отношению к другому рода источнику неконтролируемых ассоциаций — к сказкам. Несомненно, цензоры были проинструктированы пресекать всякого рода попытки сатирических аллегорий. В результате многие традиционные для волшебных сказок сюжеты: дракон, жестоко покоривший свободолюбивую страну, или описание государства, страдающего от глупого и своенравного короля (Хрущев!), всякого рода путешествия в страну лжи и страну дураков — были взяты под строгое подозрение.

Для этого у цензуры тоже, несомненно, есть все основания. Целый род русской литературы в 20 веке основан на такого рода аллегориях, начиная от сказок Евгения Замятина, написанных в начале 20-х годов, до такого классического образ-

ца, как пьеса Евгения Шварца "Дракон" — смелая сатира на сталинизм, написанная в разгар сталинизма и не вызвавшая репрессий только потому, что, видимо, даже цензоры боялись признаться в возникающих аллюзиях, тем более, что автор и критика лукаво переадресовывали сатирическую направленность пьесы германскому нацизму.

5

*Январь 1975 года. Цензурный инструктаж
в ленинградской редакции (Протокол +
неконтролируемые ассоциации)*

Накануне, покраснев от возбуждения, ответственный секретарь — пожилая старая дева — бежит наши кабинеты, возбужденно кудахча:

— Товарищи, завтра в десять часов цензор придет нас инструктировать. Всем быть без опозданий строго обязательно! И потом, очень интересно, товарищи, масса нового материала!

Нравы в нашей редакции вольные, обычно раньше полудня никто на работе не появляется, но ради такого случая (раз в год!) все собираемся в кабинете главного, садимся вдоль длинного стола совещаний.

Я сажусь неудачно — напротив оказывается коллега из отдела очерков. Он недавно переведен к нам (до этого был главным редактором молодежной газеты; выгнали: а/ за пьянство, б/ — и что важнее — за две политические ошибки: допустил опубликование статьи, в которой призна-

вались некоторые достоинства рок-музыки, и другой статьи, в которой говорилось, что Бобби Фишер, при скверном характере, все-таки неплохой шахматист). Теперь коллега завивает горе веревочкой, прошлую ночь он, видно, и не ложился, лицо красное, воспаленное, дышит на меня густыми спиртуозами.

Шеф уступает свое место во главе стола пришедшему нас инструктировать цензору.

Этого цензора я немного знаю, он производит довольно приличное впечатление: отставной офицер ВВС, подыскавший себе спокойное местечко по протекции.

”Товарищи, — говорит цензор, — я доложу вам о некоторых добавлениях и уточнениях, внесенных в Перечень 1975 года...”

”О новых запрещениях, ” — хмуро перебивает мой визави, но цензор невозмутим:

”Да, о новых ограничениях, но также, в заключение я доложу и о снятии ограничений с ряда материалов, прежде закрытых для опубликования без специального разрешения”.

Мы переглядываемся: это что-то новенькое. Снятие запретов — это не каждый год бывает.

”Но начнем, товарищи, с ошибок, допущенных вашим изданием в последнее время и поправленных нашими товарищами.

В очерке, помещенном в №6 за прошлый год, автор упоминал лов рыбы советскими рыбаками в районе острова Кергелен. Напоминаю, что на всякую публикацию такого рода редакция должна представить специальное разрешение министерства рыбного хозяйства СССР...

Это-то я знаю! Не так давно меня посылали в командировку в Москву за таким разрешением. Я приехал в министерство рыбного хозяйства с рукописью повести в портфеле. Талантливая повесть, которую мы хотели опубликовать, к советскому рыболовству прямого отношения не имела. Автор писал о переживаниях подростка в связи с неурядицами в семье. Но по сюжету отец героя был рыбаком и работал в Северной Атлантике... Целый день я толкался среди бородатых капитанов, дожидаясь приема у заместителя министра. Завизировать рукопись детской повести по регламенту должен был заместитель министра рыбной промышленности СССР, не ниже! К вечеру я был принят. Замминистра оказался приветливым остроумным человеком, мы оба принялись шутить по поводу нелепости этой ситуации, когда редактор за государственный счет едет из Ленинграда в Москву для того, чтобы заместитель министра поставил свою подпись на детской повести. Я уж был уверен, что он тут же и подпишет, чтобы побыстрее покончить со смешной формальностью, и я смогу тут же вечером уехать обратно, не тратя лишних государственных денег. Не тут-то было! Отсмеявшись, замминистра сунул рукопись в портфель и сказал: "Придется почитать, какие наши секреты вы тут выдаете..." И назначил мне следующий прием на послезавтра.

"Надо не дурацкие запрещения вводить, а рыбу не надо ловить в чужих водах, конвенции не нарушать!" — ворчит нетрезвый правдолюб напротив меня.

”Чем ты тогда закусывать будешь?” — шепчу я ему через стол.

”Там же, в №6, — продолжает тем временем цензор, — в одном из материалов упоминается остров Цейлон. Забудьте об этом названии, товарищи. Есть независимое государство Шри-Ланка, никакого Цейлона больше нет...”

Раз уж заговорил о географии, теперь он наверняка перейдет к Курильским островам. Так и есть!

Курильские острова очень трудно изобразить на мелкомасштабных картах. Если художник упускает изобразить эту гряду маленьких островов в северо-восточном углу Тихого океана, отторгнутую Советским Союзом у Японии в результате последней войны, цензура усматривает в этом как бы признание территориальных притязаний Японии на Курилы... Недавно один мой приятель художник делал по заказу Аэрофлота рекламные плакаты. В качестве фона для улыбающейся русской красавицы-стюардессы он в свойственной ему очень экспрессивной манере изобразил карту СССР, красный силуэт страны, и при этом то ли поленился, то ли забыл побрызгать кистью справа, чтобы поставить несколько красных клякс, символизирующих советские Курилы. Цензура недосмотрела, плакаты с картой СССР без Курил были напечатаны и разосланы в разные страны, в том числе и в Японию, где, разумеется, эта ошибка была замечена и подхвачена газетами. В результате японцы не получили, конечно, острова обратно, но кто-то из цензоров сильно пострадал.

Географическая часть инструктажа продолжается.

”Запрещается публиковать какие бы то ни было сведения, относящиеся к истории территориальных размежеваний между Россией и Китаем, без специального разрешения министерства иностранных дел СССР... Недавно, товарищи, одним из наших дальневосточных издательств была выпущена брошюра против территориальных притязаний маоистов. В брошюре приводились данные по истории установления русско-китайской границы начиная с 16 века, некоторые карты. Все эти данные были взяты из открытой печати, а именно из первого и второго издания Большой Советской Энциклопедии. Тем не менее, МИД СССР немедленно опротестовал выход брошюры. Вы понимаете, что маоистская пропаганда могла истолковать освоение Дальнего Востока отрядами казаков-первопроходцев клеветнически — как агрессию и захват. По требованию МИД весь тираж брошюры был уничтожен”.

”В №10 автор одного из материалов писал, что челябинский тракторный завод выпускает 100 тракторов в день. Запрещается публиковать сведения о выпуске тракторов в натуральном выражении. Можно приводить только общие данные по стране или по союзным республикам. Сами понимаете, сегодня тракторы — завтра танки. Зачем давать противнику сведения о производственной мощности наших оборонных предприятий”.

Действительно, необходимая конспирация в век компьютеров и разведывательных спутников!

”Запрещается раскрывать полную сумму капиталовложений в строительство Байкало-Амурской магистрали. Можно указывать отдельные районы

строительства, данные о передовиках социалистического соревнования, героях труда...”

”Так ведь на открытом заседании съезда комсомола эту сумму называли,” — опять врывается мой непокорный коллега и бухает какую-то многозначную сумму. Цензор смотрит на него с сожаляющей улыбкой — что, мол, с пьяного возьмешь. Не понимает простых вещей! Ну, допустили ошибку, назвали полную сумму вслух. Но враг-то, он ведь в первый раз, может, и не заметил, пропустил мимо ушей, а теперь мы ее засекретим.

”Очень серьезную ошибку, товарищи, совершила редакция одного среднеазиатского литературного журнала и местные контролирующие органы, когда допустили публикацию перевода романа с английского Ф. Форсайта ”День шакала”. К счастью, ошибка была своевременно замечена и публикация пресечена после первой главы. Дело в том, что в романе подробно описывается техника подготовки и проведения террористического акта против крупного государственного деятеля, что, как вы знаете из наших прошлых инструктажей, запрещается к опубликованию...”

”День шакала” я читал по-английски. Обычный авантюрный роман. Уж мне никак не могло прийти в голову, что наш простой советский террорист (буде такой объявится) сможет подготавливать свой террористический акт подобно джеймс-бондовскому герою Форсайта — объезжая бельгийских оружейников и парижских рестораторов. Другое дело изъятие из библиотек несколько лет тому назад опрометчиво переведенной и напечатанной книги Че Геварры ”Тактика партизанской

борьбы”. Методы, описываемые Че, вполне реальные и вполне могли бы при случае быть взяты на вооружение на Кавказе или на Алтае. Также криминалом считается обладание книжкой Курцио Малапарте ”Техника государственного переворота”. Последнее, между прочим, инкриминировалось в 1968 году подсудимым на ленинградском процессе по делу Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН).

”При публикации мемуаров советских военачальников необходима виза главного политического управления советской армии... Серьезная ошибка была допущена в издании мемуаров маршала Жукова: приведена цифра погибших во время ленинградской блокады — более 1 миллиона человек...”

Ну, конечно, реальное подтверждение спровоцированной Сталиным и Ждановым катастрофы крайне нежелательно. Но и полностью засекретить данные о трагедии нашего города нельзя. Официальная цифра уменьшается вдвое:

”Товарищи, если будете писать о блокаде и понадобится приводить данные об умерших, окончательное число жертв — 641803 человека. Все остальные данные считаются ложными...”

”Сведения о случаях заболеваний холерой и чумой на территории СССР после 1937 года разрешается публиковать только по специальной визе министерства здравоохранения СССР”.

”Текстовые и графические материалы о так называемых гербах городов СССР позволяет публиковать только по утверждению Главлитом СССР... А то, товарищи, возникла нездоровая са-

моделятельность с этим делом в последнее время. Всюду появились охотники придумывать гербы для городов. Значки стали выпускать, открытки. Печать часто непродуманно поддерживает это, с позволения сказать, начинание. А между тем, центральный комитет партии обратил наше внимание, что большинство этих гербов выдержаны в духе реакционной геральдики, не отражает труд и подвиги советского народа...”

”В одном из спортивных репортажей недавно были упомянуты хоккейные команды Спортивного Клуба Армии из г. Калинина, и команда министерства вооруженных сил из г. Липецк. Вы прекрасно знаете, товарищи, что даже такие сведения запрещены к опубликованию в открытой печати, так как и они могут проливать свет на дислокацию воинских частей...”

Далее началась самая рутинная часть цензурного инструктажа. Любое упоминание о военных в любом тексте должно настораживать нас, редакторов. Если, например, в детском стишке о катании на лыжах встретятся строчки:

Не боится Петя вьюги,
В славном городе Калуге!
Петин папа, офицер,
Сыну подает пример, —

то эти строки запретны для публикации — ведь по ним противник может получить представление о том, что в городе Калуге дислоцированы какие-то воинские соединения.

”Запрещается публиковать карикатуры и другие материалы отрицательного характера о гла-

вах иностранных государств и правительств без специального разрешения министерства иностранных дел СССР. В том числе материалы о правителе Испании генерале Франко (в этот период началось дипломатическое зондирование Испании советской дипломатией, вот почему Франко, на котором так набили руку советские карикатуристы, — обычно он изображался карликом, опирающимся на кровавый топор, как, впрочем, и Тито в определенный период, — был изъят из карикатурного обращения) и материалы о государственной деятельности бывшего президента Соединенных Штатов Ричарда Никсона (в нашей памяти еще слишком живы были объятия Брежнева с Никсоном) ”.

”Товарищи, я обещал доложить вам о снятии некоторых ранее существовавших ограничений... Теперь разрешается без предварительного согласования с инстанциями публиковать карикатуры и отрицательные материалы — фельетоны, памфлеты, — на следующих государственных деятелях: Аугусто Пиночет (Чили), Тхиеу (Южный Вьетнам), Пак Чжон Хи и Тен Ир Ке (Южная Корея), Ян Смит (Южная Родезия), Якубус Иохан Фуше и Форстер (Южно-Африканская Республика) ...”

— Слава тебе, Господи, дожили до либеральной цензуры! — говорю я.

Но мой товарищ напротив не откликается. Дремлет.

6

Ко всему вышесказанному о системе и практике советской цензуры остается добавить одно не-

маловажное обстоятельство, а именно то, что вся система цензурирования, осуществляемая Управлением по охране военных и государственных тайн, только малая часть общей действующей цензурной системы.

Более того, это самая внешняя часть русской цензуры.

Цензор Главлита только завершает, так сказать, полирует длительный цензурный процесс.

С чего же начинается этот процесс? С чего начинается цензура?

Прежде, чем отправить номер журнала в печать, редакция (до цензуры) отправляет рукописи по крайней мере основных произведений в областной или городской комитет партии (в Москве или в столицах союзных республик это могут быть местные или всесоюзный ЦК, для молодежных и детских изданий соответствующие комсомольские органы, хотя и партийные органы проверяют молодежные и детские издания тоже). В каждом партийном и комсомольском аппарате есть специально выделенные функционеры, инструкторы отдела печати, курирующие определенные издательства, студии, театры. Все они подчинены заведующему отделом пропаганды партийного или комсомольского органа, который в свою очередь подчинен второму секретарю органа. Второй секретарь — ЦК, областного, городского, районного комитета партии или комсомола — всегда ведает вопросами идеологии. Для упрощения контроля за деятельностью средств массовой информации вторые секретари, заведующие отделами пропаганды или специальными отделами печати, работ-

ники этих отделов вводятся в состав редакционных коллегий газет и журналов, в редакционные советы кино- и телестудий, в специальные комиссии по приемке театральных спектаклей, без утверждения которыми спектакль не увидит сцены. Кстати, членство в редакционных коллегиях часто оплачивается довольно значительными суммами.

По пирамидальной системе партийной иерархии все эти деятели подчинены соответствующим деятелям высшей ступени и несут полную ответственность перед высшими за вверенную им область. В некоторых случаях в связи с выходом "неправильной" книги, спектакля, газетной статьи страдают не только редакторы, авторы, режиссеры, но и курировавшие их партийные аппаратчики.

В комсомоле это подчинение двойное, двойной контроль — со стороны вышестоящих комсомольских инстанций и со стороны параллельных партийных органов; которым комсомольские органы также подчинены.

Кроме неусыпного регламентированного контроля, опытный редактор всегда с тревогой ждет неожиданного, случайного контроля со стороны высоких властей.

Характерный случай произошел однажды в нашей редакции. Очередной номер журнала не вызвал никаких нареканий ни в партийных органах, ни в цензуре, как вдруг — гром среди ясного неба! — главного редактора вызывают в Москву, "на ковер", и при этом предупреждают весьма сурово, чтобы он приготовился дать объяснения по поводу весьма серьезных ошибок, допущенных в последнем номере.

Разумеется, не зная, с какой стороны ждать нападения, покойный Володя Торопыгин поехал в Москву в самом дурном расположении духа.

И действительно, с него стали "снимать стружку" за публикацию отрывка из автобиографической повести ленинградского всеми любимого поэта-лирика Вадима Шефнера. Повесть мягкая, веселая, вполне безобидная, рассказывающая в довольно светлых тонах о детстве, проведенном в ленинградском детском доме в послереволюционные годы.

Нас упрекали, что мы нанесли колоссальный ущерб воспитанию нравственности юного поколения, опубликовав отрывок, полный грязных слов и выражений. Таковыми объявлялись два-три словечка из воровского сленга 20-х годов, более чем привычные в советской литературе того периода и о том периоде, и упоминание о венерических болезнях в анкете, которую заполняет в одном из эпизодов герой.

В соответствии с нормой поведения советского редактора Торопыгин признал свою личную вину и вину всего коллектива и пообещал принять меры к повышению ответственности работников вверенной ему редакции. Ему были объявлены какие-то партийные и административные взыскания, что было не так уж страшно (с работы тогда не сняли!), хуже было другое — это событие автоматически влекло особенно придирчивое внимание к нашей безобидной детской редакции всех цензурирующих властей на следующие год-два (так и вышло).

Уже после "снятия стружки" знакомый ап-

паратчик неофициально рассказал редактору, в чем дело.

Один из столпов советского государства, Анастас Микоян (в то время он был еще у власти и пользовался репутацией самого просвещенного из советских лидеров: Хемингуэя на Кубе навещал и подарил "папе" бутылку армянского коньяку!), заглянул в детскую к своему внуку. Внук читал с интересом злополучный номер нашего журнала. "Что ты читаешь, внучек?" Внук прочел те самые колоритные места из повести. Дедушка ужаснулся: по понятиям его викторианской или сталинской нравственности ребенок до 18 лет не должен и слышать о существовании венерических болезней. Дедушка приказал строго наказать провинившийся журнал. Что и было исполнено.

Но и сторожайшая повседневная цензура, осуществляемая партийными инстанциями, тоже суть внешняя цензура.

Самые кадры редакторов подбираются и муштруются таким образом, чтобы в зародыше пресекать всякую попытку протащить нерегламентированный образ в печать, на экран, на сцену.

Я помню, как на совещании ленинградских редакторов тогдашний второй секретарь обкома партии Филипов, растопыривая для наглядности страшные клешни искалеченных на фронте рук, шипел: "Вы, партийные редакторы, должны быть железным гребнем, через который автор может только продраться к печати..."

В фойе совещания, в согласии с нацистскими образцами, была устроена выставка упадочного искусства, но вместо Пикассо и Кокошки выстав-

лены были в смольнинском коридоре довольно скромные обложечки книг, украшенных геометрическим орнаментом, вместо традиционной березки или голубка: абстракционизм!

(Филипов плохо кончил. Воспитанный столь строгим коммунистическим папашей сынок в двух шагах от Смольного разбил бутылкой голову случайно проходившему офицеру ВВС. Дело замяли, но, так как огласка была велика, отца с очень заметного партийного поста перевели пониже — председателем ленинградского комитета по радиовещанию и телевидению. Он руководил ленинградским эфиром несколько лет, пока его не подвела новая семейная драма: измученная тиранией и неверностями супруга, покончила с собой жена Филипова. Опять вышел скандал на весь город. Начальство распорядилось об очередном понижении Филипова — директором сельскохозяйственного издательства "Урожай". Этого унижения Филипов перенести не мог и в тот же день умер от разрыва сердца).

И все же цензура начинается еще раньше редакторского уровня. В советской литературной среде родилось специфическое выражение "внутренний цензор". "Внутренний цензор" пресекает на корню творческие записи писателей, "внутренний цензор" орудует уже в самый момент творчества.

И даже еще раньше.

Чудесным апрельским днем я гулял с трехлетним сыном по Петроградской стороне в Ленинграде. Было вдоволь синего неба и красного кумача (дело было перед майским праздником). На Не-

ве красивые военные корабли с флажками. Нам было весело.

Неожиданно — мы шли в густой толпе — Митя указал на подвешенный над улицей контурный, из гнутой проволоки, портрет Ленина (и вправду довольно страшноватый) и громко сказал:

— Папа, смотри: череп Ленина висит!

В толпе многие засмеялись, а я инстинктивно поднес руку к губам и сказал: Тшшш!

Вот с этого "Тшшш!" и начинается наша цензура.

САМИЗДАТ И САМОГОН*

1. Черный рынок

Не всякий может занести в свой послужной список разрушение целой отрасли процветающего бизнеса, мне же, к моему недоумению, недавно сообщили, что я могу. Но начать следует с другого.

Не так давно на кампусе Норвичского университета в Вермонте я встретил молодого человека, чье лицо показалось мне знакомым. Как и я, он оказался недавним эмигрантом из России, ныне он аспирант в Гарварде. Мы стали нащупывать общие знакомства и общие воспоминания, и я первый вспомнил: книжный рынок в Ленинграде. Вот где мы привыкли встречаться, анонимные друг для друга, как и все завсегдаи этого запрещенного властями стихийного торгового центра.

Книжный рынок функционировал по субботам и воскресеньям. С утра от ближайших трамвайных и автобусных остановок к месту торга тянулись поминутно озирающиеся люди с тяжелыми чемоданами и портфелями. На траве, зимой — на снегу, расстилался полиэтилен, а на нем аккуратны-

---

* Reprinted in Russian with permission from *The New York Review of Books*. Copyright © Nerev, Inc.

ми рядами раскладывалось содержимое чемоданов и портфелей — новые книги. Эти импровизированные прилавки постепенно вытягивались в два параллельных ряда длиной около полукилометра. Между ними бродила густая толпа покупателей.

Цена за отдельную книгу варьировалась от 10 до 300 рублей, т. е. от 2-дневного до 2-месячного среднего советского заработка. Эти цены не имели ничего общего с номинальными, указанными на задней обложке всех советских изданий. Своеобразный этикет нелегальных книгопродавцов требовал не ошарашивать покупателя грандиозными цифрами, поэтому при сделке цена называлась не в рублях, а в "номиналах": 5 номиналов, 10 номиналов и т. д. Это означало, что номинальную цену, указанную на обложке, следует умножить на 5 или на 10.

Разумеется, при столь высоких ценах книги чаще обменивались, чем продавались. Так, несколько раз мы обменивались книгами с будущим гарвардцем. Обмену предшествовало установление эквивалентов, при этом назывались несуразно высокие цены в "номиналах", и каждый из нас в душе полагал, что имеет дело с акулой черного рынка.

Иногда волнение прокатывалось по рынку. Мгновенно захлопывались чемоданы и портфели, и владельцы их, порой почтенные пожилые люди, бросались бежать со своей тяжелой кладью. Милиция! Как правило, добычей облавы становился

нерасторопный интеллигент. Обычно наказание за незаконную торговлю ограничивалось сообщением на место работы. Но и это достаточно неприятно: может надолго затормозить карьеру, лишить привилегий. Не говоря уж о том, что конфисковывались драгоценные книги.

В бегстве от милицейской опасности местоположение книжного рынка в Ленинграде все время менялось. Он был то в скверике вокруг общественного туалета в центре города, то в саду вокруг бюста Карла Маркса в рабочем районе, то в пригородном парке. Наконец, последняя площадка была выбрана по всем правилам военного искусства (недаром среди завсегдатаев книжного рынка немало отставных офицеров): на окраине города в небольшой роще посреди огромного глинистого пустыря, перерезанного многими ручьями. Из-за отсутствия дорог подъехать милицейские машины не могли, а появление пешего милиционера было видно издалека.

Я говорю о Ленинграде, но сходные книжные черные рынки существуют во всех больших городах. В Москве долгое время местом сборища был бульвар возле памятника русскому первопечатнику Ивану Федорову. Кстати, этот человек начал книжное дело в России в 16 веке, однако вскоре был заподозрен в диссидентстве и едва успел эмигрировать на запад. Так началась история книги в России, при царе по имени Иван Грозный.

2. В стране нет бумаги

Книг не хватает, прежде всего, потому что не хватает бумаги. Если прохожий в советском городе встретит на улице почтенную матрону в ожерелье из рулонов туалетной бумаги, он не побежит звонить в психиатрическую скорую помощь, а, скорее всего, подойдет к женщине, чтобы спросить, где ей удалось достать драгоценное изделие. Как и остальные отрасли советской промышленности, бумажная работает неэффективно. Также неэффективна и низкокачественна советская полиграфия. В этом легко убедиться, если зайти в любой магазин, торгующий на западе советскими книгами: вы найдете там порой ценные книги, труднодоступные в Советском Союзе, но изданы они непривлекательно, краски тусклы, шрифты невыразительны и однообразны, переплеты неряшливы, печать бледная, слепая. Для западных издательств, выпускающих репринты некоторых редких советских книг, существует одна неразрешимая проблема: аутентичное полностью издание выпустить невозможно, так как на западных рынках не найти бумаги столь же низкого качества. Поэтому в полиграфическом отношении эти репринты напоминают как бы мраморные копии с глиняных оригиналов. Но даже плохой бумаги не хватает в СССР, чтобы удовлетворить внутренний рынок. Бумага закупается в Финляндии, Японии, Канаде, тогда как полиграфические заказы нередко размещаются в восточно-европейских странах-сателлитах, где уровень полиграфии несколько выше.

Книг не хватает также потому, что 80% книжной продукции это *не-книги* с потребительской точки зрения: их никто не покупает, не берет в библиотеках, они не существуют для читателя. Среди многочисленных экономических потерь, обусловленных неэффективным бюрократическим руководством, это, может быть, единственная *сознательная* потеря, на которую идет государство.

При том, что даже туалетная бумага дефицитна, издаются многомиллионные тиражи пропагандистской литературы. Вслед за сочинениями того, кому в данный момент принадлежит верховная власть в государстве, издаются сочинения всех функционеров, вплоть до самых мелких работников идеологического аппарата, состоящие, главным образом, из цитат из Ленина, Маркса и нынешнего вождя, скрепленных восторженными комментариями. Разумеется, ни один человек в здравом уме не станет тратить и нескольких копеек на такого рода литературу. Тем более, что все сколько-нибудь существенное, касающееся политических колебаний, можно скорее выудить из ежедневных газетных публикаций. Но те высшие партийные чиновники, которые определяют тираж, скажем, в 10 миллионов экземпляров для издания очередной речи Брежнева, вовсе и не думают, что 10 миллионов, или, хотя бы 1 миллион, будут действительно распроданы. Колоссальный тираж в данном случае является знаком в пропагандистской знаковой системе. Главное назначение этого символического числа-гиганта лишний раз подчеркнуть исключительное положение авто-

ра внутри иерархии, его власть, авторитет и популярность.

Не-книги представляют большую часть и выпускаемой художественной и научной литературы. Возможность публикации и тиражи и в этой области соотносятся, прежде всего, с иерархией, существующей в научных учреждениях и в союзе писателей. Хотя издательства в целом (надо ли напоминать, что все издательства находятся под полным контролем партии и государства) заинтересованы в экономическом преуспевании, однако те руководители издательств, кому принадлежит право планирования, прежде всего, заинтересованы в демонстрации своей идеологической чистоты, рвения, а также в поддержании хороших отношений с другими влиятельными бюрократами. Таким образом, их цель — поддерживать баланс так, чтобы издательство не терпело значительных убытков, не допуская при этом идеологических промахов и издавая по преимуществу "нужных" людей. Разумеется, при ситуациях выбора предпочтение отдается двум последним целям: ведь бюрократ не несет финансовых убытков в связи с убытками издательства. Как составляются издательские планы хорошо показал Владимир Войнович в документальной повести "Иванькиада":

Утверждать планы – дело не такое легкое, как может показаться с первого взгляда. Надо проверить списки писателей, которые собрались издать свои книги. Необходимо отделить нужных писателей от ненужных. Нужные – это секретари Союза писателей, директора издательств, главные редакторы журналов. Ты им сделаешь хорошо, они тебе сделают хорошо: напечатают (если есть

что), устроят положительную рецензию, примут в писатели, подкинут какую-нибудь денежную работенку. Нужными писателями следует считать и других лиц, которые не только пишут книги, но и располагают возможностями оказывать побочные благодеяния: достать ондатровую шапку, приобрести льготную путевку в привилегированный санаторий или абонемент в плавательный бассейн. Ненужные писатели – те, которые ничего этого делать не умеют, не могут и не хотят. Самые ненужные – это Пушкин, Лермонтов, Гоголь и прочие классики – с них уже вообще ничего не получишь.

(В. В о й н о в и ч, Иванькиада, "Ардис", 1976, стр. 67 – 68)

3. Слишком много читателей

Как ни странно, но среди пропагандистских клише попадаются и вполне правдивые, например, "СССР – самая читающая в мире страна". Не знаю, подтвердилось ли бы это точным обследованием, но, во всяком случае, выглядит это действительно так. Нигде в мире, кажется, вы не встретите такого количества людей, читающих книги в общественном транспорте, в очередях. Правда, нигде в мире вы не встретите и таких бесконечных очередей. И уж, конечно, беспрецедентна борьба за хорошую книгу.

В пропаганде это интерпретируется обычно как свидетельство необычайного расцвета духовной жизни при социализме. Однако присмотримся повнимательнее к этим читателям в набитом до отказа трамвае, присмотримся и к тому, что большинство из них читает. Если стандартным американским выражением лица, как полагают многие, является улыбчивый дежурный оптимизм, то стандартное советское лицо выражает усталость, оза-

боченность и враждебность. Человек едет домой после тяжелого рабочего дня. Он знает, что все затраченные им усилия обеспечат ему только скудное существование. Более того, часто плоды его усилий будут сведены на нет бессмысленным планированием. Человек с трудом протиснулся, завоевал место в трамвае. Он едет, сплюснутый со всех сторон, и стережет сетку с продуктами, которые ему удалось купить, отстояв длинную очередь по дороге с работы. Дома его ждет — невозможность уединиться в тесной квартире, скучнейшая пропагандистская жвачка по обеим телевизионным программам. На следующее утро — борьба за место в трамвае, или талон на визит к врачу в поликлинике, или продуктовая очередь. Как сбросить с себя, хотя бы ненадолго, этот психический груз, расслабиться? Многие регулярно пьют водку по дороге с работы домой. Примерно треть мужчин в нашем трамвае хотя бы слегка навеселе. И примерно треть — читает книги. Есть и такие, кто читает книги навеселе; им особенно хорошо.

Книги, которые они читают, в большинстве, не из сокровищницы духа — развлечение, возбуждение, бег от действительности. Детективы, авантурные романы. Обсуждая те же проблемы в парижском журнале "Континент", я припомнил один случай: чтобы застраховать свое место в очереди на книжную подписку, один человек приковал себя к дверям книжного магазина цепью. Я писал, что подписка была на собрание сочинений Лермонтова. Другой очевидец того же происшествия позднее поправил меня: подписывались не на Лермон-

това, а на Ефремова, автора авантюрных и научно-фантастических романов.

Этих жадно читаемых книг издается в СССР ничтожно мало. Немногочисленные советские детективы и еще более редкие переводы таких авторов, как Агата Кристи или Чендлер, зачитываются буквально до дыр. Некоторые западные детективы переводятся и продаются нелегально в машинописных копиях по 5-10 рублей (5 рублей вы платите за слабый последний экземпляр). До сих пор к числу самых привлекательных авантюрных авторов относится Дюма-отец, а к числу наиболее эротических писателей Мопассан!

Нельзя сказать, чтобы советские издательства совсем не считались с этим спросом. Дюма, Мопассан, Конан-Дойль и сентиментальные стихи Есенина время от времени выпускаются и, кстати сказать, поправляют финансовые дела издательств. Несколько лет тому назад государство начало кампанию по обмену бумажной макулатуры на дефицитные книги. Вы сдавали 20 килограммов макулатуры и получали купон на право покупки одной книги. Издательства выпускали специальные, еще более неприглядные, чем обычно, "купонные" издания все тех же "Королевы Марго" Дюма, "Милого друга" Мопассана и лирики Есенина. Говорили, что эта акция преследовала и другую цель — очистить частные библиотеки от старых книг и периодики, среди которых могут попадаться сочинения, не совместимые с последними идеологическими установками. Так или иначе,

но вся эта затея скоро провалилась: люди сдали такое количество макулатуры, что "купонных" книг на всех не хватало. Часто можно было услышать такую шутку: "Я уже двадцать килограммов купонов накопил".

Русская интеллигенция также поглощает больше книг, чем западная. Во-первых, потому, что такие формы духовной и интеллектуальной жизни, как церковь или открытая философская и политическая дискуссия, недоступны, и книга заменяет и храм, и клуб. Во-вторых, наша интеллигенция живет одной жизнью с народом, не отставая от народа в потреблении как водки, так и книг-водки.

Есть и техническая причина, по которой интеллектуалам в Советском Союзе приходится потреблять больше книг, чем их западным коллегам. Там, где западный ученый или писатель может обратиться к одному источнику, русскому нередко приходится собирать те же сведения по крохам из разных источников. Сведения по истории религии черпаются из цитат в антирелигиозных брошюрах, высказывания современных философов из марксистских статей, разоблачающих буржуазную или ревизионистскую философию и т. п. Долгие годы единственным справочником по современной музыке, например, была книга Г. Шнеерсона "Музыка на службе реакции", где клеймились агенты империализма Стравинский, Мессиаен, Менотти и проч. Но там можно было хотя бы почерпнуть име-

на, даты, названия произведений и некоторые высказывания.

Писатель Андрей Битов в своем замечательном романе "Пушкинский дом" рассказывает о следующем эксперименте. Он присутствовал на одном из кинопросмотров, какие устраиваются для элиты в закрытых клубах. Показывали фильм Пазолини "Страсти по Матфею". Все обсуждавшие фильм после просмотра особенно выделяли сцену Нагорной проповеди, как исключительно впечатляющую, актуальную и даже весьма оппозиционно в советских условиях звучащую. Битов проинтервьюировал множество зрителей и выяснил, что большинство из них — писатели, критики, режиссеры — просто-напросто *впервые познакомились с этим текстом.*

4. Книги в системе привилегий

Во множестве советских книг и кинофильмов старый солдат партии с сединой на висках говорит своему молодому товарищу: "У нас, коммунистов, есть только одна привилегия — быть там, где труднее". Другой популярный синоним этого трогательного пропагандистского трюка — завтрак Ленина в Кремле: стакан жидкого чая, тонкий кусочек черного хлеба.

Есть все основания полагать, что и на заре советской власти у коммунистов было куда больше привилегий, чем одна только возможность

иметь неприятности. Во всяком случае, сейчас ленинский хлебец покрылся толстым слоем икры.

Возле редакции, где я работал, на улице Воинова в Ленинграде, было четыре столовых, которые мне случалось посещать при различных обстоятельствах. Ближайшей к нашей конторе была столовая при небольшом заводе автомобильного оборудования. Не ставя под угрозу свое здоровье, вы могли покупать там только хлеб и молоко. На этой же улице помещается клуб писателей с рестораном при нем. Там цены выше, но пища почти столь же несъедобна (впрочем, писатели приходят туда, как правило, не обедать, а пропустить рюмку-другую коньяку). На этой же улице во дворце, который в 18 веке был подарен Екатериной 2-й князю Потемкину, сейчас Высшая партийная школа. Здесь в столовой будущие партийные функционеры уже могут вкусить от предстоящей сладкой жизни: цены низкие, как в заводской столовой, но пища доброкачественная, достаточно вкусная, всегда есть свежие фрукты, овощи и тому подобные редкости. В конце улицы Воинова — ленинградская партийная штаб-квартира — Смольный (замечательный архитектурный комплекс 18 века, состоящий из бывшего монастыря и бывшего института для благородных девиц). Здесь, в столовой при скромных ценах предлагается меню хорошего ресторана, а среди закусок вы видите уже и эту, символизирующую высший уровень, икру.

Как известно, ленинизм-сталинизм свел понятие социализма к простейшей и легкоусваиваемой формуле: от каждого по способностям, каждому по труду. Почему-то множеством простаков эта

формула воспринимается как вершина возможной социальной справедливости, хотя следовало бы задуматься над ее нарочитой недоговоренностью. Действительно, обеим половинкам постулата не хватает объекта. *Что* требуется от каждого в меру его способностей? *Что* будет дано каждому в меру его труда? Можно предположить, что имеются в виду самые общие категории, т. е. что от каждого требуется труд, усилия, а даны будут каждому — некие материальные блага. В этом случае не совсем понятно, чем же социалистический строй отличается от любого другого. Всюду людьми затрачиваются некие усилия, чтобы получить некие блага. Давайте на минуту встанем на четвереньки, представим себе, что действительно повсеместно люди лезут вон из кожи для получения максимального количества материальных благ, возьмем в зубы нашу формулу социализма и вернемся на улицу Воинова, не для того, чтобы эту формулу опровергать, а лишь для того, чтобы в пунктах непосредственного распределения материальных благ (например, в столовых) уточнить, что же является конкретным содержанием труда и благ при конкретном советском социализме.

Как мы видим, больше всего благ (еды) получают люди в Смольном. Стало быть, их труд, с точки зрения социализма, самый большой, самый ценный и интенсивный. В чем он состоит? Частично в том, чтобы методом кнута и пряника руководить производством, администрацией, идеологией, т. е. хвалить, ругать, одобрять планы, не одобрять планы, выдавать медали, вызывать на ковер и т. д.

Но большая часть усилий этих людей уходит на то, чтобы укрепить свое собственное положение внутри элиты наиболее социально ценных и, по возможности, продвигаться наверх.

Следующим по ценности является (как бы отчасти авансом) труд студентов партийной школы, будущих членов элиты.

Следующим — писателей, которые должны идеологически обслуживать всю систему, т. е. писать так, чтобы из их сочинений было ясно, как совершенна эта система и насколько она лучше любой другой.

Наименее ценным оказывается труд рабочих на заводе.

Таким образом, с точки зрения распределения и потребления социализм состоит в том, что регулятором распределения и потребления материальных благ являются не анархически беспристрастные деньги (при всей их труднодостижимости, деньги, все-таки, можно заработать усиленным трудом, или получить по наследству, или украсть, или выиграть в лотерею), а социальная иерархия, изменить положение в которой почти невозможно.

И еда, и одежда, и медицинское обслуживание, и жилище распределяются в социалистической России в соответствии с социальной иерархией. Книжки не являются исключением из этой системы. В том же Смольном есть небольшой книжный магазин,

в котором партийный чиновник может купить любую книгу, недоступную ни интеллигенту, ни масовому читателю. Бывая по делам в Смольном, я иногда заглядывал туда. Я не имел права покупать там книги, но мне хотелось хотя бы взглянуть на недоступные новинки. Однажды при мне немолодой сержант из смольнинской охраны покупал большую стопку книг. Среди прочих я заметил "Игру в бисер" Г. Гессе, "Под сенью девушек в цвету" Пруста и большой альбом живописи постимпрессионистов. Крайне неграмотная речь сержанта исключала предположение, что он покупает эти книги для собственного чтения. Скорее всего, здесь начиналась одна из тропинок, ведущих на черный рынок. (Мои подозрения подтвердились позднее, когда я узнал, что женщина-директор этого привилегированного книжного магазина была арестована).

Но в основном книги на черный рынок идут не из привилегированных, а из обыкновенных книжных магазинов. Чтобы представить себе, как это происходит, надо иметь общее представление о системе советской торговли.

Как известно, все магазины в СССР принадлежат государству и все товары в них поставляются по планам и нормам центрального министерства торговли и местных торговых управлений. Продовольственные, книжные, одежды — все они заполнены товарами низкого качества, на пятьдесят процентов никому не нужными. Однако каждый магазин в очень небольшом количестве регулярно получает свою долю высококачественных и

и остродефицитных товаров. Разумеется, прилавка эти товары не видят. Львиную долю забирает себе директор магазина, затем — его помощник, затем — наиболее заслуженные продавцы. Часть добычи члены этой социалистической торговой мафии оставляют для себя, но большую часть выделяют в подпольный обменный фонд. Хорошие товары циркулируют внутри торговой общины: итальянские ботинки = 1/2 кг икры* = 1 сибирской меховой шапке = 1/50 финского набора мебели = 1/10 лучшего советского холодильника ЗИЛ = 1/300 автомобиля "Жигули" = 20 книгам

---

* Тема икры стучится в эту статью, как тема крови в "Макбет". Вспоминаются две ленинградские уголовно-икорные истории.

В крошечный продовольственный магазин на Васильевском острове в Ленинграде впервые за несколько лет управление торговли прислало одну килограммовую банку икры. Две женщины — директор магазина и ее помощница — стали делить добычу, бурно посорились и одна тяжело ранила другую мясным ножом.

Второй случай отчасти в духе О'Генри. В СССР практикуется для поднятия духа у населения перед праздниками продавать в уличных ларьках некоторые дефицитные виды еды с "нагрузкой": банку растворимого кофе, обычно недоступного, с килограммом дешевых несъедобных конфет, обычно непокупаемых и т. п. Купить такой пакет считается большой удачей, и домохозяйки в предпраздничные дни прочесывают город, охотясь за такими распродажами. Однажды в предновогодний день на людной ленинградской улице остановился продуктовый грузовик и два парня в белых куртках продавцов стали бойко торговать пакетами, в которых было 1/2 килограмма любимой и редкой лососевой икры и килограмм сахарного песка в качестве "нагрузки". Вся машина была распродана в полчаса, а на следующий день счастливые покупатели обнаружили у себя на новогодних столах — саго, подкрашенное томатным соком. В этой истории подкупает точный психологический расчет мошенников — "нагрузка".

стихов Андрея Вознесенского и т. д. В результате, торговый работник среднего калибра имеет примерно те же блага, что и партийный аппаратчик — автомобиль, хорошую одежду, мебель, хорошую пищу и модные книги на финской полке. Правда, он постоянно рискует попасть под очередную ревизию и лишиться работы, а то и свободы на некоторый срок. Но, с другой стороны, делание карьеры внутри партийной элиты тоже постоянно сопряжено с риском сорваться и потерять все. То, что остается от собственного потребления и внутренних обменных операций, обращается на черном рынке в деньги через спекулянтов-контрагентов.

Итак, источник поступления дефицитных книг на черный рынок очень прост — от тех, кому эти книги при существующей системе распределения доступны. Это основной источник, но не единственный.

Следующий по значению — это книги, присылаемые в СССР из-за границы. Это ни в коем случае не зарубежные издания на русском языке, их распространение является не рядовым уголовным, а тяжким политическим преступлением, и они распространяются безденежно, среди доверенных лиц в широких диссидентских кругах. На рынок попадает некоторое количество детективов на английском языке, художественных альбомов, но, главным образом, много книг, изданных в советском Союзе, купленных за рубежом и присланных обратно в СССР.

Это очень характерный процесс: путешествие советских книг на Запад и обратно. Мне уже приходилось упоминать в журнале "Континент" следующий эпизод. На собрании сотрудников издательства "Советский писатель" крупный чиновник сказал: "Мы издали Мандельштама, чтобы заткнуть глотку нашим идеологическим противникам за рубежом". — "Заткните и нам," — крикнул кто-то из зала.

Есть книги, чьи тиражи почти полностью уходят в книжные магазины Европы и Америки, радуя левых интеллигентов тем, что Кафка и Пастернак издаются в Советском Союзе. На самом деле, эти книги могут достичь интеллигентного читателя в Советском Союзе, скорее всего, пройдя через черный рынок. Вы, допустим, купите в Нью-Йорке том Мандельштама за 8 долларов, пошлете его в Советский Союз, где-то в системе почтовых и таможенных служб обнаружится течь, и ваш Мандельштам выплывет на черном рынке за 60-70 рублей. (Впрочем, я полагаю, что этот "Мандельштаминдекс" — 1 долл. = 8 рублям, более соответствует действительности, чем официальный: 1 долл. = 0,7 рубля.) Увидев недавно книжный склад одного мичиганского книгопродавца, специализирующегося на советских изданиях, я сказал ему, что с этими книгами в Москве он легко сделал бы миллион в один день. Шутка ему не очень понравилась, потому что он вряд ли сделал в тот день сто долларов.

Существует какая-то черная дыра, в которую часто проваливаются книги на пути между западным отправителем и советским получателем. Американская писательница Бел Кауфман дважды посылала своему другу, а моему ленинградскому коллеге, монографии о Шагале. Оба раза он получал письма, извещавшие, что книга послана, но не получал книги. Между тем, на черном рынке вы могли найти большой выбор Шагалов по цене от 200 до 600 рублей за книгу.

Забавный случай произошел с ленинградским профессором Х. Университетским профессорам в СССР выделяется 25 долларов в год для приобретения книг по специальности за границей. Разумеется, эти деньги не выдаются на руки, а профессор должен представить администрации университета список книг, которые он хотел бы на эту сумму приобрести (надо думать, очень короткий список). * Х. специализируется на русском романтизме 19 века, и он заказал себе несколько американских исследований в этой области. Прошло полгода, книги не появлялись, но дисциплинированный советский профессор и не думал жаловаться: нет книг, значит, так надо, власти лучше знают. Однажды, когда он совершал обычный обход букинистических магазинов в Ленинграде, к нему подошел один из "книжных жучков", трущихся всегда возле таких магазинов. "Вы, кажется, ли-

---

* Не может быть, чтобы с тех пор, как я писал эту статью сумму не повысили: нынче за 25 долларов и одну научную книгу не всегда купишь.

тературоведением интересуетесь, — сказал ”жук” этому известному литературоведу, пойдёмте, я вам покажу кое-что...” Заинтересованный профессор проследовал за ”жуком” в ближайшую подворотню. Уже первая показанная книга его насторожила: ну, кому еще в Ленинграде, скажите на милость, может понадобиться изданная в Айове диссертация о третьестепенном русском поэте-романтике. Но когда он увидел, что и вторая и третья книги совпали с его списком, профессор неожиданно для самого себя подпрыгнул, вцепился в лацканы ”жука” и закричал ”Караул!” Дело было в центре города, на углу Невского и Литейного, мгновенно их окружила толпа и ошеломленный ”жук” удрать не мог. На следующий день профессора пригласили в милицию и выдали ему его американский заказ без всяких объяснений. Но он их и не спрашивал.

Мне однажды случилось интервьюировать одного чиновника министерства связи. ”А почему пропадают книги, посланные из-за границы?” — спросил я его без связи с темой моего интервью. ”А знаете, какая маленькая зарплата у таможенников и у наших почтовиков?” — засмеялся он.

5. Книги под арестом, книги в тюрьме и книги в лагере строгого режима

Почему же интеллигент со средней зарплатой, скажем, в 150 рублей в месяц, регулярно покупает на черном рынке книги стоимостью в 10, 20 и да-

же в 60 и в 80 рублей (каждый том "Опытов" Монтеня, столь популярного у русской интеллигенции, стоит 80 рублей, а все издание выпущено в 3-х томах). Почему не удовлетвориться библиотекой? Причина очень проста: книг, пользующихся большим спросом, в массовых библиотеках либо нет, либо и там они недоступны. Наиболее дефицитные книги библиотекарь массовой библиотеки придерживает для привилегированных или просто близких ему читателей.

В фундаментальных, академических библиотеках положение еще сложнее. Прежде всего, туда допускаются только люди с университетскими дипломами или студенты, причем и те, и другие должны предъявить письмо, подтверждающее, что они пользуются библиотекой для научных занятий, а не для собственного удовольствия. Но даже получив постоянный пропуск в такую библиотеку, не так-то легко ею пользоваться. На дом книги выдаются только ограниченному числу ученых. Все остальные должны приходить рано утром и выстаивать длинную очередь, чтобы получить место в читальном зале (еще одна разновидность ежедневных очередей).

В каталоге книги разделены на три категории, поразительно напоминающие советскую пенитенциарную систему: хотя большинство книг пока еще на свободе, но очень многие сидят. Некоторые были освобождены и реабилитированы после смерти Сталина, некоторые, молодые книги, попали под замок в последнее время, есть и такие, что си-

дят в заключении уже по полвека. На карточках каталога встречаются время от времени пометки "выдается по особому разрешению" или "спехран". Перечислить все категории, выдаваемые "по особому разрешению", трудно. Но огромное большинство здесь составляет периодика. Практически вся западная периодика. Например, вы хотите прочесть в "Нью-Йорк Таймс" статью о первом в мире лабораторном ребенке, но в этом же номере есть сообщение о попытках обмена Щаранского на двух советских шпионов, о дипломатическом танце вокруг Албании, рецензия на пьесу Стоппарда, в которой действует советский диссидент, заключенный в психиатрический госпиталь, и множество другой информации, отсутствующей в советской прессе или тщательно препарированной ею, так как с точки зрения идеологического аппарата она считается вредной для рядового советского гражданина. Поэтому вы должны принести в библиотеку письмо с работы, в котором администрация поручается за вашу идеологическую стойкость и благонадежность, и подтверждает, что вам необходимо прочесть данную статью для вашей работы. Дальнейшее крайне напоминает процедуру свидания в тюрьме: специальный зал, ограниченное время, пристально наблюдающий страж, но украдкой можно заглянуть и на другие страницы. Теперь, когда копировальная техника проникла, наконец, в советские библиотеки, во многих из них вам выдадут копию заказанной статьи, чтобы вы не подглядывали на недозволенные страницы.

Забавно, что вместе с западной под арест по-

падает и значительная часть советской периодики прошлых лет, например, центральные газеты — "Правда", "Известия". Это происходит из-за перемен в составе советского руководства и зигзагов политики. Именно так и реализуется то, что Орвелл называл "памятеотводы".

Совсем гротескный оборот порой принимает дело со "специальным хранением" западной научной и технической периодики. Какой-нибудь инженерный или технический журнал нередко попадает под замок, потому что в нем описывается открытие или изобретение, считающееся в СССР секретным. Логически эта секретность предназначена для того, чтобы скрыть советские исследования от западных конкурентов, и, наоборот, большая осведомленность советских специалистов в этой области только на пользу прогрессу их исследований, но логика и польза никогда не являлись сильными аргументами для цензующей бюрократии.

Пометка "спецхран" означает значительно большую степень изоляции книги или журнала от потенциального читателя, подобно лагерям строгого режима, где свидания запрещены. Туда в первую очередь попадают политические писания, хотя бы даже слегка отклоняющиеся от советской ортодоксии. К этим книгам допускаются только особо доверенные партийные идеологи, кагебисты, журналисты, писатели, так же, как в соответствующие лагеря могут приехать для следствия и допросов офицеры милиции, работники прокуратуры и... и те же кагебисты.

Наконец, есть книги, формально общедоступные, но выдача которых контролируется негласно. (Что тоже напоминает положение некоторых видных ученых, литераторов, артистов в СССР). На ваш запрос по поводу этих книг библиотекарь всегда будет отвечать, что, к сожалению, книга как раз сейчас выдана или находится в переплете. Так, все пять лет моего обучения в Ленинградском университете (1954—1959) в переплете находились несколько книг Фрейда, переведенных на русский и изданных в 1910—1920 г. г. Сравнительно недавно я опять спросил эти книги у библиотекарши, которая, видимо, родилась в тот год, когда я впервые заинтересовался Фрейдом. Она улыбнулась и ответила: "В переплете". Она сказала это таким тоном, словно возвращение Фрейда из переплета было делом нескольких ближайших дней. Мне же представились украшенные драгоценными камнями переплеты из телячьей кожи в отделе инкунабул (доступ к которым, кстати сказать, куда легче, чем, например, вот к этой книге, когда она окажется на советской полке).

6. Самиздат

Аббревиатуру "самиздат" следовало бы переводить как "публикация самого себя", что в условиях свободы печати теряет всякую пикантность. По-русски в этом слове ощущаются иронические обертона, т. к. оно пародирует аббревиатурные названия государственных издательств в 1920—1940 г. г.: "политиздат", "гослитиздат" и

т. п. Еще комичнее звучит "тамиздат", жаргонный термин, обозначающий книги и периодику, изданные по-русски за границей и распространяемые подпольно.

Самиздат — это тексты, распространяемые бесцензурно вне государственной системы массовой информации, чаще всего, в виде машинописных копий, но также в рукописях, фотокопиях и магнитофонных записях. Самиздат только часть более широкого феномена неподцензурной культуры, который проявляется и в публичных чтениях неподцензурных текстов, в выставках неофициального искусства, в научных лекциях, диспутах и симпозиумах, проводимых неофициально, и даже в представлениях подпольных театров (в частных квартирах).

Принято рассматривать самиздат как явление политической жизни СССР последнего десятилетия. Это не совсем верно. Изготовление и распространение неподцензурных текстов имеет глубокие корни в русской истории. Начать можно было бы с рукописных антиправительственных листовок, распространявшихся мятежными казаками Степана Разина, и эсхатологических пророчеств религиозных схизматиков в 17 веке, если не раньше. В десятилетия, предшествовавшие революции 1917 г., вся Россия читала "нелегальщину" (нелегальные публикации, в изготовлении которых были так плодовиты и искусны большевики-ленинцы). Тогда же процветал и "тамиздат", еще не обретя этого названия. Между прочим, техниче-

ские проблемы, как например транспортировка, с тех пор не изменились. Ленин старался издавать в Женеве свою газету "Искра" как можно компактнее, и большинство современных изданий русской эмиграции имеют карманный формат.

По свидетельству мемуаристов (например, Льва Копелева), подпольные типографские издания троцкистской оппозиции появлялись еще в начале 1930 г. г. Но чудовищный сталинский аппарат довольно скоро положил конец подпольному печатанию, чего никогда не могла полностью добиться царская тайная полиция. К середине 1930 г. г. никаких подпольных изданий не существовало. Но распространение машинописных и рукописных текстов не прекращалось никогда. Разумеется, в годы особо жестокого террора в самиздате превалировали тексты более или менее аполитичные или только косвенно затрагивающие острые политические проблемы.

В конце сороковых годов, подростком, роюсь в семейных альбомах и старых письмах, я нередко находил машинописные копии стихов Бунина и Ходасевича, абсолютно запрещенных в то время в СССР, т. к. оба автора были эмигрантами. Широко распространены были в самиздате тех лет стихи Есенина, не переиздававшиеся с 1920 г. г. Особенно его (или приписываемое ему?) "Ответ Демьяну Бедному", направленный против кощунственных пасквинад партийного версификатора.

Вчера, когда я в "Правде" прочитал
Неправду про Христа блудливого Демьяна,
Мне стыдно стало так, как будто я попал
В блевотину, извергнутую спьяна.

Благодаря довоенному самиздату, такие сокровища русской культуры 20 века, как стихи Ахматовой, Мандельштама, продолжали, хотя и ограниченно, жить и воздействовать на читателей. Благодаря самиздату, была спасена от полного забвения целая поэтическая школа, одна из самых блистательных в новой русской поэзии, наиболее кардинально повлиявшая на русскую литературу наших дней. Я имею ввиду писавших и погибших во время чисток в Ленинграде поэтов и драматургов Введенского, Хармса, Олейникова и Заболоцкого (из них только последний выжил в лагерях, и стихи его позднее были в СССР изданы).

Само слово "самиздат" возникло также до смерти Сталина и хрущевской "оттепели". Еще в сороковые годы талантливый московский поэт Николай Глазков изготавливал книжечки из своих напечатанных на машинке стихов и на том месте титульного листа, где обычно стоит издательская марка, ставил "сам-себя-издат" или "самиздат". Эти книжечки Глазкова были очень популярны, а одна строфа стала буквально мотто интеллигенции тех времен, по русской традиции склонной искать утешения в алкоголе:

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый, век необычайный,

Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней...

Действительно ли самиздат столь распространен, чтобы противостоять официальной идеологической индоктринации? Покойный Александр Галич в одной из своих баллад говорит:

”Эрика” берет четыре копии.
Вот и все. И этого достаточно.

Не приходится сравнивать тиражи даже самых распространенных самиздатских текстов с гигантскими тиражами официальной литературы. Но 100.000 экземпляров брошюры партийного идеолога не будут прочитаны никем, а из тысячи машинописных копий трактата Сахарова каждую прочтет сто человек.

Увы, мы не располагаем и никогда не будем располагать статистикой в этой области, но в нашем распоряжении масса примеров, свидетельствующих о широчайшей распространенности самиздата. Приведу два наиболее впечатляющих из моего личного опыта.

Когда, вслед за волной протестов, власти вернули Иосифа Бродского в Ленинград из ссылки, мне удалось опубликовать в нашем журнале несколько его детских стихотворений. Через некоторое время в редакционной почте я нашел письмо от взрослого читателя, который благодарил за эту публикацию. Он писал, что уже знаком со сти-

хами Бродского: одна девушка дала ему переписать несколько. Эти стихи, по его словам, "перевернули его душу". Этот человек работал электриком на электростанции в поселке Токтогул в Киргизии, т. е. в сердце Средней Азии, далеко от Москвы и Ленинграда с их оживленной интеллектуальной жизнью.

Могут сказать, что популярности Бродского и других самиздатских авторов способствует западное радиовещание на русском языке. Это отчасти верно. Но я также не раз имел возможность убедиться, что самиздат втягивает в свою орбиту абсолютно все неподцензурные тексты, имеющие хотя бы мало-мальскую культурную ценность, даже если авторы не прилагают усилий к их распространению.

В г. Назарово в Сибири студентка дала мне посмотреть тетрадь со стихами. Я нашел там обычный "джентльменский набор" поэтического самиздата: "Рождественский романс" Бродского, "Письмо к Есенину" Евтушенко, несколько стихотворений Слуцкого и, вдруг, к моему величайшему удивлению, мое собственное стихотворение, хотя и без подписи. Стихи, которые я писал в юности, ничем не отличаются от любых юношеских стихотворений. Наверное, только это одно мое стихотворение несколько друзей находили интересным. И вот оно пустилось странствовать от списка к списку, чтобы, уже потеряв подпись, встретиться с авто-

ром через много лет и далеко от Ленинграда, где было написано.*

Воспетый Пушкиным "уездной барышни альбом", "нелегалщина" революционеров, песенки бродячих куплетистов, пророчества религиозных сектантов, базарная порнография, медицинские советы знахарей и кулинарные рецепты — вот те исторические ручейки, которые в нашем веке превратились в культурный феномен самиздата. Однако столь мощным фактором современной культурной жизни в России самиздат стал, прежде всего, потому, что вобрал в себя и большие жанры: роман, историческое исследование, философский трактат. Можно выделить пять основных разделов самиздата.

Литература и поэзия. Есть крупнейшие авторы, известные русскому читателю почти только через самиздат. Например, Солженицын и Бродский, или уже упомянутая группа: Введенский, Хармс, и многие другие.

---

* Вот это стихотворение:

В зоопарке помирает слон.
Он отходит, как корабль на слом.
Ему хоботом уже не шевелить,
ему топотом детей не веселить.
В зоопарке помирает слон.
А директор зоопарка огорчен:
где отыщется зверь другой,
чтобы был и умный, и большой,
чтоб умел и шевелить, и веселить;
да и кем теперь клетку заселить —
попугаев и мартышек до хрена,
но какой же зоопарк без слона!

Есть талантливые писатели, чьи сочинения издаются в советских издательствах, но лишь изуродованные цензурой. Полные тексты становятся достоянием самиздата. Так произошло, например, с двумя важнейшими романами последнего десятилетия: "Пушкинский дом" Андрея Битова и "Житие Сандро Чегемского" Фазиля Искандера. Оба были напечатаны в СССР, но в размере не более 25 — 30% полного текста. Полностью, несколько лет спустя, они были напечатаны на Западе. Такова еще одна функция самиздата: он создает каналы, ведущие к "тамиздату".

Наконец, иногда сравнительно небольшие отрывки, не разрешенные цензурой, подхватываются самиздатом. Так произошло с описанием сталинского террора в "Поэме без героя" Анны Ахматовой и с главами из "Мастера и Маргариты" Булгакова.

Как всякий значительный культурный феномен, самиздат влияет на моду, стиль поведения. Даже среди преуспевающих литераторов-конформистов считается модным, чтобы одно-два стихотворения, или статья, или отрывок прозы циркулировали в самиздате. Обычно это тщательно скалькулированные критические сочинения с намеками на самодурство отдельных бюрократов, разрушение религиозных памятников, антисемитизм и т. п. Впрочем, при общей либеральности самиздата, главным его законом остается вбирание в себя *всего неподцензурного* и потому в него проникают иногда и ортодоксально советские сочинения, как, например, "Я обвиняю" Смеля-

кова, параноическое "разоблачение" еврейского заговора и убийства Маяковского.

Политические сочинения. Иногда понятие самиздата сводится к этой обильной, разнообразной и очень социально-активной литературе. На западе это наиболее известный раздел русского самиздата. К его классическим образцам разных жанров принадлежат подробное исследование Роя Медведева "Сталинизм", футурологический трактат Андрея Амальрика "Доживет ли Советский Союз до 1984 года?", статьи Андрея Сахарова по проблемам мира и демократии, периодическая "Хроника текущих событий", основанная П. Литвиновым, В. Чалидзе и др. как постоянная трибуна борьбы за права человека, "Мои показания" Анатолия Марченко и другие документированные отчеты о произволе бюрократии и тайной полиции, письма протеста Лидии Чуковской, Льва Копелева и многих, многих других.

Философия и богословие. Пожалуй, основную роль в этом секторе самиздата играет не современное философское и религиозное творчество, а распространение философского и религиозного наследия. Причем, таким образом в авторы самиздата нередко попадают мыслители далекого прошлого, потому что имели несчастье быть реакционными идеалистами (по определению советских справочников) и, следовательно, не заслуживают быть изданными в советских издательствах. В машинописных копиях распространяются не только со-

чинения плеяды русских мыслителей начала века: Шестова, Бердяева, Флоренского, С. Булгакова, Франка, Лосского, Розанова, — но и Кьеркегор (особенно его "Школа христианства") и даже Якоб Беме и св. отцы. В конечном счете, те рукописные евангелия, которые переписывают заключенные в лагерях — это тоже самиздат по определению.

Мистицизм и оккультизм. Хотя основные мистические сочинения нового времени написаны в тюрьмах за железным занавесом, их вряд ли можно считать формами эскапизма. Откровения в них, как правило, сочетаются с острым политическим анализом, а призыв к самососредоточению — с призывом к борьбе. Мне кажется, что западные наблюдатели советской жизни, в силу распространенного здесь позитивизма, недооценивают значение и размах этого направления в самиздате и в русской общественной жизни. Не то русские авторы самиздата. Даже такие позитивно мыслящие авторы как Солженицын, физик Сахаров, математик Шафаревич отводят в своих размышлениях о современности существенное место мистическому опыту. Столь скомпрометированная в глазах западных интеллектуалов мистика шарлатанов, недоучек и желтой прессы мало известна в СССР. Там мистика скорее достояние интеллектуальной элиты и явно связана с движением протеста. И не только в СССР. Такой образцовый борец за свободу в Югославии, как Михайло Михайлов, настаивает на исключительном значении мистического опыта.

Широко распространен мистический трактат Даниила Андреева (сын известного писателя Леонида Андреева) "Роза Мира". Автор, проведший более 20 лет в лагерях, создал оригинальную концепцию мирового зла, единого, регулярно персонифицируемого в эпохальных тиранах.

Дьявольщина, присутствие черта среди нас — постоянный мотив русской литературы от Пушкина и Гоголя до Булгакова, Ахматовой и писателей наших дней. Можно сказать, что это вообще один из постоянных мотивов русского сознания. Отсюда — большое количество оккультных кружков, создающих и распространяющих свой самиздат. По моим наблюдениям, оккультизм более распространен среди инженеров, физиков, химиков, чем среди гуманитариев и богемы. Видимо, это объясняется двумя причинами. Во-первых, по роду и характеру занятий эти люди имеют значительно меньше времени и склонности заниматься мистическими штудиями и упражнениями, тогда как оккультные ритуалы воспринимаются относительно легко. Во-вторых, этим людям приходится иметь больше регулярных контактов с бюрократией, среди которой, как известно, все ключевые посты заняты слугами сатаны.

Эротика и порнография. 10 марта 1953 года, в день похорон Сталина, в школах отменили занятия. Все слонялись со скорбными лицами, не зная, что делать. Мне и моему приятелю директор приказал идти в школьный радиоузел и менять пластинки с траурными маршами. Как только мы за-

перлись, мой приятель вытащил из кармана толстую пачку фотографий. Мне было пятнадцать лет. Впервые в жизни, под Шопена и Вагнера, я разглядывал немногочисленные комбинации, которые можно составить из одной женщины и одного мужчины.

В наши дни тематика подпольных изданий такого рода значительно обогатилась за счет пере съемок из скандинавских и других порножурналов. Качество чернобелых фотографий по-прежнему низкое, но идут они хорошо. На Кавказе торговля порнооткрытками почему-то сосредоточена в руках глухонемых. Впрочем, может быть, они только притворяются глухонемыми, не желая обсуждать свой товар в деталях из-за свойственной людям этого края стыдливости.

Что касается эротических текстов, то, хотя спрос на них очень велик (официально издаваемый Мопассан явно недостаточен), выбор ограничен. Единственное произведение, приближающееся к современным стандартам этого жанра — рассказ "Происшествие". Он циркулирует в самиздате за подписью А. Толстого, одного из столпов официальной советской прозы, и действительно близок по стилю к ранним произведениям этого писателя. Но до сих пор бестселлером остается восходящая к 18 веку поэма "Лука Мудищев". Она не лишена дидактизма: нимфоманиакальная вдова разыскивает героя с penisом фантастического размера и погибает под действием этого инструмента. Во

многом эта, легко поддающаяся фрейдистскому анализу, баллада близка русскому фольклору.

Переводов инструктивных книг типа "Радость пола" пока нет. Их роль выполняют поэтические восточные сочинения, как "Цвет персика". Цена машинописной копии от 10 до 30 рублей.

Инструкции. Наконец, очень пестрый раздел самиздата — всевозможные практические советы и рекомендации.

Различные оздоровительные системы, не пользующиеся покровительством государственной медицины, имеют большую самиздатскую литературу. Многие годы это была хатха-йога. Затем упражнения хатха-йоги стали печатать популярные журналы, и надобность в самиздате исчезла. Но несколько лет назад Государственный Комитет по физкультуре и спорту принял постановление, осуждающее три буржуазных веяния: культуризм, йогу и бридж. Йога-самиздат снова стал оживать.

Среди авторов медицинского самиздата попадают даже такие знаменитости, как приятельница Ленина Лепешинская. Будучи около 90 лет, эта дама открыла восхитительный и простой способ омоложения: содовые ванны. К сожалению, вскоре эта дама скончалась, и популярность ее метода упала.

Любопытен самиздатский текст, по которому тысячи детей обучались хорошим манерам. Он был

подписан именем княгини Волконской. Эта представительница древнего аристократического рода была приглашена в качестве инструктора хороших манер в наиболее престижный московский вуз — институт международных отношений. Там обучается элита партийной молодежи: дети высокопоставленных чиновников или те, кто уже успел сделать карьеру в молодости в комсомоле, армии или КГБ. Любопытно здесь то, что инструкция для этих студентов начиналась с элементарных правил поведения за столом: не чавкать, не вытаскивать овощи и мясо из супа пальцами, не лизать тарелку языком и т. п.

Можно упомянуть еще одну самиздатскую инструкцию исключительной ценности: "Памятку для эмигрирующих в Израиль". Бюрократическая процедура, через которую проходит предполагаемый эмигрант из СССР, необычайно сложна, связана с посещением десятков учреждений, составлением множества юридических документов и заполнением анкет. При том, что аппликант ограничен временем, конторы переполнены, а чиновники настроены враждебно, задача эта становится почти невыполнимой. "Памятка", составленная в кругах еврейских активистов на основе скрупулезного знания советских законов и правил, а также психологии бюрократов, руководит аппликантом шаг за шагом, обеспечивает его образцами всех необходимых документов, а также ценными советами, вплоть до размеров и вида взяток некоторым клеркам. Полезность этого документа признается всеми. В ленинградском ОВИРе (отдел милиции, выдающий визы) я не раз слышал, как со-

трудники отвечали надоедливym посетителям: "Вы видите, как я занята... Оставьте меня в покое, пожалуйста... Все ответы вы найдете в вашей *памятке*..."

* * *

Переводы составляют весьма значительный вклад во все разделы самиздата. Переводятся весьма объемные сочинения: труды Пауля Тиллиха, романы Генри Миллера, наркотико-мистические штудии Джона Лилли. Я видел три разных перевода "1984" Орвелла.

* * *

Все, что сказано мною выше о самиздате, не является отклонением от основной темы: советское книгоиздание. То, что я перечислил здесь как принадлежащее самиздату, точно равняется тому, чего недостает официальному книгоиздательству.

7. Водка

Я помянул в начале, что мне приписывают разрушение процветавшего бизнеса. Дескать, после того, как я написал в эмигрантском журнале о книжном черном рынке в Ленинграде, власти усилили давление, и торговля книгами почти прекратилась. Что-то не верится: прекратилась на глини-

том поле — оживится в другом месте.* Да и вообще, то-то они без меня об этом не знали. Так дело пойдет, они и цензуру прекратят, потому что я написал о цензуре в СССР. Увы, я не верю в такую волшебную силу своего печатного слова.

Ни подпольная торговля книгами, ни самиздат никогда не прекратятся, потому что не прекратится та неутолимая жажда, которая мучает русских людей.

Мне кажется, что и собственно русские и зарубежные критики советского общества, называя недостатки системы: подавление мысли и совести, отсутствие свобод, бедность — упускают из виду еще одну, наверняка самую массовую по своему пагубному воздействию, черту современной русской жизни. Это — скука. Беспросветная, тяжелая, непереносимая скука — еще один не предвиденный Марксом атрибут социализма. В обществе, где все детерминировано, где волеизъявление опасно, а предприимчивость предосудительна, скучно всем. Скучно крестьянину, который отрезан от общения с землей; интеллигенту, которому запрещено обсуждать проклятые вопросы; рабочему, труд которого непроизводителен и не оплачивается; бюрократу, который бессильно наблюдает холостой ход государственной машины.

---

* Позднейшие сообщения подтвердили: книжный черный рынок, конечно же, жив.

Борьба, протест — слишком опасны, и поэтому — это удел немногих. Труд обесмысливается бюрократическим управлением. Развлечений практически нет. Отсюда — всеобщее запойное пьянство и, как варианты его, запойный секс и запойное чтение.

Есть много сходства между производством и продажей водки и производством и продажей книг в Советском Союзе. Водка лучшего качества идет на экспорт или в специальные магазины для аппаратчиков, тогда как населению предлагается низкосортная дрянь, цены на которую, впрочем, растут, как и цены на книги. Несмотря на все запреты, население в городах и деревнях гонит самогон (древнейший вид самиздата). Даже в программах диссидентов мы иногда находим тот же параллелизм: водка — книги. В программе русских националистов, написанной Сергеем Солдатовым, наряду с требованиями свободы мысли и защитой национальных культурных ценностей выдвигается требование продажи народу "здоровой хлебной водки".

Скука достигла таких размеров, что любая незатейливая новинка способна привлечь толпы взрослых людей: выставка американской мебели и просто оставленный иностранцем на улице трейлер.

Я уверен, что если бы начались регулярные трансляции американского телевидения через спутник на СССР, то рабочие, крестьяне, учителя,

милиционеры, партийные чиновники просто перестали бы ходить на работу, не в силах оторваться от приключений бравых полисменов, прелестных медсестер и просто от рекламы пива и мыла. Конечно, через месяц отрезвление бы наступило, бодрый идиотизм телевидения приелся бы и им, но тут-то они бы и обнаружили, что государство, которое составляли они все вместе месяц назад, перестало существовать.

ПОЭЗИЯ ВОСТОКА

В этом городе приезжому первым делом сообщают, что здесь некогда стояло лагерем войско Александра Македонского.

Приезжий охотно верит, потому что город вряд ли много изменился с тех времен. Да и чему меняться — слепые глиняные дувалы вдоль улиц, глубокая горячая пыль, ишаки, обширный азиатский базар.

За случайным знакомством последовало приглашение на плов, которое я охотно принял. И мне открылся такой же вечный, но уютный и отдохновенный мир внутри обнесенного дувалом четырехугольника.

Ни звуки улицы, ни палящие солнечные лучи почти не проникают внутрь этой семейной крепости.

Тот самый дом, что обернулся к внешнему миру выкаленной добела глиняной стеной, доверчиво открывается внутрь себя террасами.

Густая тень от плодовых деревьев.

Журчит фонтанчик посреди квадратного двора.

От ворот по квадрату идут кладовые, комнаты для детей, стариков, парадная горница в центре, кухня, еще жильё и, замыкая периметр, опять к воротам, чистый хлев с двумя чистыми телятами и чистенькая уборная.

Разувшись, вступаю на ковры парадной комна-

ты, сначала неловко, а потом удобно, с удовольствием растягиваюсь на мягких шелковых подушках.

После зноя дня здесь не только прохладно, а почти холодно.

Доносятся со двора негромкие голоса играющих детей, плеск фонтанчика.

Какие мирные, отдохновенные звуки после базарного гама!

Комната обстроена невысокими, до пояса, шкафчиками с раскрашенными дверками. В стенах ниши, аккуратно уставленные посудой, — причем, среди роскошной синей маргелланской майолики немало просто ширпотребных эмалированных мисочек, тазиков, но все выглядит одинаково красиво. Между нишами с посудой аккуратные низки ярких шелковых платьев, семьдесят штук, приданое невесты ("Хороший обычай, на первый год-два, покупать не надо", — сказал молодой хозяин). Под потолком вычищенные расправленные головные уборы — шляпа, другая, сбереженная от армейской службы военная зимняя шапка. И они все выглядят почему-то этнографически красиво.

На достархане, пресловутой азиатской самобранке, сначала виноград, персики, арбуз, конфеты шоколадные громадными вазами, по сортам. Взбитые белки с сахаром.

Пьем зеленый чай.

Потом уже гора царственного плова.

Женщина подает и забирает блюда через окно, а за пиршеством молчаливо председательствует старый хозяин — тощий, в синем пиджаке и черной тубетейке.

Еще чай.

Лежу на шелковых подушках.

Фонтанчик плещет.

Старик, он бывший городской судья, теперь на пенсии, и по виду — тощий кади, восточный крючок-вор, открывает шкафчик, достает толстенный фолиант, выбивает из него облачко золотой пыли об подоконник.

”Хафиз? Хайям?” — гадаю в ленивом блаженстве.

Неожиданно он сует фолиант мне.

— Читай, пожалуйста, где заложено. У меня очки в ремонте.

Я вижу, что в руках у меня не Хафиз и не Хайям, а стопа переплетенных восковок, на первой странице бледносиним напечатано ”Дело по обвинению Сулейманова...” И еще с десятков точных фамилий.

Я читаю изумительные выдержки из судебного протокола, а хозяева и еще два гостя из местных кивают в такт хорошо знакомым текстам.

Сулейманов был секретарем Куйбышевского райкома партии Таджикистана. Да таким молодцом, так лихо откликавшимся на все кампании — по шерсти, по мясу, по яйцам, по догонянию и перегонянию Америки, — что Никита сделал его героем соцтруда.

Шел в большие люди, если бы всемогущая восточная интрига не вырыла ему волчьей ямы. (Кстати, вместе с ним полетел тогда же 1-ый секретарь таджикского ЦК Ульджабаев, его, видимо небескорыстный, покровитель).

Сулейманов создал в своей вотчине бандит-

скую мафию из районного начальства, предколхозов и директоров совхозов, а также из мелких, но необходимых кладовщиков.

Только по тому, что вошло в приговор, что было доказано документами в ходе девятимесячного судебного заседания (одним из участников которого был и мой гостеприимный хозяин), сам Сулейманов — привожу точную, списанную тогда же из протокола сумму — хапнул 2. 006. 448 рублей.

Не отставали и другие, в том числе маленькие кладовщики. Может быть, даже порой проявляли больший размах, чем хозяин.

Очередная закладка. Показания свидетелей по поводу кладовщика одного из совхозов Ибрагимова.

После уборочной за хорошую работу Ибрагимов получил бесплатную (!) профсоюзную путевку в Крым. Перед отъездом он показал свидетелю чемоданчик, в котором лежал 1 миллион рублей, и попросил совета, как бы повеселее истратить эту сумму. Свидетель посоветовал кладовщику поехать в столичный город Душанбе и пригласить с собой студентку университета.

Сам Ибрагимов лениво признает, что да, он поехал в Душанбе, посидел несколько часов на скамеечке перед университетом, и ему приглянулись не одна, а две девушки, и обеих он пригласил прокатиться с ним в Крым. (По бесплатной профпутевке, надо думать) .

Девушки взяли два часа на размышление, после чего сказали, что согласятся, если Ибрагимов предварительно обеспечит им материальное благо-

получие, так сказать, в компенсацию за подмоченную репутацию.

На следующий день ("что подтверждается документами...") Ибрагимов приобрел в окрестностях Душанбе два домовладения на имена матерей этих девушек.

Впрочем, студентки не особенно развлекли скучающего кладовщика, так как следующая закладка раскрывает том на показаниях уже гражданки ...дзе, жительницы г. Тбилиси.

Ибрагимов встретил ее в Ялте в ресторане на крыше гостиницы "Крым", протянул ей рюмку коньяку и предложил выпить за великий народ, сыном которого он является. Грузинка отказалась под предлогом непривычки к крепким напиткам. Тогда Ибрагимов сказал ей следующее: "Я сын великого народа и готов заплатить десять тысяч рублей, если ты выпьешь эту рюмочку". Свидетельница признает, что она выпила рюмочку и получила тут же обещанное вознаграждение из известного нам чемоданчика.

Так процветали те, кто был верен районному паше.

А протестующие? Или хотя бы просто не желающие участвовать?

— Я не хотел подписывать фальшивый акт, — объясняет суду районный агроном, — но Сулейманов пригрозил, сказал: "Плохо тебе будет".

— И вы подписали?

— Нет, в тот раз не подписал.

— А в следующий?

— Он сказал: "Я тебя предупреждал, что плохо будет, теперь пеняй на себя".

— И что же он вам сделал?

— Он меня побил. И я подписал.

Планы перевыполнялись, и Куйбышевский район радовал сердца не только республиканского, но и московского начальства. По всем показателям Сулейманов уже явно оставлял Америку далеко позади.

— Но как же это делалось, какова механика? — спрашиваю я у судьи, потому что закладками отмечены только места, описывающие пиры и кровопролитные рукоприкладства.

Это скучная материя, он удивляется наивности вопроса.

Нехотя объясняет, что каждая тонна хлопка в районе как бы утраивалась. Сначала записывалась в план. Потом по поддельному акту, проведенному втихомолку, объявлялась усохшей, сгоревшей, унесенной ураганом, затем записывалась в перевыполнение плана, затем снова подвергалась стихийному бедствию, и, наконец, продавалась на заготпункт или в соседний район "левым" путем, с тем, чтобы выручка делилась между членами сулеймановской мафии.

Впрочем, вдруг судья оживляется.

— А вот, когда по шерсти должны были ревизоры приехать, Сулейманов здорово придумал!

По шерсти план, разумеется, был выполнен и многократно перевыполнен, шерсть продана "налево" и деньги поделены. И вдруг — ревизоры! Да не свои, душанбинские, а московские! А в районных складах — ни шерстинки.

— У нас за городом такое место есть. Там дороги сходятся. Больше ничего нет. Там по субботам

скотский базар. Уже тысячу лет на этом месте. Кто хочет продать, пригоняет своих баранов. Кто хочет купить, приходит... И вот Сулейманов — хи-хи-хи! — сделал всей районной милиции мобилизацию, и всех ночью с пятницы посадил вокруг базара с ножницами. А когда пастухи пригнали баранов, милиция базар оцепила, и милиционеры с ножницами стали всех подряд баранов стричь. Иди, жалуйся куда хочешь, мы же не берем твоего барана, вот он тебе, только голый. Твоему барану еще лучше — не так жарко. Сулейманов за шерсть еще один орден получил...

— А что они получили на суде?

— Три человека — расстрел... Кладовщики... Сулейманова такой адвокат защищал! Из Москвы. Доктор юридических наук. Но, сами понимаете, тут не в защитнике дело. У Сулейманова все ЦК были друзья. Если бы он их топить начал... Пятнадцать лет ему дали... Он восемь отсидел, вернулся. Сейчас здесь живет. Тихий такой стал...

— После Хрущев совсем правда не стала, — неожиданно резюмировал молчавший до сих пор бритоголовый гость и шумно выпил сок из половины арбуза.

Другой, в необъятных жирах, тоненько пропел:

— Раньше какой закон был? Один раз украл — уха рубят. Другой раз украл — рука рубят. Третий раз — нога...

И сладко зажмурился.

Судья сказал:

— Я сам после войны за мешок самана пять лет давал. За два килограмма ячменя — пять лет...

Фонтанчик плескался.

ЭРМИТАЖ

В 1984 ГОДУ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:

АВЕРИНЦЕВ, Сергей. "Религия и литература". (143 с., статьи)	7.00
АКСЕНОВ, Василий. "Аристофаниана с лягушками". (Пьесы, 380 с.)	11.50
АКСЕНОВ, Василий. "Право на остров". (Рассказы, 180 с.)	7.00
АРАНОВИЧ, Феликс. "Надгробие Антокольского". (180 с., 80 илл.)	9.00
АРМАЛИНСКИЙ, Михаил. "После прошлого". (Стихи, 110 с.)	5.50
БРАКМАН, Рита. "Выбор в аду". (О творч. Солженицына, 144 с.)	7.50
ВАЙЛЬ, Петр. ГЕНИС, Александр. "Современная русская проза". (192 с.)	8.50
ВИНЬКОВЕЦКАЯ, Диана. "Илюшины разговоры". (145 с., 50 илл.)	7.50
ВОЛОХОНСКИЙ, Анри. "Стихотворения". (160 стр.)	8.00
ГИРШИН, Марк. "Убийство эмигранта". (Роман, 145 с.)	7.00
ГУБЕРМАН, Игорь. "Бумеранг". (Стихи. 120 с. Рис. Д. Мирецкого)	6.00
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Зона". (Повесть, 128 с.)	7.50
ЕЗЕРСКАЯ, Белла. "Мастера". (Сборн. интервью. 15 илл.)	8.00
ЕЛАГИН, Иван. "В зале Вселенной". (Стихи, 212 с.)	7.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Архивы Страшного суда". (Роман, 320 с.)	10.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Как одна плоть". (Роман, 120 с.)	6.00
ЕФИМОВ, Игорь. "Метаполитика". (250 с.)	7.00
ЕФИМОВ, Игорь. "Практическая метафизика". (340 с.)	8.50
ЗЕРНОВА, Руфь. "Женские рассказы". (160 с.)	7.50
КЛЕЙМАН, Людмила. "Ранняя проза Федора Сологуба". (220 стр.)	14.00
КОРОТЮКОВ, Алексей. "Нелегко быть русским шпионом". (Роман, 140 с.)	8.00
ЛОСЕВ, Лев. "Закрытый распределитель". (Очерки, 190 стр.)	8.00
ЛУНГИНА, Татьяна. "Вольф Мессинг — человек-загадка". (270 с., 15 илл.)	12.00
МИХЕЕВ, Дмитрий. "Идеалист". (Роман, 224 с.)	8.50
НЕИЗВЕСТНЫЙ, Эрнст. "О синтезе в искусстве". (Альбом, 60 илл.)	12.00
ОЗЕРНАЯ, Наталия. "Русско-английский разговорник". (170 с.)	9.50
ПАПЕРНО, Дмитрий. "Записки московского пианиста". (208 с., 20 илл.)	8.00
ПОПОВСКИЙ, Марк. "Дело академика Вавилова". (280 с., 20 илл.)	10.00
РЖЕВСКИЙ, Леонид. "Бунт подсолнечника". (Роман, 240 с.)	8.50
СВИРСКИЙ, Григорий. "Прорыв". (Роман, 560 с.)	18.00
СУСЛОВ, Илья. "Рассказы о т. Сталине и других товарищах". (140 с.)	7.50
СУСЛОВ, Илья. "Выход к морю". (Рассказы, 230 с.)	8.50
УЛЬЯНОВ, Николай. "Скрипты". (Статьи, 230 с.)	8.00
ЧЕРТОК, Семен. "Последняя любовь Маяковского". (128 с.)	7.00
ШТУРМАН, Дора. "Земля за холмом". (Статьи, 256 с.)	9.00

Заказы отправлять по адресу:

HERMITAGE, 2269 Shadowood Dr., Ann Arbor, MI 48104

К сумме чека добавьте 1.50 дол. на пересылку (независимо от числа заказываемых книг). При покупке трех и более книг — скидка 20%.

76

ISBN 0-938920-42-1